

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»

Е. С. СКОБЛИКОВА

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО ТЕОРИИ СИНТАКСИСА

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2016

УДК 81'37

ББК 81'2-32Рус-2

С 44

Скобликова, Е. С.

С 44 Избранные работы по теории синтаксиса: монография / Е.С. Скобликова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. – 180 с.

ISBN 978-5-86465-718-8

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. С.А. Карпухин,

кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета

Научный редактор Н.А. Илюхина

В книге рассматривается комплекс теоретических проблем современного русского синтаксиса, имеющих существенное значение для построения описательных грамматик, для вузовского и школьного изучения русского языка. Большую часть собранных в книге работ Е.С. Скобликовой объединяет интерпретация различных синтаксических конструкций с точки зрения их категориально-грамматических свойств.

В этом плане рассматриваются: общая проблема грамматических значений в их связи с синтаксической структурой предложения; трактовка согласования и управления; вопросы классификации второстепенных членов, сложноподчинённых предложений, типов предложений по цели высказывания; вопросы синтаксической парадигматики и синтагматики. Содержание значительной части работ имеет полемическую направленность.

Предназначена для научных работников-лингвистов, преподавателей и студентов филологических факультетов, а также учителей средней школы.

УДК 81'37

ББК 81'2-32Рус-2

ISBN 978-5-86465-718-8

© Скобликова Е.С., 2016

© Самарский университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

О синтаксической концепции Е.С. Скобликовой (Н.А. Илюхина)	4
Предисловие автора	11
Об условиях формирования непредикативных словосочетаний (валентные свойства компонентов и коммуникативные факторы)	14
Роль лексики в словосочетаниях с управляемым компонентом	31
О трактовке согласования в «Грамматике современного русского литературного языка»	48
Роль грамматических и смысловых факторов в оформлении согласуемого слова	63
О грамматическом значении подлежащего двусоставного предложения	108
О парадигматической системности в выражении второстепенных членов предложения	116
Синтаксическая парадигматика и синонимия предложно-падежных и падежных конструкций	126
Грамматическая противопоставленность и условия синонимического сближения двух управляемых форм при глаголах речи	143
Об антонимии предложно-падежных форм с точки зрения их компонентного анализа	151
Грамматические значения и семантическая структура предложения	155
Классификация предложений по цели высказывания и проблемы описательной грамматики	164
О категориальном подходе к классификации сложноподчиненных предложений	172

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Е.С. СКОБЛИКОВОЙ

В широком спектре научных интересов Елены Сергеевны Скобликовой синтаксическая проблематика занимает особое место. Среди ее наиболее крупных трудов – вузовские учебники по синтаксису современного русского языка¹, монографии по проблемам синтаксиса², десятки статей, рецензий, учебно-методических пособий и разработок (подробнее о направлениях исследований Е.С. Скобликовой и список её публикаций см. в книге М.Н. Барабиной, Е.А. Завалко и И.В. Шумкиной³). В тематике диссертаций аспирантов, работавших под руководством профессора Е.С. Скобликовой, – при всей ее широте – преобладают вопросы синтаксиса либо так или иначе связанные с синтаксисом.

Скобликову-синтаксиста отличает последовательная опора на традиции классического синтаксиса, глубокая разработка его основополагающих идей. Ее научные позиции в лингвистических дискуссиях можно охарактеризовать как принципиальную ориентацию на научные традиции, как осторожную сдержанность в отношении новых учений, стремление сохранить классические основы трактовки языковой системы, использовать новые подходы – в том числе функционально-семантический с его методикой выявления парадигматических и синтагматических отношений – для углубленного обоснования комплекса категорий классической грамматики в условиях научного плюрализма лингвистики XX – XXI века.

Показательно, что после выхода ее монографии «Согласование и управление в русском языке» (М., 1971) узкое понимание управления, связанное с провозглашением понятия «именного примыкания», не закрепилось не только в вузовских и школьных учебниках, но и, в частности, в «Русской грамматике» под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина (М., 1990).

¹ Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979; 2-е изд.: Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: Теоретический курс. Самара, 1997; Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения: Теоретический курс. Самара, 1993.

² Скобликова Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев: Куйбыш. филиал изд-ва Сарат. ун-та, 1990; Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971.

³ Елена Сергеевна Скобликова: очерк жизни и деятельности: библиографический справочник / сост. М.Н. Барабина (отв. ред.), Е.А. Завалко, И.В. Шумкина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 86 с.

Становление лингвистического мировоззрения Е.С. Скобликовой, формирование ее исследовательских и методологических приоритетов произошло в тесном, «рабочем» взаимодействии с такими учеными, как профессора А.Н. Гвоздев, В.А. Малаховский, А.А. Дементьев, С.В. Фролова, Д.И. Алексеев, В.Д. Бондалетов, И.П. Распопов и другие, в атмосфере научных и методологических дискуссий, в практике разработки принципов описания и преподавания нового для того времени центрального вузовского курса – современного русского языка. Куйбышевские лингвисты, как известно, стали создателями ряда первых признанных вузовских учебников (см. об этом подробнее в статье Е.С. Скобликовой¹).

Существенное влияние на становление ученого оказала многолетняя работа по подготовке к изданию и переизданию трудов А.Н. Гвоздева, многих – по архивам лингвиста (прежде всего переизданию его вузовского курса современного русского языка и посмертному изданию фундаментальных работ по изучению детской речи), теоретическое обоснование и пропаганда классических идей в условиях бурного развития разных лингвистических школ.

Синтаксическая концепция Е.С. Скобликовой, помимо прочего, формировалась под сильным влиянием специфических областей лингвистики: ее отличает глубокое знание процессов истории русского (и общеславянского) языка, свободная ориентация в истории развития и современном состоянии диалектных систем русского языка и изучение (в процессе работы с архивом А.Н. Гвоздева) закономерностей развития детской речи, становления языка у ребенка. Эти линии влияния обеспечили глубокое постижение языковой системы, прежде всего грамматического строя, логики его развития и функционирования. (Замечу, что в полной мере эти связи выразились в концепции обобщающего курса русского языка, который она в течение многих лет читала студентам лингвистической специализации перед сдачей ими государственного экзамена).

Оценку синтаксических взглядов Е.С. Скобликовой как концепции предопределяет то обстоятельство, что она в работах по теории синтаксиса тяготеет к исследованию наиболее «спорных» явлений, которые имеют богатую «историю вопроса» и по которым проходят линии размежевания синтаксических научных школ, предлагающих разные принципы их трактовки. Речь идет о вопросах онтологического и методологического соотношения

¹ Скобликова Е.С. Самарская (Куйбышевская) лингвистическая школа // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1(3).

словосочетания и предложения, сущности и принципов теоретической интерпретации второстепенных членов предложения, основ классификации сложноподчиненных предложений, принципов интерпретации типов синтаксических связей слов (согласования и управления) в словосочетании и предложении и других.

Своеобразие научной позиции Е.С. Скобликовой определяет *категориальный подход* к исследованию, описанию и преподаванию грамматики, к рассмотрению конкретных языковых явлений. Как известно, в синтаксической науке XX века он не был общепризнанным в практике исследований. Категориальность – принципиальная концептуальная черта подхода Скобликовой – заключается не только в теоретическом признании системообразующего статуса грамматических категорий (с этим не принято спорить), но и в последовательной реализации этого постулата в практике описания, интерпретации синтаксической системы в целом или отдельных синтаксических явлений. Категориальный подход уберегает исследователя от скатывания в ту или иную – формально-грамматическую или семантическую – «крайность».

Наиболее важен, плодотворен и убедителен такой подход при интерпретации традиционно спорных, внутренне противоречивых (по крайней мере, на первый взгляд, по привычным меркам), участков языковой системы, производящих впечатление асистемных и часто провоцирующих исследователей на поиски путей их однолинейной их систематизации (структурной или семантической). А это влечет за собой вольный или невольный отход от системы базовых грамматических категорий. В первую очередь сказанное относится к уже названному учению о типах синтаксической связи слов (прежде всего к принципам дифференциации управления и примыкания), теории второстепенных членов предложения, к классификации сложноподчиненных предложений, вопросу о принципах описания синтаксического строя русского языка в научной и учебной литературе.

Однако применительно к разным типам грамматических категорий приоритетность формальной или семантической составляющих является не одинаковой. Так, теоретическая квалификация управления и примыкания (категорий, по своей природе «технических», с семантикой связанных лишь опосредованно) должна основываться на формальной стороне, предопределяющей выбор связи, – на морфологической природе зависимого слова. Попытки ученых интерпретировать традиционно сложившуюся типологию способов синтаксической связи (согласование, управление, примыкание) на семантической основе – с учетом смысловой связи компонентов словосочетания, пре-

допределенности семантических и формальных характеристик зависимого компонента особенностями главного слова, в том числе его значением, – нарушают единство оснований типологии, приводят к ее разрушению. Это убедительно продемонстрировано Е.С. Скобликовой в ее работах¹. Показательно, что после выхода ее монографии «Согласование и управление в русском языке» (М., 1971) узкое понимание управления, связанное с провозглашением понятия «именного примыкания» (нашедшее к тому времени широкое отражение в вузовских учебниках, монографических описаниях русского синтаксиса, в том числе в академической «Грамматике современного русского литературного языка» под редакцией Н.Ю. Шведовой²), не закрепилось не только в вузовских и школьных учебниках, но и, в частности, в новой теоретической версии академической грамматики современного русского языка – «Русской грамматике» 1980 года³.

Другой тип категорий (член предложения, тип сложноподчиненного предложения и другие), суть которых составляет логико-семантическое содержание, обнаруживают приоритет семантической составляющей, которая определяет ядро категории.

Так, ключ к адекватной интерпретации второстепенных членов предложения, к классификации типов сложноподчиненных предложений, как убедительно доказывает Е.С. Скобликова, дает категориальный подход «от семантики» – с учетом приоритетности семантической сущности явления, однако этот приоритет должен ограничиваться формально-грамматическими «рамками» соответствующей категории, которые не допускают ее размывания.

Полемизируя с представителями формально-грамматического направления в синтаксисе, исповедующими принцип описания синтаксической системы на основе формальной общности ее единиц, который не способствует «выявлению системных связей между функционально однородными средствами языка» (Е.С. Скобликова), она разрабатывает и успешно реализует на синтаксическом материале иной подход, предполагающий выявление совокупности средств, характеризующихся функционально-семантической общ-

¹ Скобликова Е.С. *Согласование и управление в русском языке*. М.: Просвещение, 1971; Скобликова Е.С. *Очерки по теории словосочетания и предложения*. Куйбышев: Куйбыш. филиал изд-ва Сарат. ун-та, 1990.

² *Грамматика современного русского литературного языка* / Под ред. Н.Ю. Шведовой / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Наука, 1970.

³ *Русская грамматика: В 2 т.* / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т.2.

ностью. Этот подход, идеи которого провозгласил акад. Л.В. Щерба, предполагает рассмотрение любого синтаксического явления с точки зрения его категориально-грамматической сущности, в его живых парадигматических связях.

Кратко остановлюсь лишь на одном круге проблем, разработка которых относится к крупным заслугам Е.С. Скобликовой. Интерпретация членов предложения, в том числе второстепенных членов, имеет в науке большую историю. На всем протяжении этой истории предпринимались попытки квалифицировать эти единицы, психологически реальные для носителя языка, на разных – формальных или семантических (логических) - основаниях, поскольку эти основания применительно к конкретным языковым фактам выглядели как взаимоисключающие, не допускающие учета обеих категориобразующих сторон. Обе трактовки вели к размыванию контуров конкретных типов членов предложения либо к выхолащиванию их синтаксической, логикоязыковой сущности и – как следствие – к отказу от признания самой категории второстепенных членов предложения. Последнее, в свою очередь, логически предопределяло отказ от категории члена предложения, поскольку статус главных членов – вне их противопоставленности второстепенным – становился сомнительным.

Е.С. Скобликовой в рамках категориального подхода удалось объединить обе линии – интерпретировать существующую традиционную типологию второстепенных членов предложения как опирающуюся на *семантические основания* и в то же время обнаруживающую *парадигматическую системность разноструктурных средств выражения* каждого члена предложения (определения, обстоятельства времени, места, причины и т.д.). Исходя из традиционной логико-семантической классификации, синтезируя наблюдения, касающиеся отдельных проявлений системных связей между разноструктурными средствами выражения того или иного члена предложения (в частности, синонимии предложно-падежных средств и специализированных, «морфологизованных» средств в сфере определений и обстоятельств разных типов), ученый обнаруживает более глубокие системные основы семантического характера, организующие подсистемы средств выражения каждого из второстепенных членов. Продемонстрируем в упрощенном виде эту мысль на примере определения. Категориальную семантику определения наиболее органично – в соответствии со своей частеречной природой - выражает прилагательное (какой? - **молочный**). Однако ту же функцию выражения признака предмета, но в гораздо более дифференцированном виде, выполняет морфо-

логически неспециализированная часть речи – существительное в определенной предложно-падежной форме (ср.: **молочная каша** = каша из молока; **молочный стакан** = стакан из-под молока; **молочный кувшин** = кувшин для молока; **молочный оттенок** = оттенок цвета молока и т.д.). Таким образом, в целях *дифференциации типа признака* в системные отношения с прилагательным вступают иноструктурные (иночастеречные) синтаксические средства – предложно-падежные формы существительного.

Более сложную, однако принципиально сходную картину обнаруживают системные соотношения грамматических средств в сфере разных типов обстоятельств. Принципиально важно то, что разноструктурные средства выражения одного члена предложения внутренне организуются одними и теми же семантическими оппозициями. Например, обстоятельства места (как наречия, так и предложно-падежные формы существительных) образуют подсистему в рамках отношений где – куда – откуда: **здесь - сюда - отсюда, наверху - наверх - сверху; в лесу - в лес - из леса; в портфеле - в портфель - из портфеля**. Е.С. Скобликова вскрыла характер системных отношений в сфере выражения каждой разновидности второстепенных членов предложения и доказала, что парадигматические отношения разноструктурных грамматических средств в рамках каждого члена предложения базируются на семантических основаниях.

Учение Е.С. Скобликовой о второстепенных членах предложения меняет научные представления об этом участке синтаксиса: вскрывает системность в сфере средств выражения второстепенных членов (преимущественно парадигматического характера в сфере определений и обстоятельств разного типа и преимущественно синтагматического характера в сфере дополнений), демонстрирует категориально-грамматический статус второстепенных членов предложения (долгое время подвергавшийся учеными сомнению) и принципиально корректирует существующую оценку традиционной классификации второстепенных членов предложения, доказывая, что она имеет не логический, а семантико-структурный (категориальный) характер.

Оценивая преимущество категориального принципа преподавания языка, Е.С. Скобликова пишет: «Путь от грамматической семантики к грамматической форме способствует интересу к явлениям языка, сознательному отношению к практике их речевого использования, соответственно – культуре речи, способствует развитию аналитического мышления, философскому осоз-

нению связи между языком и реальностью, языком и мышлением»¹. Добавим: в свете антропологического, когнитивного изучения языка - отвечает пониманию его сущности.

Труды Е.С. Скобликовой по синтаксису в совокупности представляют цельную, стройную концепцию. Наиболее показательна объяснительная сила ее концептуального подхода как раз на материале «трудных» для интерпретации участков синтаксического строя. Он одинаково надежно работает при анализе как центральных категорий синтаксиса, имеющих в современной науке общепризнанной теоретической интерпретации, так и частных, периферийных языковых явлений. Именно это, а также широкая фактическая база, обеспечивают ее исследованиям убедительность и фундаментальность.

Н.А. Илюхина

¹ Скобликова Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев: Куйбыш. филиал изд-ва Саратов. ун-та, 1990. С. 138.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящее издание посвящено рассмотрению ряда узловых теоретических проблем современного синтаксиса, от решения которых во многом зависит структура описательных грамматик, направление вузовского и школьного изучения русского языка.

Одна из таких проблем – развитие (и само сохранение!) категориального подхода к интерпретации и описанию синтаксического строя языка, т. е. рассмотрение системы синтаксических средств как средств, служащих для выражения определенных грамматических категорий. Один из важнейших признаков этого подхода – рассмотрение синтаксических конструкций в направлении от присущих им грамматических значений к средствам их выражения. О том, насколько поколеблено это естественное направление анализа, косвенно свидетельствует даже своеобразная детерминологизация при описании синтаксических явлений, в частности – отказ от семантически мотивированных терминов. См., например, в «Русской грамматике» обозначения: «предложения типа **Стучат; Зовут**» вместо «неопределенно-личные предложения»; «предложения типа **Светаает; Знобит**» вместо «глагольные безличные предложения»; противопоставление вопросительных и «невопросительных» (?) предложений, характеризуемое к тому же не как противопоставление предложений по цели высказывания (по категории целевого назначения), а как противопоставление собственно «структурных» типов предложения, и под.

Различным направлениям реализации категориального подхода к рассмотрению синтаксических явлений в настоящей работе посвящены прежде всего очерки, связанные с такими проблемными вопросами, как вопрос о принципах классификации второстепенных членов предложения и разных классификаций сложноподчиненных предложений; общая проблема грамматической семантики простого предложения и вопрос о классификации типов предложения по цели высказывания (см.: «О парадигматической системности в выражении второстепенных членов предложения»; «О категориальном подходе к классификации сложноподчиненных предложений»; «Грамматические значения и семантическая структура предложения»; «Классификация предложений по цели высказывания и проблемы описательной грамматики»). С позиций этого подхода развиваются и по существу пересматриваются многие привычные оценки принципов существующих классификаций.

С точки зрения того же категориального подхода нами интерпретируются отношения синонимии и антонимии, системная характеристика которых нередко ущербна, если она осуществляется без фона более широких парадигматических связей между функционально однородными синтаксическими конструкциями (см. очерки: «Синтаксическая парадигматика и синонимия предложно-падежных и падежных конструкций»; «Грамматическая противопоставленность и условия синонимического сближения двух управляемых форм при глаголах речи»; «К вопросу об антонимии предложно-падежных форм с точки зрения их компонентного анализа»). Самостоятельную задачу этой группы очерков составляет выявление типологии синонимических конструкций, связанной с разными путями формирования синонимических отношений.

Отдельный цикл составляют очерки, в разных аспектах характеризующие синтагматические связи слов: «Об условиях формирования непредикативных словосочетаний (валентные свойства компонентов и коммуникативные факторы)»; «Роль лексики в словосочетаниях с управляемым компонентом»; «О трактовке согласования в «Грамматике современного русского литературного языка».

Наиболее актуальное значение в плане общей теории синтаксиса, на наш взгляд, имеют среди них два первых очерка. С одной стороны, это обусловлено самим характером анализа, осуществляемого здесь: механизм действия и взаимодействия разных факторов в формировании валентных свойств слова и в условиях их реализации, многостороннюю роль лексики в организации словосочетаний с управляемым компонентом мы пытались раскрыть в них с возможной наглядностью и дифференцированностью. С другой стороны, проведенный анализ позволяет подвергать критике ряд теоретических положений, оказавших существенное влияние на структуру и содержание многих современных синтаксических трудов, – положения о самостоятельности словосочетания как единицы языка, о его существовании «до предложения», о номинативной функции словосочетания; представление о самодовлеющей роли валентных свойств слова в формировании словосочетаний, об автоматизме их формирования в условиях сильного управления и других «сильных» валентных потенциалов слова.

Критика этой совокупности теоретических положений проблемно связывает данный цикл с теми очерками, в которых обосновывается и разрабатывается категориальный подход к рассмотрению синтаксических явлений. Дело в том, что трактовка непредикативных словосочетаний как якобы гото-

вых единиц, существующих до предложения, и преувеличение значимости различных «сильных» и «слабых» синтагматических связей привели авторов Грамматики-70 и Грамматики-80 к такой системе описания, в которой для категориально-грамматического рассмотрения второстепенных членов предложения практически не оказалось места.

«Исходная» роль трактовки словосочетания в построении современных описательных грамматик определила принятый в настоящем издании порядок очерков: книгу открывают разделы, посвященные теории словосочетания.

Большая часть материалов, включенных в данную работу, публиковалась в разное время в виде отдельных статей. При подготовке настоящего издания они подверглись переработке. Естественно, что, объединяя представленные очерки, мы стремились к их концептуальной цельности.

ОБ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НЕПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ (ВАЛЕНТНЫЕ СВОЙСТВА КОМПОНЕНТОВ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ)

Активная разработка проблем синтаксической валентности слова, осуществляемая на протяжении последних десятилетий, оказалась очень плодотворной как для синтаксиса, так и для лексикологии. Вместе с тем формалистические тенденции в интерпретации этих проблем (особенно в 60-х – начале 70-х годов) породили метафизически концепции, согласно которым непредикативное словосочетание и даже предложение трактуются как фатально заданный результат «развертывания» слова в соответствии с его валентными свойствами. В ходе разработки этих (достаточно неоднородных) концепций усилилась тенденция к дальнейшему сужению объема понятия «словосочетание» (в частности, те непредикативные сочетания слов, которые нельзя с очевидностью вывести из валентных свойств главного слова, были низведены до уровня лишь «аналога словосочетания»); была гипертрофирована трактовка различий сильного и слабого управления; во многом искусственно стали противопоставляться связи слов, наблюдающиеся в предложении и словосочетании; по сравнению с учением В. В. Виноградова о словосочетании как номинативной единице еще более эксплицировалась трактовка словосочетания как единицы, существующей до предложения, и т. д.

Обращаясь в данном очерке к вопросу об условиях формирования непредикативных подчинительных словосочетаний, мы имеем в виду, с одной стороны, раскрыть важность валентных свойств слов с точки зрения диапазона их сочетательных синтаксических **потенций**, с другой – показать, что формирование конкретных словосочетаний осуществляется только в зависимости от коммуникативных задач и структуры предложения.

1. Природа валентных свойств слова

Природа сочетательных возможностей слова и их роль в формировании словосочетаний может быть адекватно осмыслена и объяснена только при условии такой интерпретации словосочетания, которая предполагает подчиненное положение словосочетания по отношению к предложению.

Любое свободное словосочетание формируется, в нашем понимании, как структурное звено предложения, в котором частично (а иногда и полно-

стью) реализуется одна из коммуникативно-грамматических функций предложения, призванного выражать, в числе других аспектов грамматической семантики, общую схему **отношений между компонентами передаваемой ситуации**. В простом подчинительном словосочетании, которое по правилам построения является относительно автономным звеном предложения, передаются различные отношения между **двумя** такими компонентами, например: между двумя предметами (ср. **ваза для цветов, ваза с цветами, ваза без цветов, ваза из-под цветов**); между действием и предметом (**передай ей, передай для нее, передай через нее, передай от нее**); между предметом и качественным признаком (**преданная мать, преданная матери; серый с крапинками, серые крапинки**) и т. д.

В соответствии с этой функцией свободных словосочетаний валентность отдельного слова в первую очередь определяется тем, каков диапазон тех смысловых отношений, которые данное слово может передавать в сочетании с другими словами по характеру своей лексической и грамматической семантики.

Подчеркнем при этом, что в механизме воздействия на валентные свойства слова между лексической и грамматической семантикой принципиальных различий нет. Различия затрагивают лишь степень широты и уровень конкретности – абстрактности такого воздействия.

Так, например, грамматическое значение предметности у существительных предопределяет широкую возможность распространения их зависимыми компонентами **признаковой семантики**. Отсюда – свободная сочетаемость существительных с зависимыми прилагательными и другими словами и формами слов, которые специализировались для обозначения признака предмета.

Что касается характера признака, то потенциальные возможности для выражения признаков различных типов ограничиваются лексической семантикой существительного, точнее же – реальными особенностями обозначаемого им предмета.

При этом если речь идет о сочетаемости с определением-прилагательным, то действие семантического фактора проявляется в ограничениях **лексической** сочетаемости. Например, существительное **посуда** способно сочетаться с прилагательными **фарфоровая, глиняная, стеклянная** и под. и не может определяться словами типа **ситцевая, земляная** и т. д. (ср. **ситцевая наволочка, земляной вал**).

Если в аналогичных условиях используется несогласованное определение-существительное, то семантически обусловленными оказываются и возможность зависимой грамматической формы с предлогом **из**, выражающий признак по материалу изготовления, и ограничения лексические. Ср. посуда **из фарфора, из глины, из стекла, не из ситца, из земли, из мяса** и т. д.

Таким образом, и грамматические и лексико-семантические факторы, формирующие валентные свойства слова, в главных чертах имеют **семантическую – экстралингвистическую** основу и в конечном счете связаны с отражением тех отношений, в которые может вступать или обязательно вступает соответствующий тип денотата.

В то же время **формы реализации семантической валентности слова** имеют, разумеется, **собственно языковой характер** и несут на себе отпечаток национального своеобразия.

В плане характеристики специфически языковых проявлений валентных свойств слова особенно важно то, что кроме рассмотренных семантических условий, на эти свойства влияет еще один самостоятельно действующий фактор – **нормативно-фразеологическая избирательность** сочетательных связей, закрепившаяся у определенных слов в языковом узусе.

Избирательность связей вызывает различия при выражении идентичных смысловых отношений. При этом различия могут проследиваться как в грамматической, так и в лексической сочетаемости.

Ср., например, различное грамматическое обозначение однотипных объектных отношений в случаях типа:

сердился на нерасторопность – возмутился нерасторопностью;

править машиной – вести машину;

похож на листок – сходен с листком – подобен листку и под.

Аналогичны проявления избирательной лексической сочетаемости. Например, при обозначении высокой степени признака определение-прилагательное употребляется при одних отвлеченных существительных и невозможно при других. Ср., например: **высокая идейность, сознательность** и под., но **большая** (а не «высокая») **самоотверженность, преданность** и т. д.

Таким образом, среди условий, определяющих валентные свойства слова, необходимо различать все основные группы факторов – факторы **семантические** (связанные с грамматической и лексической семантикой слова) и **нормативно-фразеологические**, проявляющиеся в избирательных формах сочетаемости при выражении идентичных смысловых отношений. (Как будет показано в разделе «Роль лексики в словосочетаниях с управляемым компо-

нентом», нередко каждая из предложно-падежных и падежных форм, употребляющихся при выражении идентичных смысловых отношений, сохраняет семантическую мотивированность, поэтому элементами случайности обычно характеризуется лишь то, за какой именно лексемой языковой узус закрепил ту, а не другую форму зависимого слова).

Роль грамматической или лексической семантики оказывается преобладающей в зависимости от того, по отношению к каким частям речи проявляется активная синтаксическая валентность слова.

В связи с этим ниже отдельно будет рассмотрена сочетаемость с прилагательными и наречиями, отдельно – с зависимыми существительными.

А. Сочетаемость с прилагательными и наречиями

Принципиальная способность сочетаться с зависимым прилагательным или наречием (несамостоятельными частями речи, в терминологии В. А. Богородицкого) задается, как это отчасти уже выяснялось, категориально-грамматическим значением слова как определенной части речи.

Так, существительное, имея грамматическое значение предметности, заведомо способно подчинять себе прилагательное, призванное обозначать признак предмета. Точно так же глагол обладает способностью подчинять себе наречие. Ср., **далекий город – жил далеко; дружеские отношения – относился дружески** и под.

В сфере этих грамматикализованных валентных отношений роль лексического значения господствующего слова не затрагивает сочетаемость собственно синтаксическую и проявляется только в ограничениях лексической сочетаемости.

Напротив, синтаксическая сочетаемость, реализующаяся «вопреки» грамматикализованным валентным отношениям может быть обусловлена только лексическим значением слова и нормативно-фразеологическими факторами. Например, способность существительного определяться наречием может зависеть от его лексической семантики. Так, существительные, допускающие по своему денотативному значению пространственную атрибуцию, способны сочетаться с наречиями места (**дом слева, комната наверху**). Нормативно-фразеологическими условиями определяется сочетаемость в случаях типа **яйцо всмятку, вкрутую, ср. крутое; езда верхом, ср. верховая** и под.

Б. Сочетаемость с зависимым существительным

В отличие от сочетаемости с «несамостоятельными» частями речи способность употребляться с зависимыми существительными не связана с какими-либо «крупноплановыми» грамматическими ограничениями. Широкие возможности синтаксического использования существительного, его максимальная синтаксическая «мобильность», универсальность, с одной стороны, обусловлены тем, что любой тип реальных явлений может быть выражен в современных развитых литературных языках в форме субстантива (ср., например: **эффективность проверки исполнения, добросовестность отношения к работе, исследование возможностей улучшения качества обработки** и т. д.). С другой стороны, через отношение к предмету в принципе может быть определен и другой предмет, и признак, и действие (**преподаватель института, листья березы; добр к детям, потертый по краям; раздавал книги, ехал из Ленинграда** и т. д.). Абсолютной несочетаемостью с зависимыми существительными характеризуются только местоименные слова, но это ограничение скорее тоже не собственно грамматического, а семантического порядка.

Однако констатация широты в грамматических возможностях образования словосочетаний с зависимым существительным может быть в этой сфере только первой ступенью анализа.

В отличие от прилагательных и наречий формы зависимых существительных обладают способностью выражать разные смысловые отношения грамматически дифференцированно, что связано с гибким синтаксическим использованием их в различных падежах с предлогами и без предлогов¹. Поэтому по отношению к сочетаемости с зависимым существительным основным вопросом становится не принципиальная возможность такой сочетаемости вообще, а возможность сочетаемости с определенными падежными и предложно-падежными формами субстантивного слова, выступающими в качестве выразителей тех или иных смысловых отношений. Это вопрос о специфической «падежной и предложно-падежной валентности» слова, как мы будем называть ее в дальнейшем.

¹ Об арсенале падежных и предложно-падежных форм существительных З. Д. Попова пишет: «Мы рассматриваем беспредложные и предложно-падежные формы как грамматические средства, составляющие единую комбинированную (синтаксикоморфологическую) парадигму форм». Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века. Воронеж, 1969. С. 7–8.

На этом (основном) уровне анализа обнаруживается сложное взаимодействие семантических и нормативно-фразеологических факторов при доминирующей роли факторов семантических.

Роль семантических факторов

Синтаксическая форма зависимого существительного, т. е. его падежная или предложно-падежная форма, призвана указывать на соотношение соответствующего предмета с другим предметом, действием или признаком, выраженным главным словом словосочетания.

Поэтому вопрос о влиянии лексического значения слова на его сочетаемость с зависимыми существительными – это вопрос о том, каков диапазон тех соотношений с предметом, к выражению которых может предрасполагать лексическое значение данного слова.

Например, конкретные существительные-названия посуды или тары естественно сочетаются в потенции с подчиненными существительными, выражающими: а) предмет предназначения, б) предметное содержимое, в) извлеченное содержимое, г) материал, д) владельца, е) пространственный предметный ориентир, ж) сопровождающую предметную деталь. Становясь выразителями меры, такие существительные приобретают способность сочетаться с словоформами, обозначающими предмет измерения (з). Ср.:

- а) банка для огурцов, на огурцы, под огурцы;
- б) банка с огурцами, без огурцов;
- в) банка из-под огурцов;
- г) банка из бутылочного стекла;
- д) банка соседки;
- е) банка на буфете, под столом, в шкафу, за шкафом...;
- ж) банка с крышкой, без крышки;
- з) банка (полбанки) огурцов.

Отношения предмета и его содержимого, меры и предмета измерения чужды семантике других конкретных существительных (ср., например, стол, диван, кровать; газета, книга; дом, комната, река и т. д.).

В падежной и предложно-падежной валентности слова вообще гибко отражаются особенности его лексического значения.

Например, существительные-названия искусственных водоемов могут формировать словосочетания, выражающие предназначение: бассейн для

плавания, водоемы для рыборазведения¹. Слова, обозначающие естественные водоемы, – озеро, болото, море и под. – обычно не имеют этой сочетательной возможности.

В то же время рассматриваемые факты обнаруживают, что роль лексического значения сама имеет здесь обусловленность **экстралингвистическую**: «закономерности синтагматически обусловленной номинации во многом от характера и свойств описываемых предметов», – констатирует В. Г. Гак². Показательно, как меняются сочетательные возможности при изменении обычных реальных ситуаций или при изменении реального содержания самого слова. Естественно, например, что особенности обычных ситуаций определяют различие в сочетаемости с родительным падежом принадлежности у существительных-названий домашних животных, с одной стороны, и диких, с другой. Первые свободно образуют словосочетания со значением владельца (**корова, гуси Никоновых**); вторые таких сочетаний обычно не образуют. Однако, если речь идет о прирученных диких животных, формирование притяжательных конструкций становится вполне возможным, ср.: **волк Никоновых, еж Пети (Петин еж)**. Подобным образом при обозначении «ненастоящих» растений и животных появляется возможность сочетать соответствующие слова с формами, указывающими на материал: **цветы из бумаги, медвежонок из поролона**. Обозначая живые цветы и живых животных, те же слова не могут образовать таких сочетаний. Таким образом, сочетательные возможности слова определяются свойствами обозначаемого этим словом явления постольку, поскольку этими свойствами обусловлены его закономерные связи с другими явлениями объективной действительности. Именно в этом смысле лексическая семантика является наиболее широким и общим фактором, обуславливающим валентность слова.

Роль нормативно-фразеологических и грамматических факторов

Несмотря на определяющую роль семантического фактора, активная падежная и предложно-падежная валентность слова не представляет собой зеркального отражения семантических возможностей слова. В силу ряда при-

¹ Ср. у С. Д. Кацнельсона указание на то, что названия вещей – «изделий человеческих» «содержат в себе идею целевого назначения»: **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 84.

² **Гак В. Г.** К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972. С. 378.

чин грамматическая реализация этих возможностей характеризуется большой сложностью, «капризностью» и национальным своеобразием.

Дело в том, что даже система одного языка дает возможность обозначать определенный тип смысловых отношений по-разному.

Это обуславливается, с одной стороны, богатством падежной и предложно-падежной парадигмы, с другой – многогранностью самих передаваемых реальных отношений, в силу чего разные падежные или предложно-падежные средства могут отражать ту или другую сторону этих отношений. См., например, ругал **его**, выговаривал **ему**, ворчал **на него**; ехал **поездом**, ехал **на поезде**; разработано **лабораторией**, разработано **в лаборатории**. Ср. также «обратимость» конструкций типа **налил банку водой** – **налил в банку воды**¹.

Принципиальная возможность различного грамматического обозначения одних и тех же реальных отношений обуславливает избирательность языковой нормы. Ее гибкость и историческую изменчивость даже в пределах одного языка, не говоря о национально-избирательном ее характере.

Многообразие возможностей различного грамматического обозначения идентичных реальных отношений является источником формирования избирательного **лексически связанного употребления** падежных и предложно-падежных форм. Как показывают материалы по историческому синтаксису, в древнерусском языке эти возможности в целом реализовались свободнее, чем в современном русском языке. При этом разные управляемые формы часто использовались при одном и том же господствующем слове. Позже, с ростом нормативных тенденций, литературная традиция в большинстве случаев закрепляла при каждом слове **одну** из тех форм, которые в принципе **все** могут выражать устанавливаемые смысловые отношения. Результатом являются широко распространенные различия в грамматической реализации одинаковых семантических возможностей. Традиционно сложившиеся нормативно-фразеологические связи определенных слов – а) главных; б) зависимых – нередко обуславливают разное падежное и предложно-падежное выражение одинаковых смысловых отношений. Ср.:

а) **сообщил брату** – **известил, уведомил брата**; **грозил ему** – **пугал его**; **изучать иностранный язык** – **учиться языку** – **овладеть языком**;

¹ О семантической природе соответствующих явлений см. ниже, раздел «Роль лексики в словосочетаниях с управляемым компонентом», § 7.

б) **уйти с завода – уйти из института; возвратиться на заре – возвратиться в сумерках** и т. д.

Различная реализация одинаковых семантических возможностей может зависеть от грамматической природы слова. Так, достаточно часто по-разному оформляются словосочетания с словообразовательно соотносительными глаголами и существительными. Ср.: **проверять работу – проверка работы, убирать квартиру – уборка квартиры, симпатизировать ему – симпатия к нему, интересоваться живописью – интерес к живописи**. Но жестко грамматически обусловлена здесь только невозможность сохранения при отглагольных существительных винительного падежа прямого объекта. Чаще всего ему при существительном соответствует родительный падеж. Однако регулярности не наблюдается и здесь. Ср., например, **любить природу – любовь к природе, презирать ложь – презрение ко лжи, победить врагов – победа над врагами, уважать противника – уважение к противнику**. Отглагольные существительные, образованные от косвенно-переходных глаголов, то сохраняют в выражении объекта валентные свойства глагола, то характеризуются другой грамматической валентностью. Ср., например, с одной стороны: **руководить кружком – руководство кружком, надеяться на успех – надежда на успех, тосковать по родине – тоска по родине** и т. д., с другой – примеры типа приведившихся выше.

Большая индивидуальность сочетательных свойств у отглагольных существительных побуждает усматривать в проявлениях этих свойств не столько грамматическую, сколько нормативно-фразеологическую обусловленность.

В целом активная падежная и предложно-падежная валентность слова как бы двуступенчато связана с самим этим словом.

На первой (основной) ступени играет роль его лексическое значение, которое определяет диапазон «семантической» валентности слова, т. е. то, в выражении каких смысловых отношений оно может участвовать и, соответственно, какие семантические типы словосочетаний может образовать.

На второй ступени – ступени грамматического воплощения семантических потенций – в выборе формы зависимого существительного при выражении одного определенного типа соотношения с предметом играют роль:

– (всегда) сам характер этого соотношения¹;

¹ О том, что характер выражаемых отношений является в выборе зависимой падежной или предложно-падежной формы фактором постоянно действующим, подробнее см.: Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке / АДД. Л., 1970. С. 15-17.

плюс к тому:

при выражении объектных отношений:

– (не всегда) грамматическая природа распространяемого слова;

– (очень часто) традиционно сложившиеся нормативные связи данного конкретного слова только с одной из форм, потенциально возможных при выражении передаваемого типа смысловых отношений;

При выражении обстоятельственных значений:

– (не всегда) нормативное закрепление определенных форм лишь за строго определенными **зависимыми** словами.

* * *

Заключая все сказанное о валентных свойствах слова, подчеркнем еще раз, что противопоставляемые в лингвистической литературе типы валентности – **лексическая и синтаксическая** – одинаково имеют своим первоисточником сочетаемость **семантическую**. Формы воплощения семантической сочетаемости как на синтаксическом, так и на лексическом уровне характеризуются национальным своеобразием и нормативно-фразеологическими особенностями.

2. Валентные свойства слова и модели словосочетаний

Как уже было сказано, формирование подчинительного словосочетания как синтаксической единицы находится в границах валентных возможностей слова. Любое словосочетание формируется в порядке реализации одной из возможных валентных связей слова.

Грамматическое выражение этих связей осуществляется по-разному, но всегда оно в той или иной степени зависит от характера господствующего слова. Поэтому теория «распространения слова» в синтаксисе непредикативных словосочетаний является теорией, естественно вытекающей из природы этой синтаксической единицы.

Существующие в языке грамматические модели словосочетаний многосторонне отражают валентные свойства господствующих слов и обладают очень различной степенью грамматического обобщения.

Эта последняя зависит от грамматической природы подчиненного слова – наиболее «активного» компонента словосочетания, поскольку именно в его

форме получают выражение смысловые отношения между членами словосочетания¹.

Предельной степенью грамматической абстракции характеризуются модели словосочетаний типа «существительное + подчиненное прилагательное». Это проявляется в следующих их особенностях:

а) Принципиальная возможность их формирования обусловлена не лексической, а общекатегориальной – грамматической – семантикой существительного.

б) Грамматическое оформление таких словосочетаний происходит на основе максимально грамматикализованного приема – согласования. Согласование обычно не зависит в этих словосочетаниях от лексических свойств господствующего слова и отражает только его грамматические особенности.

в) Различных отношений к предмету форма согласуемого прилагательного (в отличие от управляемого существительного) не передает. Ср., например: **молочный кувшин** – «для молока» и **молочный кисель** – «из молока».

г) Смысловые отношения между компонентами, выражаемые разными согласуемыми формами, всегда одинаковы и характеризуются высокой степенью грамматической абстракции: любая согласуемая форма указывает на принадлежность соответствующего признака предмету, выраженному господствующим существительным (ср.: ветви **высокого** дуба, **сухие** ветви дуба, на **высоком** дубу и т. д.). Особенно заметна указанная роль согласования при контактном расположении двух или нескольких прилагательных в случаях типа **ветви засохшие старого дуба** – **ветви засохшего старого дуба**².

д) Структура словосочетания не зависит от особенностей его конкретного лексического наполнения.

По сравнению с словосочетаниями с зависимым прилагательным модели словосочетаний с зависимым существительным всегда характеризуются меньшей степенью грамматического обобщения и меньшей степенью «формализованности».

¹ Это отмечалось многими исследователями. См., например: **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956. С. 56–57; **Гвоздев А. Н.** Современный русский литературный язык. Часть II. Синтаксис. Изд. 3. М., 1968. § 19; **Мухин А. М.** Структура предложений и их модели. Л., 1968. С. 117 и многие другие работы.

² До современных работ удержалось (хотя и не единодушное) мнение о том, что согласованию присуща чисто строевая функция противопоставления функциям семантическим. См., например: **Бондарко А. В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 38.

Если характеризовать словосочетания с зависимым существительным по рассмотренным выше линиям, то нужно констатировать следующее:

а) Принципиальная возможность формирования этих словосочетаний всегда ограничена здесь **лексической** семантикой господствующего слова. (См. об этом выше).

б) Грамматическое оформление осуществляется на основе предельно «семантизированного» приема управления: в выборе падежной или предложно-падежной формы зависимого существительного доминирующую роль играет потребность выразить определенное соотношение с соответствующим предметом – фактор чисто семантический (ср.: Сегодня стоит задача **не учить литературу, а учить литературой** – из газет).

в-г) В отличие от словосочетаний с зависимым прилагательным словосочетания с зависимым существительным способны грамматически дифференцированно передавать многообразные смысловые отношения между компонентами, с чем связано многообразие их моделей.

д) В грамматическом оформлении рассматриваемых словосочетаний часто играет роль конкретное лексическое наполнение словосочетания.

Исходя из перечисленных различий, можно утверждать, что модель «существительное + зависимое прилагательное» представляет собой в русском языке совершенно абстрактную грамматическую модель, которую правомерно анализировать, отвлекаясь от ее конкретного лексического наполнения. Наоборот, разнообразные грамматические модели словосочетаний с зависимыми существительными нельзя характеризовать в отвлечении от слов строго определенных лексико-семантических групп. Более того, часто эти модели отражают различия нормативно-фразеологических связей у конкретных слов, входящих в одну и ту же лексико-семантическую группу.

В последнем случае каждая структурно-семантическая модель словосочетания предполагает набор конкретных господствующих слов, нормативно-фразеологические связи которых предопределяют употребление зависимого субстантива в той или иной форме.

Таким образом, участие валентных свойств слова в формировании словосочетаний не исчерпывается их «ограничивающей» ролью. На уровне языка от этих свойств зависят различия в характере грамматических моделей – с одной стороны, моделей очень абстрактных, предельно широкого действия, таких, которые определяют правила построения словосочетаний для слов определенной части речи в целом; с другой стороны, наоборот, моделей узкого

действия, таких, которые связаны только с определенными словами в составе одной и той же лексико-семантической группы¹.

3. Предложение и формирование непредикативных словосочетаний

Как было прослежено выше, формирование непредикативных подчинительных словосочетаний осуществляется обычно в границах валентных возможностей слова.

Обеспечивают ли, однако, валентные свойства слова использование этих словосочетаний в качестве самостоятельных «номинативных» единиц, существующих до предложения и входящих в предложение в готовом виде.

На это вопрос следует ответить отрицательно.

Зависимость самой модели словосочетания от валентных свойств обоих его компонентов обеспечивает словосочетанию роль относительно автономного звена в построении предложения. Но автономность эта проявляется лишь в том, что правила построения большинства непредикативных словосочетаний безразличны и безотносительны к общей структуре предложения. Словосочетание строится по специфическим правилам «распространения слова» – 1) чаще всего независимо от того, каким членом предложения является это слово; 2)

¹ Детализация в качественном разграничении моделей словосочетаний в значительной степени определена В. В. Виноградовым, выделившим четыре основных типа «правил образования» словосочетаний (см.: Грамматика русского языка. Т. 1, ч. 1. М., 1954. С. 50 и след.). С нашей точки зрения, его разграничение следует уточнить, во-первых, указанием на то, что «семантически ограниченными» являются модели почти всех словосочетаний с зависимым существительным: обычно такие модели действительны только по отношению к определенным лексико-семантическим группам как главных, так и зависимых компонентов. Во-вторых, элемент лексической связанности характеризует по существу все модели объектных словосочетаний, поскольку даже самые продуктивные модели охватывают все-таки не все слова определенных лексико-семантических групп. В-третьих, лексическая связанность не есть нечто противостоящее слабоуправляемости, только в моделях со слабоуправляемыми существительными играет роль лексическое наполнение не главного, а подчиненного компонента.

В целом изучение словосочетаний с зависимым существительным показывает, что по характеру моделей здесь наиболее резко противостоят друг другу словосочетания с объектными и обстоятельственными значениями зависимого компонента. В них неодинаково проявляется роль различных факторов, определяющих форму зависимого слова; неодинаковый удельный вес имеют элементы лексической связанности; по-разному проявляется эта связанность.

независимо от того, какую структуру имеет предложение двусоставным или односоставным, полным или неполным, простым или сложным.

В остальном формирование непредикативных словосочетаний задается и контролируется предложением.

Если валентные свойства слова предопределяют потенциальный диапазон его сочетательных возможностей, то реализации этих возможностей всецело зависит от предложения – от его содержания, коммуникативных задач и даже от его структуры.

По этой линии в лингвистической литературе последних десятилетий часто резко противопоставляются различия, связанные с реализацией «обязательных», «необходимых» распространителей слова, с одной стороны, и с реализацией «необязательных», «факультативных», с другой. Употребление «необходимых» определителей выводится непосредственно из валентных свойств слова, употребление факультативных – из коммуникативного содержания предложения.

На самом деле объективные различия необходимых и факультативных определителей слова обуславливают только 1) неодинаковую вероятность их реализации в предложении и, соответственно, неодинаковую частотность и регулярность их практического употребления; 2) различия в степени семантической спаянности компонентов словосочетания.

Что касается «независимости от предложения», то в формировании конкретных словосочетаний такой независимости нет не только у словосочетаний с «факультативными» определителями, но и у словосочетаний с «необходимыми» определителями: автоматизм в реализации «необходимых» определителей серьезно преувеличен. Часто оказывается преувеличенным и сам факт их необходимости.

Представляется несомненным, что формирование свободного словосочетания практически всегда зависит от коммуникативных задач говорящего, поскольку в предложении реализуются только коммуникативно необходимые валентные возможности слова. Ср., например, использование различных моделей словосочетаний с одним и тем же главным словом, типа: **Уважение учеников** – лучшая награда для учителя; **Уважение к воспитанникам** – необходимое условие педагогического успеха. По лексическому значению слово **уважение** необходимо предполагает субъектные и объектные отношения – «чье» и «к кому или к чему». Но одновременное выражение обоих этих отношений в трехчленном словосочетании (уважение учеников к учителю, уважение учителя к воспитанникам) в условиях данных предложений было бы по

меньшей мере излишним: даже одно предложение располагает богатыми возможностями косвенного, имплицитного выражения тех отношений, которые вытекают из валентных свойств того или иного слова; в рамках более широкого контекста эти возможности увеличиваются. Поэтому словосочетание формируется в речи не просто на основе требований главного слова, а с учетом перспективы и ретроспективы всего развертывающегося изложения.

Регулярная зависимость не только от коммуникативных задач, но и от **структуры** предложения наблюдается, например, в реализации «необходимого» определителя «с кем» при глаголах взаимного действия: **встретился с сестрой, ссорился с сестрой, спорил с сестрой** и под. Глаголы этого типа необходимо предполагают обозначение обоих участников действия. Однако формирование словосочетаний указанного типа отнюдь не предопределяются ими автоматически. Употребление этих словосочетаний исключается, если оба участника действия обозначены подлежащими. Ср., например, «**Денис Васильевич и Евгения** могли часами спорить о литературе» (Задонский) и «**Денис Васильевич** часами спорил с **Евгенией**...»

При этом важно подчеркнуть, что общие принципы грамматического оформления подобных словосочетаний и условия их формирования в предложении не различаются в зависимости от того, является ли подчиненный компонент семантически необходимым или только семантически возможным определителем господствующего слова. Ср. одинаковое выражение второго субъекта действия в случаях типа **дрался с мальчишками** (необходимый определитель) – **играл с мальчишками** (факультативный определитель); одинаковое грамматическое выражение места в словосочетаниях типа **читал в комнате, на террасе, за домом...** (факультативные определители) и **расположился в комнате, на террасе, за домом...** (семантически необходимые определители) и под.

В формировании словосочетаний с «факультативными» зависимыми компонентами действуют те же ограничивающие условия, что и в формировании словосочетаний с необходимыми компонентами. Например, использование словосочетания с факультативным зависимым компонентом типа «с кем» исключается, если оба участника действия обозначены в предложении подлежащим – так же, как и в случаях, когда этот определитель необходимо предсказывается лексическим значением глагола (см. выше). Ср., например: «Петр часто гулял с **братом** по парку» и «**Петр и его брат** часто гуляли по парку». Отметим, кстати, что выбор той или иной грамматической формы для обозначения второго участника действия целиком определяется коммуника-

тивными задачами предложения: в подлежащем оба субъекта действия обозначаются как равноправные; обозначение одного из них формой «с + твор. падеж» отодвигает его на второстепенное место, придает оттенок полуобъектного, а не часто субъектного значения.

Небезынтересно указать на то, что валентные особенности слова сами складываются не без влияния коммуникативных условий, к которым приспособилось данное слово. Например, среди глаголов речи есть такие, которые неспособны сочетаться с обозначениями адресата речи (типа **сказал, ответил кому**). См., например: **проговорил, воскликнул, изрек** и другие. С лексическими значениями таких глаголов это прямо не связано и может быть объяснено только условиями их коммуникативного использования: эти и подобные глаголы употребляются почти исключительно при прямой речи – в авторских ремарках, сопровождающих отдельные реплики диалога, где потребность обозначить слушателя минимальна, в конструкциях косвенной речи или с дополнением делиберативного объекта они не употребляются¹

Разумеется, что даже в случаях максимальной необходимости зависимого компонента господствующее слово само по себе не может предопределить **лексическое наполнение** такого компонента – это последнее вытекает из содержания и коммуникативных задач предложения². Ср., например, словосочетания с переходным глаголом **принес**: **принес картошку** (картофель); **принес девочку (Машку, озорницу)**; **принес антенну** и т. д. Под влиянием тех или иных коммуникативных условий в рамках одной и той же модели и одинакового реального содержания может варьироваться и лексическое наполнение самого господствующего компонента; ср.: **принес, притащил, приволок, картошку**. Возможность свободной лексической замены одного компонента словосочетания при неизменности другого, конечно, не свидетельствует в пользу положения о существовании словосочетания в качестве самостоятельной номинативной единицы, в «готовом» виде вводимой в предложение.

Заметим, что представление о грамматической определенности сильноуправляемого компонента словосочетаний нередко тоже оказывается преувеличенным. От начала XIX века до наших дней сохранилось, например, утвер-

¹ Подробнее об этом см. нашу работу «Согласование и управление в русском языке» (М., 1971; § 25–27).

² «С содержательной и формальной разделительностью синтаксического словосочетания связана непредсказуемость его второго компонента», – пишет Ю. В. Фоменко. См.: **Фоменко Ю. В.** К спорам о предмете синтаксиса // Предложение в русском языке. Структура. Семантика. Функционирование. Омск, 1985. С. 9

ждение, что словосочетания с приставочными глаголами пространственного перемещения обязательно предполагают семантическое соответствие между приставкой и предлогом, с которым употребляется зависимое существительное: «Но присоединим к глаголам приставку пространственного значения, и характер сочетания меняется. Теперь возможна и необходима лишь одна из форм, выражающих направление: **войти в лес, выйти из лесу, подойти к реке, перейти через реку...**; **забросить мяч за забор, перебросить через сетку, выбросить из окна** и т. д.», — пишет, например, Г. А. Золотова¹. Однако фактически условия формирования словосочетаний с этими глаголами отнюдь не так жестки. В соответствии с коммуникативными потребностями говорящего в предложении могут реализоваться иные связи:

вошел с улицы, из прихожей (ср.: **Вошел Петр** — без зависимого компонента);

вышел к нам, на террасу, в коридор, через балкон;
подошел ближе;

перейти реку, на другой берег, на второй ряд, на скамейку, в кухню;
забросить мяч на другую сторону, под сетку, в окно, на балкон;
перебросить на другую сторону, к нам;

подбросить вверх;

выбросить на балкон, в кухню, за забор, через окно и т. д.²

Таким образом, особенности слова предопределяют 1) потенциальные возможности формирования непредикативных словосочетаний на основе синтаксического распространения этого слова; 2) степень вероятности формирования словосочетаний с определенными значениями; 3) специфические правила построения словосочетаний по определенным моделям; 4) особенности самих этих моделей. В то же время валентные свойства слова не являются непосредственной причиной формирования конкретных словосочетаний. Такой непосредственной причиной оказывается коммуникативная потребность выразить соответствующие смысловые отношения в том звене предложения, каким является словосочетание. При этом принципы формирования словосочетаний в предложении не обнаруживают существенных различий в зависимости от того, с какой степенью вероятности и конкретности предсказывается выражение этих отношений лексическим значением главного слова.

¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 57.

² См. фиксацию соответствующих возможностей: Учебный словарь сочетаемости русского языка. М., 1978; Штейнфельдт Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин. 1963. С. 292–316.

РОЛЬ ЛЕКСИКИ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ С УПРАВЛЯЕМЫМ КОМПОНЕНТОМ

По отношению к словосочетаниям, организуемым посредством управления, постоянно констатируется определяющее влияние лексического значения господствующего слова. Между тем природа такого влияния анализу обычно не подвергается; не дифференцируются различные стороны этого влияния; не учтена вполне роль **обоих** сочетающихся компонентов.

В дальнейшем изложении мы попытаемся расчлененно рассмотреть, какую роль лексические значения сочетающихся компонентов играют:

- в выборе определенной управляемой формы;
- в формировании особенностей активной и пассивной валентности;
- в различиях степени «силы» управления;
- в формировании сходных особенностей управления у слов одной лексико-семантической группы;
- в фактах лексически связанного выбора падежных и предложно-падежных форм;
- в отношениях «взаимного возмещения», наблюдающихся в семантике словосочетания при взаимодействии лексических и грамматических средств.

1. Начнем с первого из перечисленных выше вопросов – с вопроса о роли лексического значения господствующего слова в выборе определенной управляемой формы.

Согласно мнению, которое получило отражение в принятом определении управления, при управлении господствующее слово в силу своего лексического значения или грамматических особенностей требует от подчиненного того или иного предложного или беспредложного падежа¹.

Даже при узком понимании управления недостаточность и неточность этой формулы очевидна. Если бы последняя была справедлива, то самая связь с определенным господствующим словом с непреложностью подсказывала бы употребление подчиненного слова в той, а не другой форме (как при согласовании). Между тем при одном и том же господствующем слове (при одном и том же его значении!) подчиненные слова могут стоять в разных формах; ср.: **любовь брата – любовь к брату, подарок сестре – подарок от се-**

¹ См., например. Грамматика русского языка / под ред. В. В. Виноградова. Т. 2, ч. 1. М., 1954. С. 22.

стры, говорил глупости – говорил о глупостях, послал брата (за отцом) – послал за братом (отца) – послал к брату (отца) и т. д. Из примеров этого типа очевидно, что основным фактором, определяющим выбор зависимой формы, является потребность выразить характер реального соотношения с предметом, а не лексическое значение господствующего слова как таковое.

Иллюзия непосредственной роли лексического значения и «автоматизма» в выборе управляемой формы создается в силу того, что значения обоих сочетающихся слов часто позволяют выразить только один тип реального соотношения с предметом, что исключает принципиальную возможность употребления разных зависимых форм. Ср., например, только – **жаловался на усталость** (но при сочетании того же глагола со словом **брат: жаловался на брата, брату, брат**); **спрашивал о доме** (но: **спрашивал о брате, брата, у брата, брат**).

2. Только через способность участвовать в выражении определенных смысловых отношений можно объяснить и сочетаемость слова с теми или иными зависимыми компонентами – его активную **синтаксическую валентность**.

Как уже показывалось в предшествующем разделе («Об условиях формирования непредикативных словосочетаний»), от лексического значения слова зависит то, в выражении каких отношений между явлениями объективного мира может участвовать данное слово. Например, с лексическим значением глагола **передать** естественно связываются отношения предмета передачи и адресата, а часто и отношения посредничества, откуда – возможность соответствующих зависимых форм: **передать что, кому, куда, через кого, для кого**. Выражение всех этих отношений несовместимо, скажем, с лексическим значением глагола **расти**, из чего проистекает его несочетаемость с теми формам, которые служат для передачи соответствующих отношений.

Ту же природу имеет «пассивная» синтаксическая валентность слова, т. е. совокупность его потенциальных возможных употреблений в качестве **подчиненного** компонента различных синтаксических конструкций. Потенциальные возможности слова и здесь ограничиваются его лексическим значением, которое не позволяет употреблять слово при выражении любых смысловых отношений. Например, словом **май** может выражаться временной ориентир (**приехал в мае, до мая, после мая**) и не может – пространственный; используя слово **страх**, можно передавать обстоятельственные значения образа действия и причины (**со страхом, без страха, в страхе, со страху, от страха,**

из страха). Но, указывая на состояние, это слово не может использоваться при выражении конкретных пространственных отношений. И т. д.

Примечание. В настоящее время проблема «приспособленности» разных слоев лексики для выражения определенных семантико-синтаксических отношений разрабатывается интенсивно и многопланово (см., например, работы Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, С. Д. Кацнельсона, Ю. С. Степанова, Г. А. Золотовой и других). Но в отдельных случаях из несомненного факта такой приспособленности делается, на наш взгляд, не вполне точные выводы. Представляется, например, что, совершенно справедливо указывая на то, что многие из традиционно выделяемых падежных значений принадлежат лексически ограниченному кругу слов. Г. А. Золотова принижает семантико-грамматическую роль самих падежных форм: «... неправомерно говорить ни о едином падежном значении, ни о многозначности падежа применительно к категории имени существительного вообще. Разными падежными значениями располагают разные подклассы и разряды имен существительных. флексия творительного падежа **-ом, -ой** не сигнализирует значений ни объекта, ни субъекта, ни предиката, ни времени, ни орудия, ни пути движения – значений, которые обычно приписываются творительному падежу. Но это все не значения творительного падежа как такового, они не принадлежат вообще существительному в творительном падеже, это значения определенных грамматико-семантических подклассов или разрядов имен, реализуемые ими в форме творительного падежа. Так, слова **вечер, осень** не выразят значения субъекта действия или орудия, потому что в их семантике нет значения лица или предмета, а есть значение временного понятия, и из их семантики это значение извлечено и приписано творительному падежу», – пишет Г. А. Золотова (Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 72). Несомненно, что перечисленные Г. А. Золотовой значения реализуются в ограниченном кругу лексики. Однако в пределах каждого из лексических разрядов творительный беспредложный семантически противопоставляется другим падежным или предложно-падежным формам, и потому именно ему принадлежат грамматические значения совпадения с обозначаемым промежутком времени (ср. **вечером – перед вечером/под вечер/к вечеру**): пути движения (ср. **шли лесом – к лесу – в лес**); орудия действия (**разбил камнем – разбил камень**) и т. д.

3. Различия «активной» падежной или предложно-падежной валентности связаны с тем, с какой степенью конкретности предопределяется лексическим значением данного слова характер необходимого или возможного соотношения с предметом. Очень показательна в этом смысле сочетаемость различных глаголов движения и пространственного перемещения объ-

екта с предложно-падежными формами, выражающими направление движения к предмету или от предмета.

По степени широты сочетаемости с этими формами даже при самом схематическом и неполном анализе здесь выделяется несколько групп:

1) Глаголы, обозначающие движение безотносительно к его конкретному направлению: **летел, полз, бежал, нес, тащил – куда? откуда?** Для них свойственна самая широкая сочетаемость с «направительными» формами: **летел к городу, в город, за город, от города, из города, из-за города** и т. д.

2) Глаголы, лексически конкретизирующие направление движения в самых общих чертах – только «куда» (**положил, сел, посадил**) или только «откуда» (**достал**). Соответственно своему значению они могут сочетаться лишь с «половиной» тех форм, с которыми сочетаются глаголы 1-й группы.

3) Глаголы, в лексическом значении которых, благодаря приставке, выражается не только общее направление движения («куда» или «откуда»), но и конкретный характер соотношения с предметом – движение внутрь предмета (**вполз, вложил**), из внутренней части предмета или с невидимой его стороны (**выполз, вынул**), движение в сторону предмета (**подлетел**) и т. д. Такие глаголы имеют наиболее ограниченную сочетаемость, однако не обязательно только с одной «направительной» формой (ср.: **вполз в нору**, но **выполз из норы, из-за дерева, из-под дерева, на дорожку**).

4) Глаголы, в лексическом значении которых внимание фиксируется на перемещении из одного пункта в другой (**переложил, пересел, переехал** и т. д.). Они предполагают определенность конечного и начального пунктов движения (**переехал из Москвы в Ленинград, пересел со стула на диван**).

4. Все явления, связанные с «силой» управления, относятся к области активной синтаксической валентности слова. «Сила» управления зависит как раз от того, с какой степенью конкретности «предсказывается» лексическим значением господствующего слова тот характер соотношения с предметом, который получает выражение в управляемой форме. Как видно из примера с глаголами движения и пространственного перемещения объекта, сводить наблюдающиеся в этой области закономерности лишь к тому, предопределяется ли лексическим значением господствующего слова употребление только одной или не одной формы¹, – значит упрощать это закономерности.

¹ Это противопоставление используется при разграничении сильного и слабого управления. М. Д. Лесник, В. П. Малащенко и другими исследователями.

Многообразные и очень интересные различия, наблюдающиеся в области синтаксической валентности, вовсе не свидетельствуют, однако, о многообразии принципов выбора падежной или предложно-падежной формы. Независимо от валентных свойств господствующего слова, связанных со степенью конкретизации его лексического значения, выбор падежной или предложно-падежной формы зависимого слова определяется характером выражаемого соотношения с предметом.

Так, например, несмотря на то, что глаголы **вложил**, **положил** и **переложил** обладают совершенно различными валентными свойствами, в словосочетаниях **вложил в книгу**, **положил в книгу**, **переложил в книгу** наблюдается не только один и тот же формальный способ синтаксической организации, но и один и тот же принцип выбора предложно-падежной формы. Последняя употребляется, исходя из потребности выразить, что конечным положением объекта должно быть положение во внутренних границах другого предмета, хотя прямо предполагает именно такое перемещение только лексическое значение глагола **вложил** (ср. аналогичные отношения в словосочетаниях типа **подложил под книгу**, **положил под книгу** и подобных).

При разграничении сильного и слабого управления, а также при попытках сузить общее понятие управления, исследователи обычно обращают внимание только на необходимые звенья падежной и предложно-падежной валентности слова, как бы предполагая, что за пределами таких необходимых звеньев наблюдается полная свобода синтаксической сочетаемости. Между тем каждое слово способно употребляться при выражении ограниченного круга тех реальных отношений, в которых может находиться соответствующее явление. Это предопределяет известную ограниченность не только необходимой, но и допустимой сочетаемости: «... валентность должна быть определена и как необходимость, и как возможность распространения данного слова или данной группы слов», – пишет Д. Н. Шмелев¹.

И в случаях, когда те или иные отношения необходимо предопределяются лексическим значением господствующего слова, и когда такой необходимости не наблюдается, сочетаемость данного слова одинаково зависит от вероятности соответствующих отношений между явлениями реального мира. Так, например, а) действия, обозначаемые глаголами типа **ссориться**, **увидеться**, **воевать** и под. объективно обязательно предполагают минимум двух

¹ Шмелев Д. Н. О значении синтаксических единиц // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения/Доклады на конференции по проблемам синтаксиса. М., 1969. С. 161.

участников речи; б) действия **работать, отдыхать, гулять, ехать** и др. свободно допускают совместное участие в действии; в) такие, как **завнаваться, гордиться, сомневаться, чувствовать**, напротив, предполагают индивидуальное «исполнение». Поэтому форма типа «с кем», как средство обозначения второстепенного активного участника действия, максимально часто употребляется в первом случае (а), достаточно вероятна во втором (б) и совсем не употребляется в третьем (Ср. **ссорюсь с ним, работаю с ним, но не горжусь с ним**). Следовательно, и в формах «сильного управления», и в формах «падежного примыкания»¹.

5. Какую роль лексическое значение слова играет в том относительном **единообразии особенностей управления**, которое часто наблюдается у слов одной лексико-семантической группы? Здесь действуют те же факторы, которые обуславливают особенности падежной и предложно-падежной валентности отдельного слова. Рассматриваемое единообразие основывается на однородности тех соотношений с предметами, к выражению которых одинаково предрасполагает лексическое значение всех слов данной лексико-семантической группы. Например, глаголы созидания предполагают сочетаемость с выразителями объекта созидания; в большинстве случаев они свободно сочетаются также с субстантивами, обозначающими исходный материал: **сделали шалаш из веток; сшили пальто из драпа; сварили суп из овощей** и т. п. Показательно, однако, что смысловое единообразие словосочетаний, организуемых словами одной лексико-семантической группы, проводится более последовательно, чем единообразие формальное. Ср., например, приводимые далее два ряда глагольных словосочетаний. В первом ряду в каждом из сложных словосочетаний выражается: акт информации + ее адресат + предмет (тема) информации. Во втором ряду в каждом простом словосочетании передается: акт эмоциональной реакции + предмет, вызывающий эту реакцию:

известил директора о приезде
уведомил директора о приезде
сообщил директору о приезде
доложил директору о приезде
рапортовал директору о приезде

возмущаюсь невежеством
восхищаюсь мужеством
удивляюсь мужеству
преклоняюсь перед мужеством и т. п.

¹ Под «падежным примыканием» или просто «примыканием» некоторые современные исследователи понимают такое употребление зависимой падежной или предложно-падежной формы, которое с необходимостью лексическим значением господствующего слова не предопределяется.

Лексико-семантическое родство глаголов, выступающих в качестве господствующего слова, обуславливает здесь семантическое единообразие компонентов словосочетаний; что касается единообразия грамматического, то в первом ряду оно является только частичным (одинаково обозначается лишь предмет, являющийся темой информации; ее адресат выражается двумя различными способами), во втором ряду словосочетаний грамматическое единство вообще отсутствует.

6. Особую проблему составляет интерпретация широко распространенных фактов лексической связанности в выборе управляемых форм, когда при выражении идентичных реальных соотношений с предметом выбор определенной падежной или предложно-падежной формы зависит от того, какое именно конкретное слово употребляется в синтаксической конструкции. (См., например, употребление разных форм в конструкциях типа: **преклонение перед героем – восхищение героем; ругал его – выговаривал ему – ворчал на него; приедет из Крыма – приедет с Кавказа; приедет в пятницу – приедет двадцать пятого** и т. д.).

Как ни парадоксально это звучит, но именно в случаях сугубо индивидуальных особенностей управления у отдельных слов меньше всего можно говорить о непосредственном влиянии лексического значения господствующего слова: ведь при таком влиянии одинакового управления следовало бы ожидать в первую очередь у слов с предельно близким лексическим значением.

Лексическая связанность в выборе управляемой формы создает ложное впечатление, будто употребление падежной формы от выражаемых смысловых отношений в соответствующих случаях не зависит и «автоматически» определяется употреблением того или другого слова.

На самом деле, однако, и при лексически связанном использовании управляемая форма выступает как выразитель определенных реальных отношений и избирается при коммуникативной потребности установить именно эти, а не другие отношения. Об этом свидетельствует разное оформление одинаковых по лексическому составу словосочетаний в случаях, когда они выражают различные соотношения с предметом. Например: **преклонение перед героем – преклонение героя; восхищение героем – восхищение героя; ругал его – ругал из-за него; ворчал на него – ворчал из-за него; приедет из Крыма – приедет в Крым; приедет с Кавказа – приедет на Кавказ; приедет в пятницу – приедет после пятницы; приедет двадцать пятого – приедет после двадцать пятого** и т. д. Оппозиции этого типа от-

четливо обнаруживают, что и в лексически связанных конструкциях на выбор определенной управляемой формы влияет не только то, какое именно слово употребляется в синтаксической конструкции, но и то, какое соотношение нужно передать.

Таким образом, нормативные ограничения, идущие от употребления определенных слов, лишь наслаиваются на основное, постоянно действующее требование – выбирать управляемую форму, исходя из устанавливаемого реального соотношения с предметом.

7. Как показывают наблюдения¹, природа явлений лексической связанности сама может быть раскрыта только при учете семантических факторов.

Источником различного грамматического обозначения идентичных реальных отношений нам представляется органически присущее системе управления многообразие возможностей такого обозначения.

Это многообразие, с одной стороны, обусловлено спецификой самих отношений, обозначаемых падежными и предложно-падежными формами.

Отношения между предметами и явлениями реальной действительности настолько многогранны, что для их выражения могут использоваться разные грамматические стандарты, грамматически обобщенно фиксирующие различные стороны этих отношений. Так, например, в зависимости от коммуникативной установки говорящего один и тот же предмет может обозначаться то как прямой объект, то как орудие действия: **плеснул воду (в лицо) – плеснул (в лицо) водой; швыряли камни – швыряли камнями**. При сообщении об одном и том же реальном факте говорящий может осмыслить и грамматически обозначить как прямой объект действия то один, то другой из двух предметов: ср.: **насыпал в мешок зерно; насыпал мешок зерном**.

Эти случаи грамматической «обратимости» не являются просто капризами языка или результатом субъективного осмысления говорящим реальных фактов. Они отражают многогранность связей и отношений между самими явлениями действительности. Например, предмет, который вызывает определенную эмоциональную реакцию, объективно является одновременно субъектом воздействия на лицо, и объектом, на который направлена эмоциональная реакция лица, и причиной, вызвавшей эту эмоциональную реакцию. Отсюда – возможность его различного грамматического обозначения. Ср.: **Меня беспокоит**

¹ В этом разделе мы опираемся на исследование, проведенное в нашей докторской диссертации «Согласование и управление как способы синтаксической организации слов в русском языке».

твое поведение. – Я беспокоюсь о твоём поведении. – Я беспокоюсь из-за твоего поведения. (Ср. также обозначение этого предмета как «орудия» – средства воздействия: **Ты беспокоишь меня своим поведением**). Возможность двух конструкций – **боролся с оккупантами** и **боролся против оккупантов** – объясняется тем, что лицо, участвующее в обозначаемом взаимном действии, является в то же время и объектом враждебного действия. И т. д.

С другой стороны, многообразие грамматического обозначения идентичных реальных отношений связано с богатством падежных и предложно-падежных средств, которыми располагает система языка. Это богатство обеспечивает принципиальную возможность употребления различных грамматических средств даже в тех случаях, когда фиксируется какая-либо одна сторона выражаемых реальных отношений.

Показательно, например, что общая идея направленности речи к собеседнику в русском языке и в других славянских языках и диалектах реализуется в употреблении при глаголах речи нескольких форм обозначения собеседника, причем грамматическое значение каждой из них соответствует этой общей идее. К таким формам относятся: беспредложный дательный адресата и беспредложный винительный прямого объекта, а также функционально родственные предложно-падежные формы «на + вин. пад.», «к + дат. пад.» и «до + род. пад.», в прямом, пространственном употреблении обозначающие предмет, в направлении которого происходит движение. (Ср., например, современные литературные сочетания, типа: **сказал, ответил, возразил ему, сообщил ему – известил его; выговаривал, пенял ему – журил, ругал его – ворчал, кричал, ругался на него; диалектные русские «Гъварит нь нивеску: отвязи мне»¹, украинские «Чом до мене говоришь...?»², древнерусские типа «говорить къ посломъ»³ и т. д.).**

Не удивительно, что в рамках тех падежных и предложно-падежных средств, грамматическое значение которых одинаково позволяет использовать их для выражения тех или иных реальных соотношений с предметом, постоянно обнаруживается принципиальная возможность различных норм их употребления и – соответственно – известная условность этих норм.

¹ См.: **Иванова В. А.** Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах // *Материалы и исследования по русской диалектологии*: Новая серия. Вып. II. М., 1961. С. 146–147.

² См.: *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков*: Члены предложения / Под ред. В. И. Борковского. М., 1968. С. 182.

³ **Правдин А. Б.** Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // *Уч. зап. Института славяноведения АН СССР*. Т. 13. М., 1956. С. 53–54.

Подвижность нормативных границ ярко проявляется, например, в использовании только что рассмотренных обозначений адресата речи. Совокупность средств используемых славянскими языками и диалектами в этой грамматической микросистеме почти одинакова. Но нормативное лексическое «раскрепление» отдельных форм существенно различается от языка к языку; различается оно и в разных диалектах одного и того же славянского языка (в том числе и русского), различается в разные периоды развития одного и того же языка.

Например, в отличие от русского языка, глаголы **советовать**, **грозить**, **угрожать**, **лгать**, **нагрубить** в болгарском языке сочетаются с винительным, а не дательным падежом¹, хотя дательный адресата речи отнюдь не чужд болгарскому синтаксису. В отличие от русского литературного языка форма «на + вин. пад.» (**на кого**) в некоторых русских говорах сочетается не только с глаголами типа **ворчать**, **ругаться**, **кричать**, но и с глаголами **говорить**, **сказать** (см. выше); дательный беспредложный сочетается с глаголами **увещевать**, **упрекать**, **попрекать**, **предупредить** (**Он мне паприкаит; Он мне предупредил**)². В отличие от современного русского языка в древнерусском глаголы **известить**, **кликать**; **благодарить**, **хвалить**, **журить**, **укорять**, **бранить**, **лаять** сочетались не с винительным, а с дательным падежом (ср. современные **сообщить**, **пенять**, **выговаривать**)³, а глагол **поносить**, кроме дательного, еще и формой типа «на кого»⁴. И т. д.

Многообразие возможностей различного грамматического обозначения идентичных реальных отношений и является источником формирования лексически связанного употребления падежных и предложно-падежных форм. Как показывают материалы исследований по историческому синтаксису, в древнерусском языке эти возможности в целом реализовались гораздо свободнее, чем в современном русском языке. При этом разные управляемые формы нередко использовались даже при одном и том же господствующем

¹ См.: **Белинска**. Трудности, встречаемые болгарам при изучении русского языка // *Материалы V междунаrodn. методич. семинара преподавателей русск. языка стран социализма*. М., 1965. С. 292–293; **Чешко Е. В.** Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке // *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. М., 1959. С. 41.

² **Собинникова В. И.** Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961. С. 165–166.

³ См.: **Стехин Ю. К.** Из истории глагольного управления в русском языке: АКД. М., 1962. С. 11.

⁴ См.: **Правдин А. Б.** Указ. раб. С. 78.

слове. Позже, с ростом нормативных тенденций, литературная традиция постепенно закрепляла при каждом слове какую-либо одну форму.

В сфере лексически связанного употребления разных управляемых форм при выражении идентичных реальных отношений ярко проявляется проводимое Э. Косериу противопоставление: система языка – норма – речь. Система языка в таких случаях располагает несколькими возможностями грамматического выражения устанавливаемых отношений. Норма (в зависимости от конкретного лексического наполнения конструкции) чаще всего допускает реализацию лишь одной из этих возможностей¹. В конкретном же речевом употреблении иногда могут реализоваться и другие – ненормативные – возможности² (**предупредил мне, приехал в хутор** и подобные).

Связь с лексическим значением господствующего слова при различном грамматическом выражении идентичных реальных соотношений с предметом проявляется так.

Закрепление при определенном слове одной из тех форм, которые принципиально пригодны для выражения данных отношений, сопряжено с элементом известной случайности. Но состав форм, потенциально возможных в данном языке при определенном слове, не является случайным.

С лексическим значением господствующего слова связаны границы возможной, а иногда и предпочтительной интерпретации обозначаемых смысловых отношений. А как раз такая интерпретация и получает грамматическое отражение в форме управляемого слова.

Например, формы «у + род. пад.» или «от + род. пад.» при обозначении второго участника речи оказываются возможными только при таком лексическом значении глагола, которое позволяет осмыслить собеседника как лицо, у которого что-то «отчуждается», пусть даже нечто самое отвлеченное (какие-то сведения); ср.: **попросил у товарища книгу, спросил у него о здоровье; потребовал от него объяснений** и т. д. Совершенно закономерно эта форма не используется при глаголах типа **говорил, ответил, возразил, объяснил, ругал, приказал** и т. д. В то же время форма дательного падежа при глаголах типа **спросил**, хотя и не допускается нормами языка, но в принципе могла бы употребляться, так как осмысление собеседника как обычного адресата речи здесь, конечно, не исключено.

¹ См., например: Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 175.

² Там же. С. 168–169, 189, 194–195.

Не случайно, например, винительный падеж при обозначении второго участника речи чаще всего употребляется при таких глаголах, которые по своему лексическому значению допускают идею активного воздействия на слушателя (см., например: **уверял, убеждал, уговаривал, отговаривал, предупреждал, просил, умолял, ругал, хвалил, окликнул, благодарил** и под.). Так же естественна сочетаемость глаголов **ворчал, кричал, ругался** с формой **на кого**: по наблюдениям Т. П. Ломтева, эта форма содержит «семантический элемент агрессивности»¹.

Закономерно, что в процессе исторического изменения управления среди глаголов, воспринявших управление винительным падежом вместо прежнего дательного, наиболее компактную группу составляют **бранить, поносить, упрекать** и некоторые другие. Дело в том, что глаголы эти обозначают действие, при котором адресат речи чаще всего в то же время является прямым объектом порицания. Существенность последней стороны обозначаемых отношений и обусловила, очевидно, постепенное закрепление здесь формы винительного падежа, хотя при глаголах **пенять, выговаривать** (наименее употребительных в этой группе!) сохраняется форма дательного падежа, фиксирующая ничем не осложненное значение адресата речи. (Ср. в разговорной речи раздельное обозначение собеседника и объекта порицания в тех случаях, когда они не совпадают в одном лице: Он **мне его** очень ругал.)

8. Говоря о роли лексических факторов в управлении, нельзя обойти еще одну очень важную сторону этой большой общей проблемы – своеобразные отношения между лексическими и грамматическими средствами в семантике словосочетания, которые можно назвать **отношениями взаимного возмещения**.

Дело в том, что очень часто характер смысловых связей между двумя словами подсказывается тем, в каких отношениях могут находиться соответствующие явления объективного мира. Поэтому, если из лексических значений компонентов вытекает возможность разного осмысления отношений между ними, то управляемые формы являются необходимым дифференцирующим средством; если же значения сочетающихся слов допускают лишь одну возможность такого осмысления, то управляемые формы оказываются избыточным грамматическим средством.

¹ Ломтев Т. П. Конституенты предложений с глаголами речи // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976. С. 221–223.

Способность компенсировать недостаточность грамматической или, наоборот, лексической дифференциации накладывает отпечаток на всю исторически сложившуюся нормативную систему падежного и предложно-падежного выражения реальный соотношений с предметом.

В частности, благодаря компенсирующей роли лексических значений сочетающихся компонентов оказывается возможной та непоследовательность, а часто и некоторая фразеологичность, которые наблюдаются в этой системе. Становится возможным: а) передавать разные отношения одинаковыми управляемыми формами; б) идентичные отношения – разными формами; в) использовать непродуктивные, утратившие семантическую мотивированность формы выражения тех или иных отношений – без опасности непонимания. Лексические значения сочетающихся слов уточняют в таких случаях характер смысловых отношений. Ср., например:

а) **переправляли груз – переправляли день; работал с товарищем – работал с увлечением; проезжал осенью – проезжал лесом; отказался от работы – устал от работы** и т. д., или выражение разных отношений родительным присубстантивным: **ведро воды, дом брата, учитель пения, командир отряда, добыча нефти, приближение поезда;**

б) **правил машиной – вел машину; восхищаюсь умом – удивляюсь уму; бранил сына – выговаривал сыну;**

в) **сознаться в преступлении, приговорить к смерти, подлежать сносу, верить в победу, настаивать на решении** и т. д.

Как на употреблении управляемых форм отражается взаимодействие между лексическими и грамматическими средствами смысловой дифференциации, наглядно обнаруживается, например, в выражении субъекта и объекта действия при отглагольных существительных.

Обычно субъект и объект действия одинаково обозначаются при отглагольных существительных родительным падежом зависимого слова: **выступление директора, чтение книги, чтение ученика, продажа бумаги** и т. д.

Почему оказывается возможной одна и та же форма для выражения этих резко противопоставленных значений? В значительной степени потому, что эти отношения в большинстве случаев подсказываются лексическим составом словосочетания. (Ср. примеры, приведенные выше, в частности – **чтение книги – чтение ученика**, а также примеры, приводимые Н. Н. Дурново:

выигрыш моего приятеля – выигрыш большой суммы денег, пение артиста – пение романса и под.¹

Разграничение субъекта и объекта облегчается тем, то при существительных от непереходных глаголов обозначений прямого объекта, естественно, быть не может, и потому в словосочетаниях **выступление директора, рост дерева, полет птицы** и подобных омонимия исключается. При существительных же от переходных глаголов практически чаще всего употребляются только обозначения объекта: **уборка урожая, переписка бумаг, изучение математики, лов рыбы** и т. д. Интересно отметить, что родительный субъекта употребляется вообще далеко не с любым отглагольным существительным, обозначающим переходное действие. Так, при существительных **уборка, переписка** (от «переписывать», а не «переписываться»), **изучение, лов** он как раз невозможен. Так что в большинстве случаев опасность «конкуренции» при передаче субъектных и объектных отношений отсутствует.

При одновременном выражении в словосочетании субъекта и объекта всегда возникает грамматическая дифференциация: вместо родительного субъекта используется творительный. (Ср.: **критика директора**, но **критика учителя директором – критика директора учителем, чтение ученика**, но **чтение книги учеником**; ср. также **уборка урожая колхозом, изучение математики учащимися** и т. д.).

В тех случаях, когда отношения таковы, что лексический состав словосочетания постоянно оказывается неспособным дифференцировать объектное и субъектное значения, их грамматическое разграничение в управляемых формах осуществляется и при неодновременном выражении субъекта и объекта. Это наблюдается, например, при существительных типа **победа, контроль, любовь, презрение, ненависть**, при которых очень часто предполагается объект, способный в равной степени быть и субъектом. Родительным падежом обозначается при этих словах субъект: **любовь родителей, презрение товарищей, победа врагов**, а объект – формой «над + твор. пад.» или «к + дат. пад.»: **победа над врагами, любовь к родителям, презрение к товарищам** и т. д.² Обычной трансформации винительного при глаголе в родительном при существительном здесь не наблюдается.

¹ Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II. (Синтаксис, ч. 1). Введение в учение о формах словосочетаний. М.-Л., 1929. С. 66–69.

² См. аналогичные соображения: Суханова З. Я. К вопросу о влиянии семантических связей на построение словосочетаний (субстантивные словосочетания с предлогом **к** и дательным падежом, образуемые существительными со значением чувства // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 139. Вып. 8). Труды кафедры русского языка. 1963. С. 136.

Таким образом, потребность смысловой дифференциации или ее отсутствие являются при оформлении этих словосочетаний постоянно действующим фактором¹.

Омонимичные словосочетания встречаются в этой системе не часто. Складываются они, во-первых, в тех случаях, когда возможности одинакового лексического обозначения субъекта и объекта минимальны. Несомненно, например, что при существительных **посещение, лечение, критика** чаще всего употребляются такие обозначения, которые совсем не подходят для выражения субъектных отношений. Ср., например: **посещение поликлиники, музея, завода; лечение больного, астмы, нервных заболеваний; критика недостатков, критика программы, критика работы** и т. д. И сравнительно редко возникают словосочетания с таким лексическим составом, который допускает двоякое осмысление: **посещение врача, лечение врача, критика директора** и под.² Во-вторых, омонимия словосочетаний может возникать там, где само

В другой работе З. Я. Сухановой указывается, что следствием потребности дифференцировать субъектные и объектные отношения являются такие случаи, когда объект при отглагольном существительном обозначается дательным падежом: **похвала автору** (ср. **похвала автора**), **обвинение человеку, проклятие врагу, приговор виновникам** и т. д. (См.: Суханова З. Я. Синтаксические особенности отглагольных существительных со значением действия: АКД. М., 1964. С. 10. Ср.: Эльзбугас Ю. Употребление дательного падежа в современном русском языке // РЯШ. 1967. № 5. С. 86).

¹ Влияние этого фактора, судя по наблюдениям ряда авторов, проявляется в различных областях грамматической системы. Например, исконное неразличение форм именительного и винительного падежей в среднем роде П. С. Кузнецов объясняет тем, что «сам характер предмета, обозначаемого формой именительного и винительного падежа, говорит иногда о том, в каком отношении к действию, обозначаемому глагольной формой, находится каждое из двух сочетающихся с глаголом имен...» (см.: Кузнецов П. С. Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 119). С действием того же фактора Е. В. Чешко связывает сохранение падежных различий у местоимений и утрату их у существительных в болгарском языке: «Именно местоименность, указание на предмет, а не его название, делает необходимым сохранение морфологических форм там, где в именах можно выразить те же отношения без помощи форм» – Чешко Е. В. Падежи и предлоги в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 13.

² См. у Н. П. Колесникова (Колесников Н. П. К вопросу об омонимии словосочетаний в русском языке // Труды Тбилисского университета. 1964. Т. 98) примеры: **преподавание Льва Толстого в Яснополянской школе, хищническая эксплуатация монголов, поддержка народов Алжира, характеристика Белинского, поиски отряда, приглашение соседа**. Ср. также аналогичные факты, приводимые в статье: Гвоздев А. Н. Об одной проблеме стилистики (Случаи стилистической дефектности конструкций, соответствующи-

отглагольное существительное соответствует двум разным глаголам – переходному и непереходному. Ср., например, с одной стороны, сочетание **развитие науки**, в котором существительное **развитие** может соответствовать глаголам **развивать и развиваться**, или **отправление поезда (отправлять и отправляться)**, а с другой стороны, – однозначное словосочетание **движение поезда**, – однозначное в силу того, что **движение** может выражать только непереходное действие «двигаться», но не «двигать».

«Возмездительная» роль лексических значений сочетающихся компонентов проявляется не только в способности дифференцировать отношения, которые остаются не разграниченными в грамматических формах.

На основе лексических значений сочетающихся слов обозначаемые в словосочетании реальные отношения воспринимаются говорящими на данном языке во всей их полноте и многогранности, хотя управляемая форма грамматически часто акцентирует только одну сторону этих отношений. Именно благодаря этому идентичные реальные отношения могут передаваться разными формами. Например, оказывается практически безразличным, употребляется ли при глаголе **спросил** форма **меня**, которая в силу присущего ей грамматического значения сосредоточивает внимание на активном воздействии на слушателя, или форма **у меня**, подчеркивающая другую сторону тех же реальных отношений – «отчуждение» у данного лица определенных сведений. Лексические значения слов в словосочетании как бы восполняют неизбежную односторонность в передаче реальных отношений: лицо, к которому обращается вопрос, воспринимается одновременно и как всякий адресат речи (не отличающийся от такового при любом глаголе речи); и как лицо, в то же время подвергающееся побуждению к ответу, – прямой объект активного речевого воздействия; и как лицо, от которого предполагается «получить» определенные сведения. Вся эта совокупность значений выражается независимо от того, какой формой обозначено лицо (ср.: **спросил меня – спросил у меня** (о собрании)). Точно так же значение лица, к которому обращаются с речью, и значение лица, подвергающегося воздействию (с целью склонить к добровольному осуществлению действия), благодаря лексическим значениям компонентов словосочетания одинаково наличествуют как в словосочетании **советовал ему**, так и в словосочетании **уговаривал его**, хотя форма **ему** сосредоточивает внимание только на обращении с речью, а форма **его** – на активном воздействии на данное лицо.

щих целям автора и отвечающих нормам языка). – Приложение к кн.: Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3. М., 1965. С. 383–385.

Совмещение значений, возникающее при взаимодействии с лексическим значением господствующего глагола, приводит к синонимии таких зависимых форм, которые при другом лексическом наполнении словосочетаний имеют значения, отчетливо противопоставленные друг другу (ср.: **сообщил ему – известил его и послал ему – послал его**).

Благодаря восполняющей роли лексических значений компонентов словосочетания несколько сглаживаются, стираются те оттенки различной акцентировки в передаче идентичных реальных отношений, которые связаны с употреблением разных форм. В связи с этим происходит известная нейтрализация и «десемантизация» различий, обусловленных использованием разных форм. Она аналогична процессу деэтимологизации в лексике. Подобно тому, как в процессе функционирования языка постепенно стирается образ, лежащий в основе наименования, так может стираться тот специфический оттенок осмысления обозначаемых реальных отношений, который получил отражение в употреблении одной, а не другой формы.

В целом многостороннее взаимодействие между явлениями грамматики и лексики, которое наблюдается в использовании падежных и предложно-падежных форм, несомненно, связано с природой выражаемых ими отношений – отношений между предметами и явлениями реального мира. Хотя и богатыми, непрерывно пополняющимися, но все же ограниченными средствами, с помощью «управления» приходится обозначать бесконечное многообразие этих отношений. Естественно, что только благодаря одновременному использованию и грамматических и лексических возможностей языка удастся передать все это многообразие. Поэтому не удивительно, что в сфере синтаксического использования падежей и предлогов взаимодействие между лексическими и грамматическими средствами оказывается гораздо более глубоким, органическим, чем в других областях грамматики.

О ТРАКТОВКЕ СОГЛАСОВАНИЯ В «ГРАММАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

Раздел «Подчинительные связи слов» занимает в «Грамматике современного русского литературного языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой (М.: Наука, 1970) очень существенное место. Этот раздел открывает общее рассмотрение синтаксиса. Им предвосхищается и, в сущности, почти исчерпывается рассмотрение синтаксиса словосочетания: конкретное описание существующих в русском языке моделей словосочетаний всецело находится в рамках этого раздела, а не раздела «Словосочетания», занимающего всего 5 страниц.

В принципе такой подход возможен, поскольку построение непредикативных подчинительных словосочетаний в первую очередь требует именно ориентировки в законах согласования и управления. С согласованием и управлением сопряжены значительные трудности в практическом изучении языка¹. Однако, чем ни более важное место занимает этот раздел в «Грамматике», чем ни существеннее он вообще, тем более высокие требования, естественно, должны быть к нему предъявлены. Разумеется, он не может рассматриваться и вне тех общих задач, которые поставили перед собой авторы «Грамматики». Главная из этих задач – задача **синтеза, обобщения** тех интенсивных научных поисков, которыми ознаменовалось время после выхода Академической «Грамматики русского языка» 1954 года: «За это время были пересмотрены многие освященные традицией решения, накоплены новые материалы. Все это сделало актуальной задачу такого описания русской грамматической системы, которое бы отразило развитие теоретических поисков и собственно исследовательской работы за истекшие годы» (С. 3: «От авторов»).

Представляется, что во многих отношениях раздел «Подчинительные связи слов» нельзя признать удавшимся.

Общими его недостатками мы считаем следующие:

1. Во многих частях содержание этого раздела не обнаруживает результатов внимательного осмысления и серьезного синтеза данных, накопленных в синтаксической науке.
2. Отсутствует теоретическое обоснование принимаемых авторами решений. Это существенно снижает научную ценность работы и обеспечи-

¹ Правда, и в этих случаях едва ли является оправданным ознакомление с типами подчинительной связи до рассмотрения понятия словосочетание.

вает рассматриваемому разделу возможность лишь авторитарно-догматического воздействия на читателей, что не соответствует провозглашаемому авторами экспериментально-поисковому жанру всей книги.

3. Малоэффективна и с точки зрения раскрытия объективных закономерностей грамматического строя русского языка, и с точки зрения «объяснительной силы», и с точки зрения помощи в практическом изучении языка принятая в «Грамматике» система описания словосочетаний («модель списания», как называют ее авторы).

4. Раздел характеризуется массовыми неточностями фактического порядка.

5. Указанные особенности лишают возможности полноценно использовать данный раздел и как справочное пособие при практическом изучении языка, и как фундаментальную теоретическую работу.

При обращении к отдельным частям анализируемого раздела бросается в глаза обедненность и объективная неточность характеристики согласования.

Из программных положений авторов «Грамматики» в соответствующем параграфе (§ 1139) свободно реализуется одно – «пересмотр привычных схем».

Элементов пересмотра в этом маленьком параграфе, занимающем всего около двух страниц (488–489), очень много. Среди них: 1) констатация согласования в падеже в сочетаниях типа **станция «Текстильщики»** (ср.: **за станцией «Текстильщики»**); 2) огрубленная интерпретация «неполного» согласования; 3) молчаливо подразумеваемое отрицание согласования сказуемого с подлежащим (формулируется это отрицание только в дальнейшем изложении – в § 1293).

Обращает на себя внимание, что конкретные проявления пересмотра находятся в противоречии с установкой, декларированной авторами во вступлении к «Грамматике», где они пишут: «... ответы на спорные и нерешенные вопросы ищутся здесь в духе русской грамматической традиции, в развитие отечественных грамматических теорий». (С. 4–5).

Тех элементов традиционного понимания согласования, которые в максимальной степени подготовлены к уточнению предшествующим развитием отечественного синтаксиса, пересмотр почти не коснулся.

Например, начиная с Греча, в русской лингвистике с каждым шагом все убедительнее, полнее и точнее доказывается, что существительные по своим категориальным свойствам неспособны выступать в качестве согласуемых за-

висимых слов и что даже при полном (притом мотивированном!) совпадении грамматических категорий в случаях типа преподавательница Зотова наблюдается несходство с обычным согласованием¹. Эта вполне созревшая идея не получает в «Грамматике» никакого отражения, даже в виде указания на простое своеобразие такого «согласования», и традиционная школьная трактовка сохраняется в неприкосновенности.

С другой стороны, пересмотр осуществляется там, где для изменения традиционной интерпретации нет ни базы в предшествующем развитии грамматической теории, ни оснований в объективных свойствах самих описываемых явлений.

Обратимся к рассмотрению каждого из отмеченных выше изменений традиционной трактовки согласования в той последовательности, которая была принята выше.

1. О сочетаниях типа «станция Рязск»

В сочетаниях типа «станция Рязск», «к станции Рязск»; «теплоход «Россия», «на теплоходе «Россия»; «поезд «Москва–Севастополь», «поездом Москва–Севастополь» и под. собственное имя всегда рассматривается как несогласованный подчиненный компонент – несогласованное приложение или (в случаях типа поезд Москва – Севастополь) несогласованное определение.

Сомневаться в такой трактовке объективных оснований нет, и никто в ней никогда не сомневался².

Причем дело на этот раз даже не в том, что способность согласоваться у существительных проблематична вообще (о чем см. выше). Это вопрос относительно тонкий.

Оценка сочетаний типа «станция Рязск» с точки зрения согласуемости – несогласуемости падежа находится в рамках оценок совершенно элементарных.

¹ См. об этом в нашей книге «Согласование и управление в русском языке» (М., 1971. С. 206–225).

² См., например: Грамматика русского языка. М., 1954. § 765. 773; Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). М., 1966. С. 8. 95–122; Шведова Н. Ю. Об активных процессах в современном русском синтаксисе // ВЯ, 1963. № 1. С. 12; Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 254–264.

Формальным признаком согласования является не просто совпадение форм зависимого слова с главным, а обязательная **изменяемость** зависимого слова вслед за изменением соответствующих грамматических категорий главного слова. В рассматриваемых сочетаниях при изменении падежа нарицательного существительного падеж собственного имени остается неизменным.

Между тем в «Грамматике» в сочетаниях: **станция «Текстильщики»** (С. 489), **магистраль Москва – Ленинград, матч Геллер – Смыслов** (С. 488) и подобных констатируется согласование в падеже.

Более того, согласование в падеже усматривается в сочетаниях типа **«человек под фамилией «Чужак», собака по кличке «Механик»** (С. 489), хотя между существительными **человек** и **Чужак**, **собака** и **Механик** нет даже непосредственной грамматической связи: такая связь осуществляется (тоже без согласования!) в сочетаниях **под фамилией Чужак, по кличке Механик**.

Никакими «концептуальными» причинами объяснить такую интерпретацию невозможно.

а) Она не соответствует даваемому в «Грамматике» определению согласования: «Согласование – это такой вид подчинительной связи, при котором формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени предопределены формами рода, числа и падежа подчиняющего имени!» (С. 488). Определение это очень неточно: в нем не раскрывается, каким образом род, число и падеж главного слова предопределяют соответствующие формы подчиненного компонента. Тем не менее оно подчеркивает **зависимость** от соответствующей грамматической категории главного слова, а в рассматриваемых сочетаниях определяющий именительный падеж употребляется независимо от того, в каком падеже стоит определяемое слово.

б) Не соответствует интерпретации рассматриваемых словосочетаний и поддерживаемому в «Грамматике» тезису о системе форм словосочетания, «предопределенной системой форм стержневого слова» (С. 536), § 1276). Ведь именно в такой системе и обнаруживается отсутствие элементарных признаков согласования в падеже. Ср.:

станция «Текстильщики»
станции «Текстильщики»
станцию «Текстильщики»
станцией «Текстильщики» и т. д.

Кстати, эти признаки формулируются в посвященном понятию словосочетания § 1276: «...в словосочетаниях, образованных на основе связи

управления и примыкания, зависимый компонент остается неизменным..., а в словосочетаниях, образованных на основе связи согласования (за исключением некоторых случаев неполного согласования¹, зависимый компонент уподобляется стержневому слову во всех его изменениях) (С. 536)².

При отсутствии какой-либо опоры в теоретических установках, на которых могло бы основываться утверждение согласования в случаях типа станция «Текстильщики», остается предполагать в этой оценке (выявляющейся лишь в примерах!) просто небрежность.

Даже в рамках рассмотрения этих словосочетаний констатация согласования – далеко не единственный случай небрежных оценок (не говоря в целом о посвященном согласованию параграфе 1139).

Сюда относится рассмотрение в одном ряду сочетаний типа женщина-космонавт и магистраль Москва – Ленинград (С. 488), станция «Текстильщики» и село Горки (С. 489), хотя их существенные различия общеизвестны и самоочевидны.

В сочетаниях типа женщина-космонавт (женщины-космонавта, женщине-космонавту, женщину-космонавта и т. д.) обязательно употребление обоих существительных в одинаковых падежах; в сочетаниях же магистраль Москва – Ленинград обязательно употребление определяющего двучленного компонента в неизменяемой форме именительного падежа, независимо от того, в каком падеже стоит определяемое имя (от магистрали Москва – Ленинград, за магистралью Москва – Ленинград и т. д.).

В сочетаниях типа село Горки возможно вариативное использование и параллельных падежных форм, и незаменимость именительного:

из села Горки	– из села Горок
в селе Горки	– в селе Горках и т. д. ³

¹ Разумеется, неполное согласование может составлять «исключение» только со стороны тех категорий, которые оказываются за пределами согласования, а не тех, которые участвуют в согласовании. В рассматриваемых нами случаях речь идет о категории падежа, по утверждению авторов, якобы участвующей в согласовании.

² Ср. также § 1293, где «связь слова во всей совокупности его форм с формами другого слова» (С. 548) специально оговаривается как признак, отличающий «согласование» от «формального уподобления главных членов».

³ Практически такая вариативность шире затрагивает иные словообразовательные типы названий. Ср.: в селе Ивановка – в селе Ивановке; в городе Иваново – в городе Иванове и под.

В сочетаниях же типа со станции «Текстильщики», на станцию «Текстильщики» обязательно употребление именительного падежа¹.

Таким образом, различия в грамматическом оформлении оказываются нивелированными терминологически и обойденными в плане описательном.

Иначе, чем небрежностью, трудно объяснить и формулировку направления подчинительной зависимости сочетаниях типа село Горки и станция «Текстильщики»: «существительное в именит. пад. ед. ч., обозначающее родовое понятие согласуется в падеже с именем в мн. ч., обозначающим видовое понятие» (С. 489). Этой формулировкой констатируется, что существительные село, станция зависят якобы от слов Горки, «Текстильщики».

Несмотря на объективную сложность вопроса о направлении грамматической зависимости в аппозитивных сочетаниях вообще, по отношению к данной разновидности этих сочетаний как раз давно найдены объективные признаки такого направления. Во-первых, оно обнаруживается самой неизменяемостью именительного падежа: в силу этой неизменяемости собственные имена оказываются выключенными из внешних синтаксических связей всего сочетания в составе предложения и свободно опускаются при «операции свертывания», что характерно только для компонентов подчиненных. Ср.: «Мы сошли на станции [«Текстильщики»]. Во-вторых, при употреблении рассматриваемых сочетаний в составе подлежащего сказуемое связывается со словами село, станция, а не Горки, Текстильщики (ср.: «Село Горки известно всем», «Станция «Текстильщики» открыта недавно»). Это свидетельствует о том, что в аппозитивных сочетаниях грамматически главенствуют существительные, обозначающие родовые понятия, а не видовые.

2. О трактовке понятий полного - неполного согласования

Полное и неполное согласование достаточно давно различаются в русской грамматической теории в зависимости от того, все или не все возможности уподобления реализует зависимое слово при согласовании. «Полной является связь согласования, если все возможности согласования исчерпаны. Так, прилагательное добрые со словом друзья согласуются только в числе и падеже, но этим все же исчерпываются все возможности согласования, так

¹ В «Русской грамматике» (М.: Наука, 1980. § 1821) возможность колебаний констатируется как в сочетании в селе Горки – в селе Горках, так и в сочетании к станции Мытищи – к станции Мытищам (?).

как во множественном числе прилагательные не имеют родовых различий, и, следовательно, в роде согласовываться не могут», – пишет, например, С. И. Абакумов¹. В качестве примеров неполного согласования рассматриваются обычно случаи типа «Он возвратился домой **усталым**», в которых из трех возможностей согласования (в роде, числе и падеже) одна (согласование в падеже) не реализуется. Так трактуются полное и неполное согласование и в Академической «Грамматике русского языка»².

В «Грамматике современного русского литературного языка» (с. 488–489) морфологические возможности зависимого слова сбрасываются со счета и полное – неполное согласование устанавливается только по количеству внешне совпадающих категорий. Если у сочетающихся имен совпадают три грамматических категории – род, число и падеж (например, **добрый друг**), – согласование полное; если меньше – две (как в рассмотренном у С. И. Абакумова примере **добрые друзья**) или одна – согласование неполное.

Даже в рамках приведенных примеров эта механическая оценка оказывается достаточно грубой и бесплодной. Разное количество совпадающих категорий не свидетельствует в случаях типа **добрый друг** – **добрые друзья** о различиях в принципах построения словосочетаний. Принцип здесь один: прилагательное воспроизводит, дублирует в своих формах все «доступные» для него морфологические категории главного слова. И естественно, что прежняя оценка со стороны полной или неполной реализации согласовательных возможностей прилагательного тоньше и глубже, поскольку при этой оценке учитываются как раз различия в принципах синтаксической организации.

Увеличение механистической констатацией простых совпадений в грамматических категориях обернулось в «Грамматике» 1970 года не одним огрублением понятия полного - неполного согласования. Только это увлечение могло привести а) к упомянутому выше безоговорочному принятию давно подвергающейся сомнениям традиционной констатации согласования в аппозитивных сочетаниях двух существительных при последовательном параллелизме их форм; б) к утверждению согласования в падеже в сочетаниях с общепризнанной несогласуемостью второго компонента типа: **станция «Текстильщики»**, **магистраль Москва – Ленинград** и под. и – соответственно – в) к искаженному и непоследовательному рассмотрению согласования в целом.

¹ Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942. С. 121.

² См.: Грамматика русского языка. М., 1964. С. 25.

3. Об отрицании согласования в предикативных сочетаниях

В разделе, непосредственно посвященном согласованию (§ 1139), отрицание согласования сказуемого с подлежащим является лишь подразумеваемым.

Формулируется и обосновывается это отрицание только при характеристике двусоставного предложения, когда впервые вводится понятие формального уподобления главных членов, противопоставляемое понятию согласование (§ 1293). Здесь выдвигаются четыре признака, различающие, по мнению авторов, согласование и «формальное уподобление главных членов».

Поскольку уподобление в грамматических категориях признается признаком общим и для согласования (см. § 1276), и для «формального уподобления главных членов», решающим при их разграничении должно оказаться выявление того, чем различается здесь сам принцип уподобления.

Среди четырех формулируемых в «Грамматике» различий непосредственное отношение к решению этого вопроса имеет только одно – первое. Три остальные характеризуют грамматические и функциональные различия между **атрибутивными и предикативными сочетаниями** слов, а не различия в принципах наблюдающегося уподобления.

Поэтому мы остановимся прежде всего на первом из констатируемых в «Грамматике» различий – на утверждении, что в сочетаниях главных членов наблюдается **не одностороннее** (свойственное для согласования), а **взаимное уподобление**, при котором ни одна из сочетающихся форм «не является ни главной, ни зависимой» (§ 1293). Причем оценка эта распространяется не только на формы лица типа **я пишу, ты пишешь**, особое положение которых многократно констатировалось в русской лингвистике¹, а и на формы рода, числа и падежа, т. е. на все случаи, которые обычно трактуются как случаи согласования сказуемого с подлежащим.

Утверждение взаимного уподобления по отношению к числу и роду резко искажает объективную сущность тех отношений, которые наблюдаются в грамматическом строе языка.

Самостоятельность категорий рода и числа у существительных и несамостоятельность, отраженный характер этих категорий у прилагательных и личных глаголов – факт общеизвестный. Эти категориальные особенности

¹ См. об этом в нашей книге «Согласование и управление в русском языке». (М., 1971. С. 199–206)

частей речи определяют обязательность не «взаимного», а одностороннего уподобления в роде и числе – уподобления слов «признаковой» грамматической семантики субстантивным словам.

Что может обозначать утверждение «взаимного уподобления» подлежащего и сказуемого? Оно означает, что выбор грамматической формы у обоих главных членов осуществляется только при их объединении, «координации».

На самом деле употребление существительного (и любого субстантивного слова) **в формах** определенного **рода и числа** определяется грамматическим или собственно предметным денотативным значением самого субстантивного слова и не зависит от его синтаксических связей.

Формы рода и числа у субстантивного слова безразличны к синтаксической функции этого слова, в том числе к его употреблению в роли подлежащего или второстепенного члена. Ср.: **Машина** отремонтирована – **Машину** отремонтировали – **Стоянки машин** отремонтировали; **Она** уволена – **Он** уволен – **Они** уволены – **Ее** (его, их) уволили.

При использовании субстантивного слова в качестве подлежащего его род и число совершенно индифферентны по отношению к формам сказуемого: они одинаково употребляются а) и при совпадающих, и при не совпадающих с ними формах рода и числа у сказуемого; б) при сказуемом, выражающем обе эти категории или только одну из них; в) при сказуемом неизменяемом и не выражающем никаких грамматических категорий – таком, которому «уподобиться» вообще невозможно. Ср.: а) **Машины** обесценили ручной труд; **Машины** – источник снижения себестоимости; б) **Машина** движется; **Машина** двигалась; в) **Машина** – хлоп; **Машины** наготове и т. д.

Это безразличие к форме сказуемого свидетельствует, что какая-либо ориентация на нее при употреблении подлежащего в определенном роде и числе отсутствует. А без такой ориентации говорить об «уподоблении» подлежащего, хотя бы и «взаимном», невозможно.

Прилагательные¹ и личные глаголы характеризуются с этой стороны свойствами противоположными.

В грамматической (и семантической!) природе категорий рода и числа у этих частей речи заложена **необходимость уподобления**.

¹ О прилагательных здесь и в дальнейшем мы будем говорить в широком понимании, включая синтаксическое употребление местоимений-прилагательных, порядковых числительных и причастий – всех слов с адъективным типом словоизменения.

Дело в том, что морфологическое выражение числа и рода или хотя бы одной из этих грамматических категорий у них **обязательно**. В то же время вне синтаксических связей для употребления их в определенном роде и числе нет никаких оснований. Их лексические значения признака или действия (процессуального признака) не требуют характеристики со стороны этих категорий и не подсказывают употребления прилагательного и глагола в формах определенного рода и числа. Семантика рода и числа у этих частей речи всецело обращена не к характеристике самого признака (в том числе процессуального), а к повторной, отраженной характеристике грамматических свойств и предметной семантики соответствующего субстантивного слова¹. Например, словоформы множественного числа типа **деревянные, слабеют** указывают не на множественность признаков, а на множественность предметов, являющихся носителями соответствующего признака. Именно поэтому ориентировка на субстантивное слово, обозначающее носителя признака, и выбор форм рода и числа путем грамматического употребления этому слову или отражения его предметной семантики и являются для прилагательных и личных глаголов грамматической необходимостью².

При этом в условиях разного синтаксического использования прилагательных эта (категориальная!) необходимость реализуется всегда одинаково. Ср. **атрибутивное, предикативное** употребление и разные случаи **полупредикативного** использования прилагательных:

Помогала **взрослая сестра**. **Сестра** уже **взрослая**. Уже **взрослой сестра** часто вспоминала эту историю. Уже **взрослой сестру** приняли в заочную

¹ Несамостоятельность грамматических значений рода и числа у прилагательных и глаголов, отнесенность этих значений только к определяемому субстантивному слову постоянно отмечается в отечественном и зарубежном языкознании. См., например: **Шапиро М. А.** О типах подчинительной связи внутри словосочетания // РЯШ. 1950. № 2. С. 24; **Поспелов Н. С.** Соотношение между грамматическими категориями и частями речи // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 74; **Адмони В. Г.** Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // НДВШ, Филологические науки, 1961. № 3. С. 12; **Сепир Э.** Язык – ОГИЗСОЦЭКГИЗ. 1934. С. 74; Groot A. W. Les oppositions dans les systemes de la syntaxe et de cas // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. – Genève. 1939. С. 123. Еспенсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 41 и др.

² У глаголов эта необходимость ограничена только случаями использования их в односоставных предложениях, где употребление форм рода и числа синтаксически обусловлено структурно-семантическим типом всего предложения, а не предопределено связью с определенным субстантивным словом (ср.: Вызов ему уже послали: К вечеру подморозило и т. д.).

школу. Помогали **взрослые дети**. Дети уже **взрослые**. Уже **взрослыми** их приняли...

Очень показательно, что даже в условиях двойных синтаксических связей полупредикативного творительного падежа формы **рода и числа** прилагательных избираются на основе уподобления формам субстантивного слова, обозначающего носителя признака.

В целом, таким образом, анализ обнаруживает, что характер уподобления в роде и числе всегда одинаков. Там, где такое уподобление действительно наблюдается, оно всегда одностороннее, а не «взаимное». Сочетания главных членов исключения в этом отношении не представляют. В них уподобляется подлежащему сказуемое. Формы рода и числа любого субстантива, в том числе подлежащего, избираются, как было показано, независимо от его синтаксических связей с другими словами.

Несколько иной характер имеет, по-видимому, лишь наблюдающийся в сочетаниях подлежащего и предикативного прилагательного **параллелизм падежей** (**Ночь теплая**).

Здесь, действительно, на наш взгляд, можно говорить о своеобразной взаимозависимости и, следовательно, — об элементах координации, осложняющей простое уподобление сказуемого подлежащему.

Дело в том, что употребление любого субстантивного падежа, в отличие от форм рода и числа, всегда синтаксически обусловлено — обусловлено его синтаксической позицией в предложении, характером его связей с другими словами.

В рассматриваемых случаях использование именительного падежа субстантивного слова предопределено, в отличие от форм его рода и числа, всей структурной схемой предложения и, в частности, тем, что определяющему прилагательному отведена в этой схеме роль сказуемого. Таким образом, употребление именительного падежа субстантивного слова в пределах сочетания существительного с прилагательным своеобразно зависит здесь от предикативной позиции прилагательного. Эта позиция требует от субстантивного слова, обозначающего носителя признака, именительного падежа¹. С другой стороны, само прилагательное приобретает именительный падеж в силу непосредственной связи с субстантивным словом, обуславливающей обяза-

¹ Общий вопрос о двустороннем, взаимном характере подчинения, наблюдающегося в предикативных сочетаниях, рассматривается нами в нашей указанной выше книге «Согласование и управление...» (§ 54—56).

тельное согласование. В случаях опосредованной двойной связи согласование в падеже (и только в падеже!) становится необязательным. Ср.:

Ночь теплая — Ночь **была** теплая, теплой
Он взрослый — Он **вернулся** взрослым, взрослый

Обоюдную взаимозависимость в формах подлежащего и сказуемого можно констатировать, таким образом, на наш взгляд, только по линии падежа в предложениях типа «**Ночь теплая**»¹.

Однако, утверждая такую взаимозависимость, следует оговорить, что по отношению к подлежащему и она вовсе не имеет характера «взаимного уподобления» со сказуемым. Употребление именительного падежа для обозначения носителя признака предопределено, как уже говорилось выше, предикативным выражением этого признака — предикативной функцией прилагательного. Но к падежу прилагательного именительный падеж подлежащего безразличен, и потому уподобления констатировать здесь нельзя (см.: **Ночь была теплой**).

Все другие особенности, выдвигаемые в «Грамматике» в качестве признаков, различающих согласование и «формальное уподобление главных членов» (см. § 1293 и специальную статью Н. Ю. Шведовой по этому вопросу²), — это особенности, не характеризующие различий в принципе грамматического уподобления, т. е. различий, которые позволили бы подтвердить существование двух приемов такого уподобления. Фактически эти особенности относятся, как уже отмечалось выше, к различиям атрибутивных и предикативных сочетаний слов и в плане способов синтаксической организации свидетельствуют лишь о том, что задачи грамматического оформления предикативного сочетания в целом и сказуемого, в частности, согласованием не исчерпываются.

Объективно согласование оказывается лишь одним из компонентов в таком оформлении (причем компонентом обязательным только тогда, когда к

¹ В непредикативных сочетаниях прилагательного с существительным падеж существительного устанавливается за пределами этого сочетания — исходя из «внешних» по отношению к данному сочетанию связей существительного и совершенно независимо от прилагательного. В предикативных сочетаниях типа **ночь теплая** падеж существительного обусловлен позицией подлежащего, определяемой «внутренними» связями в данном сочетании слов, не выходящими за рамки этого сочетания. Свообразие этих связей — в предикативной роли прилагательного.

² Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков / К 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского. М., 1971.

уподоблению предрасполагают категориальные свойства употребляемого в сказуемом грамматического класса слов¹).

Помимо согласования, выбор формы предикативно употребленного глагола, действительно, зависит от модально-временных коммуникативных характеристик. Употребление прилагательного в сказуемом предполагает, кроме согласования, выбор полной или краткой формы, аналитическое выражение модально-временных значений и т. д.² В отличие от предикативного использования, при атрибутивном употреблении прилагательного его грамматическая форма определяется только согласованием, причем согласованием всегда полным.

Проведенный анализ показывает, что по сравнению с «Грамматикой современного русского литературного языка» традиционное понимание согласования в гораздо большей степени отражает объективную сущность грамматических явлений и нуждается только в теоретическом обосновании и некоторых частичных уточнениях.

В «Грамматике» и задача теоретической интерпретации согласования в целом, и задача уточнения отдельных частных оценок решается очень поверхностно и невнимательно.

Ни одна из особенностей, отличающих трактовку согласования в «Грамматике» от его обычного понимания, даже не оговаривается. Все оценки даются в такой форме, как будто они давно приняты, общеизвестны и самоочевидны, хотя многие из них очень неожиданны, сиюминутны, далеко не самоочевидны и не объективны. Эта особенность «Грамматики» очень опасна: поддержанный авторитетом труда академического, принятый в «Грамматике» стиль бездоказательности многих положений угрожает научной дезориентацией недостаточно опытных исследователей-лингвистов.

Среди собственно теоретических недостатков в трактовке всех типов подчинительной связи следует особенно подчеркнуть **односторонность** этой

¹ Не говоря о предикативном использовании ряда неизменяемых глагольных форм, компаратива, наречий (типа **Я – бежать. Она – прыг. Ель выше. Снаряжение наготове** и т. д.) к согласованию не предрасположены и предикативно употребленные существительные (подробно см. об этом в нашей книге «Согласование и управление...» С. 206–225). В «Грамматике» же в качестве примеров уподобления «в числе и падеже» рассматриваются даже случаи «**Отец – наша опора**», несмотря на то, что существительное «**опора**» в этом отвлеченно-оценочном значении не имеет форм множественного числа и, соответственно, в принципе совершенно не способно к уподоблению. Ср.: «**Родители – наша опора**».

² Более подробно об этом см.: Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 47–50.

трактовки, как раз и приводящую к ее необъективности. В связях между словами отмечается только роль категориальных свойств главного слова: «...**подчинительная связь слов** – это формальная зависимость одного слова от другого, при которой наличие зависимого слова (или слов) в определенной форме (формах) предопределяется категориальными свойствами главенствующего слова» (с. 386).

Объективно в подчинительных связях между словами играют роль категориальные свойства **обоих** сочетающихся слов.

Именно категориальными свойствами **обоих** компонентов определяется наблюдающееся при согласовании **направление уподобления**, а следовательно, и направление подчинительной зависимости по линии уподобления – подчинение прилагательных и личных глаголов словам с грамматической семантикой предметности.

Сам выбор типа синтаксической связи – согласования, управления и примыкания – всецело определяется категориальными свойствами **зависимого, а не главного** слова. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что при одном и том же главном слове и даже при выражении идентичных смысловых отношений способ связи меняется в зависимости от категориальных свойств подчиненного слова. Ср.: **настаивали на моем отчислении – на отчислении студента; отцовские рисунки – рисунки отца; верховая езда – езда верхом, цветочная ваза – ваза для цветов** и т. д.

Соответственно способу связи, определяемому категориальными свойствами **подчиненного** слова, меняются, естественно, и **формы** подчиненного слова. Это обнаруживает объективную неправомочность положения о том, что форма зависимого слова предопределяется при подчинительной связи только категориальными свойствами **главенствующего** слова.

Проблемы интерпретации типов подчинительной связи сохраняют свою актуальность и по отношению к «Русской грамматике» под ред. Н. Ю. Шведовой (М.: Наука, 1980).

Если говорить о рассмотренных выше особенностях в трактовке согласования, то наиболее концептуально важная из них сохраняется: связь между подлежащим и сказуемым в «Русской грамматике» продолжает оцениваться как формальное уподобление «друг другу» (см. § 1912). Понятие неполного согласования снято совсем. Описание характера связей в аппозитивных сочетаниях несколько скорректировано, но дается в подразделе «Приложение», логически не оправданном в ряду подразделов, связанных с детализацией характеристики согласования (см.: «Общая характеристика» согласования

– § 1815; «Согласование прилагательного с существительным» – § 1816–1819; «Приложение» – § 1820–1823).

Что касается общей характеристики типов подчинительной связи, то многое вызывает здесь недоумение: возврат к сути традиционных трактовок согласования, управления и примыкания и вместе с тем «переименование» их («первый вид формального выражения зависимости», «второй вид...», «третий вид...» – § 1725); совмещение с этими понятиями основы тех оценок согласования, управления и примыкания, которые приняты в Грамматике – 70; непроясненность соотношения «видов формального выражения зависимости» и «типов подчинительной связи»; расплывчатость принципов характеристики управления и т. д.

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ И СМЫСЛОВЫХ ФАКТОРОВ В ОФОРМЛЕНИИ СОГЛАСУЕМОГО СЛОВА

По сравнению с управлением согласование является гораздо более простым и гораздо более «формализованным» способом установления связи между словами. Соответственно гораздо проще и прозрачнее те основания, исходя из которых избирается та или другая форма согласуемого слова. В обычных случаях подчиненное слово при согласовании воспроизводит грамматические категории, присущие господствующему слову. Естественно, что более или менее механически могут воспроизводиться только категории, общие для подчиненного и господствующего слова.

Соответственно с этим при характеристике согласования внимание обычно сосредоточивается на том, что «уподобление» господствующему слову зависит от того, какие из грамматических категорий, присущих господствующему слову, имеются у слова подчиненного. Так, указывается, что полное прилагательное, способное выражать род, число и падеж, уподобляется господствующему существительному во всех этих трех категориях; краткое прилагательное, не имея категории падежа, – только в роде и числе и т. д. Эти факты отмечаются всеми общими пособиями по синтаксису и являются общеизвестными.

В то же время далеко не до конца раскрыто, какую роль играет в согласовании семантико-грамматическая природа господствующего слова. А между тем различные принципы оформления согласуемого слова зависят именно от особенностей господствующего компонента¹.

От того, какое именно количество грамматических категорий, присущих господствующему слову, способно воспроизводить зависимое слово, характер факторов, определяющих форму подчиненного слова, не меняется. Например, в предикативных сочетаниях **ночь тихая, ночь тиха, день тихий, день тих** установление формы согласуемого прилагательного принципиальных различий не имеет: эта форма дублирует те грамматические категории существительного, которые могут быть выражены флексиями согласуемого слова. Отсутствие категории падежа у краткого прилагательного не меняет сущности этого чисто грамматического приема установления связи.

¹ Ср. аналогичное замечание А. И. Смирницкого: «... В объяснении здесь нуждается не форма согласуемого слова, а форма ведущего, ибо... именно основные слова имеют известные присущие им специфические черты...» – А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1957. С. 77.

В отличие от этого, когда та или иная грамматическая категория, выражаемая подчиненным словом, отсутствует у господствующего, форма подчиненного слова устанавливается на основаниях принципиально иных. Например, форма рода при местоимениях **я** и **ты**, не имеющих грамматической категории рода, определяется у согласуемого слова реальным полом соответствующего лица: **я пришла, я пришел**. Согласование в роде имеет в этом случае с м ы с л о в о й, а не грамматический характер¹.

При отсутствии категории рода и числа у господствующего слова возникает и третий способ оформления подчиненного слова – способ, который можно назвать условно-грамматическим согласованием. Своеобразно приспособляясь к слову, не выражающему рода и числа, зависимый компонент часто приобретает в русском языке наиболее «нейтральную» форму – единственного числа среднего рода. Ср.: **А, помноженное на В, равняется С; произошло что-то страшное; получилось круглое пять; громкое «ура»** и т. д. В отличие от смыслового согласования условно-грамматическое не отражает никаких реальных предметных значений, передаваемых господствующим словом; в отличие от собственно грамматического согласования в нем не наблюдается буквального повторения грамматических категорий господствующего слова.

Факты смыслового и условно-грамматического согласования² не всегда одинаково трактуются в современной русской лингвистике. Их называют «особыми случаями согласования», нарушениями согласования; некоторые лингвисты склонны вообще не усматривать в них «согласования». Например, судя по отдельным замечаниям, А. Б. Шапиро и Д. Н. Шмелев сужают понятие согласования до случаев, когда зависимое слово дублирует имеющиеся у господствующего слова грамматические категории. Так, оба исследователя отрицают согласование в роде в тех случаях, когда господствующее слово ро-

¹ Наша трактовка исключает из сферы смыслового согласования ряд явлений, рассматриваемых Д. Э. Розенталем. См.: Д. Э. Розенталь. Согласование по смыслу сказуемого с подлежащим. Материалы к курсу «Практическая стилистика современного русского литературного языка». Московский заочн. полиграф. институт. 1960.

² Аналогичные разновидности, но с другим терминологическим обозначением намечает И. А. Кока. «Собственно грамматическому согласованию» соответствует в его терминологии «формальное согласование», «смысловому» – «формально-смысловое» или «формально-мотивированное», «условно-грамматическому» – «формально-немотивированное». См.: Н. А. Кока. Согласование как тип синтаксической связи слов в современном русском языке: АКД. Алма-Ата, 1955. С. 11–13.

да не выражает (я пришел – я пришла, ты болен – ты больна, наш Шмидт, новое шасси и т. д.)¹.

Мы считаем, что прилагательные и все адъективные формы, а также родовые личные формы глагола по своей морфологической природе не способны ни к какому иному типу связи, кроме согласования. Флексии прилагательных (в широком понимании) и личных форм глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения обязательно выражают род и число. Между тем лексическое значение признака или действия ни в какой мере не подсказывает употребление прилагательного или глагола в определенном роде или числе. Поэтому род и число в формах указанных частей речи неизбежно устанавливаются в зависимости если не от грамматической формы, то от предметного значения господствующего слова – обязательно тем или иным путем «приспосаблиются» к господствующему слову. По меткой характеристике М. А. Шапиро, вообще «значение флексии при согласовании относится всецело не к зависимому, оформляемому этой флексией, слову, а к другому члену сочетания, к подчиняющему слову»². Не без основания эту особенность М. А. Шапиро считает основной особенностью согласования. Несамостоятельность форм рода и числа у грамматически подчиненных прилагательных и глаголов не только позволяет, но и заставляет говорить всегда о согласовании их, независимо от того, определяют ли форму подчиненного слова факторы собственно грамматического, условно-грамматического или смыслового порядка³.

Рассмотрение принципов согласования мы будем проводить отдельно по каждой из категорий, которые может иметь согласуемая подчиненная форма.

Несмотря на то что между членами предикативного объединения слов в целом наблюдаются отношения взаимного подчинения, вполне правомерно рассматривать согласование сказуемого с подлежащим отдельно, как одну из линий в этих двусторонних отношениях. При этом общие принципы согласования в роде и числе в непредикативных и предика-

¹ См.: А. Б. Шапиро. Словосочетание в русском языке. В сб.: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1959. С. 200. Д. Н. Шмелев. Некоторые особенности согласования в русском языке. «РЯНШ», 1962. № 4. С. 48.

² М. А. Шапиро. О типах подчинительной связи внутри словосочетания // РЯШ. 1950. № 2. С. 24 и др.

³ Ср. аналогичные выводы: Б. А. Липидус. Проблема согласования сказуемого с подлежащим в современном английском языке: АКД, М., 1959. С. 3.

тивных объединениях слов совершенно одинаковы, хотя в некоторых случаях тот или иной из этих принципов получает в предикативных сочетаниях более широкое распространение, чем в непредикативных, и наоборот. Поэтому раскрывать такие общие принципы мы будем, рассматривая одновременно и непредикативные и предикативные¹ сочетания слов.

Наиболее широко захватываются согласованием категории рода и числа. К тому же в этих категориях особенно отчетливо обнаруживается различие возможных принципов согласования, так как именно категории рода и числа могут быть связаны с особенностями конкретно-предметного значения господствующего слова. Поэтому из-за ограниченности объема книги среди категорий, участвующих в согласовании, мы рассматриваем в основном эти категории, затрагивая, кроме того, лишь спорный вопрос о согласовании в лице и характеристику явлений параллелизма форм существительных в предложении и именном сказуемом.

Выбор формы рода при согласовании

Согласование оказывается как бы зеркалом, в котором отражаются грамматические и семантические особенности, связанные с родом господствующего слова.

Собственно грамматическое согласование, при котором род подчиненного слова повторяет род господствующего, наблюдается в том случае, если господствующим словом является субстантивное слово, имеющее грамматическую категорию рода: существительное мужского, среднего или женского рода; субстантивированное прилагательное или причастие (**прачная, рабочий, учащийся, прошлое** и т. д.); местоимение-существительное типа **всякий, каждый, любой, другой, тот, всё, это, то**.

Однако о чисто грамматическом принципе согласования уверенно можно говорить лишь по отношению к тем случаям, когда, с одной стороны, род господствующего слова, не отражая различий пола, является категорией семантически не мотивированной, а с другой – когда он получает вполне опре-

¹ См. замечание Р. Мразека по поводу проспекта «Основы построения описательной грамматики русского литературного языка» («Наука», 1966): «Жаль, что тезис о принципиальном исключении предикативных словосочетаний повлечет за собой некоторое сужение диапазона... межсловесной комбинаторики». – Р. Мразек. К проекту построения синтаксического раздела. «Československá rusistika». 1967. № 2. С. 89.

деленное морфологическое выражение, т. е. когда флексии именительного падежа единственного числа или всей парадигмы склонения соответствуют грамматическому роду господствующего слова. Таково, например, согласование с неодушевленными существительными типа **диван, тахта, окно, форточка, бешенство, ярость, береза, дуб**; с местоимениями-существительными типа **это, все, то**, с одушевленными существительными и местоимениями-существительными, не выражающими различий пола: **окунь, щука, стрекоза, синица, животное, человек, персона, ребенок, всякий, каждый** и т. д. Родовая форма подчиненного слова устанавливается в сочетании с такими словами без участия каких бы то ни было смысловых факторов – путем автоматического дублирования грамматического рода господствующего слова: **на мягком диване – на мягкой тахте, большая щука – большой окунь, страшное бешенство – страшная ярость, росла березка – рос дуб, все прошло, каждый ушел бы** и т. д.

Труднее утверждать чисто формальный характер согласования в тех случаях, когда грамматический род господствующего слова семантически мотивирован, отражая пол лица или животного. Повторяя грамматические категории господствующего слова, подчиненное слово становится в таких случаях и дополнительным выразителем реального пола (ср.: **приехал один учитель – приехала одна учительница**). Собственно грамматические и смысловые основы согласования выступают здесь в неразрывном единстве и взаимодействии.

О чисто смысловом согласовании можно говорить в тех случаях, когда род согласуемого слова устанавливается исходя непосредственно из пола лица (реже – животного), обозначаемого господствующим словом, – без участия морфологических показателей рода у господствующего слова или даже минуя такие показатели. Смысловое согласование в роде имеет место: 1) при одушевленных (преимущественно личных) существительных, а) когда существительное – несклоняемое – вообще не имеет морфологических показателей рода (**Захаренко, Краузе, конференсье** и под.); б) когда окончания существительного (или шире – форма его именительного падежа) не соответствуют его грамматическому роду и полу (**мальчишка, Ваня, дядя, Лука, Батиста, Элен, Жаклин, Мамлакат** и т. д.); в) когда одна и та же форма существительного приобретает определенный грамматический род в зависимости от пола (**Саша, Женя, Валя, плакса, неряха, сирота** и др.) и, наконец, г) когда грамматический род существительного, получающий выражение в

его окончании, не соответствует реальному полу; 2) при местоимениях **я**, **ты** и вежливом **вы**, не имеющих грамматической категории рода. Например:

1) а) **Теперь Вепхвадзе взялся за разрешение другой многолетней математической загадки** («Неделя», 1965, № 52); **О Лейле узнала Т. Лашкарашвили, министр просвещения Грузии** («Неделя», 1966, №6).

б) **Открыл, как об этом и мечтал Коля, сам Юра** (Кассиль, Ранний восход); **Читал ли Тургенев модную в те годы Брэддон?** (Шаги-нян, Английские письма).

в) **Женя вздохнула и оглянулась** (Гайдар, Тимур и его команда); **Наташа все еще отряхивалась, когда подошел Женька** (Нагибин, Туман); **В детстве я был большой рева** (Вересаев, Воспоминания); Она [Любочка] **была страшная плакса** (Л. Толстой, Детство).

г) **Но как раз в этот момент в зал вернулась секретарь; что-то забывшая на столе** (Г. Бакланов, Карпухин); **Появилась Великий Могол и, глядя в зеркало, сказала, что ужин подан** (А. Н. Толстой, Хожение по мукам); **В заповедник Ломаное Копыто наверняка пришел вместе со стадом и, наверно, был вожакom** (Песков, Шаги по росе); **Пока Солнышко жадно глотала воду, Любаша почистила стойло, корму дала** (Матушкин, Любаша).

2) **Я все поняла сейчас. ...Я не дождусь тебя, сколько бы ни ждала. Ты никогда не выходил и никогда не выйдешь из лагеря, Георг! Ты «бессрочный» Бухенвальда** (Нагибин, Веймар и его окрестности); **А вы жестокая, Мария Владиславовна...** (Л. Никулин, Мертвая зыбь).

В одних случаях закономерности смыслового согласования проводятся вполне последовательно; в других они конкурируют с другими приемами.

Так, при отнесенности слов «общего рода» (**неряха, плакса, сирота** и под.) к лицам мужского пола согласуемые с ними определения могут употребляться в формах женского рода:

– **Вот совещаемся, – сказала та же соседка. – Главное: мальчишку-то куда деть? Ведь круглая сирота!** (Остапенко, Вещи), «**О, это Брюм!**» – «**Тоже ...аристократический волдырь какой-нибудь или хапуга биржевая?**» (Леонов, Русский лес); **Он убежден, что красив. Честное слово, такая образина** (М. Молочко, А. Молова, Тебе, моя жизнь) и т. д.

Большинство лингвистов связывает такое согласование с формальным влиянием окончания **-а** у существительного¹. Не является последовательным и смысловое согласование при существительных мужского рода типа **директор, секретарь, врач**, когда они обозначают женщин, хотя конструкции типа **Директор пришла**, которые еще сравнительно недавно оценивались как неприемлемые для строго нормированной речи², получили в настоящее время широкое распространение и свободно употребляются без какой-либо сниженной стилистической окраски в авторской речи художественных произведений и в газетных текстах различных стилевых разновидностей³, в том числе даже в чисто официальных информационных сообщениях, например: **...Наш корреспондент связалась с Далласом...** («Лит. газета», 1967, № 10). Грамматическое, а не смысловое согласование сказуемого сохраняется сейчас преимущественно в строго официальном стиле (**Диссертант обнаружил большую эрудированность**). Практически при обозначении конкретного лица без фамилии свободно употребляются в официальных стилях сравнительно немногие нарицательные существительные (как раз типа **автор, рецензент, диссертант**).

¹ См.: **А. М. Пешковский**. Русский синтаксис... С. 189; **В. В. Виноградов**. Русский язык. М.–Л., Учпедгиз, 1947. С. 476–477; **Д. Э. Розенталь**. Практическая стилистика русского языка. М., «Высшая школа», 1965. С. 242; **И. П. Мучник**. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. В сб.: «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963. С. 71–72.

² Ср., например: **К. И. Былинский**. Особые случаи согласования сказуемого с подлежащим в современном литературном языке // РЯШ, 1939. № 2. Даже авторы академической «Грамматики русского языка» говорят о возможностях смыслового согласования в конструкциях этого типа еще очень осторожно: «Такое употребление распространяется в разговорной речи. Однако поскольку оно резко нарушает правила грамматического согласования, здесь обычно называется имя собственное того лица, о котором идет речь, напр.: ...Мастер т. Стананова организовала помощь отстающим...» – «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954. С. 512–513. То же, изд. 2. М., 1960. С. 510.

³ О причинах распространения и закономерности использования этих конструкций см., например: **И. Ф. Протченко**. Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц женского пола. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1961; **И. П. Мучник**. Категория рода и ее развитие в современном литературном языке. В сб.: «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963; **В. Г. Костомаров**. Культура языка и речи в свете языковой политики. В сб.: «Язык и стиль». М., «Мысль», 1965 и особенно «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., «Наука», 1968, гл. вторая.

В отличие от сказуемых, определения согласуются с рассматриваемыми словами чаще всего формально, а не по смыслу. Ср. различное согласование определений и сказуемых: **После уроков ко мне зашла классный руководитель 9 класса и не без тревоги сообщила...** («Комс. правда», 30/1 1960 г.); **Рыжеволосый астронавигатор неслышно заняла свое место...** (Ефремов, Туманность Андромеды) и т. д. Вместе с тем формы женского рода постепенно распространяются и в непредикативных словосочетаниях: **А одна наша врач купила путевку; Один раз наша почтальон заболела; Эта продавец медленно отпускает** (Из записей живой речи); **Присутствовавшая на уроке завуч сказала громко в учительской...** («Волж. комсомолец», 24/12 1965 г.); **Смущенная завуч пояснила, что мальчишка утром поскандалил и сбежал** («Комс. правда», 11/11 1969 г.). Однако даже в разговорной речи не поддаются обычно приемам смыслового согласования такие сочетания, которые представляют собой единое наименование профессии или должности: **зубной врач, главный врач, старший технолог, старший мастер** и под. Устойчивость грамматических приемов согласования, несомненно, объясняется здесь терминологической цельностью этих словосочетаний.

Прилагательные с качественным значением обнаруживают несколько большую свободу оформления. В наших записях разговорной речи зафиксирован пример с разным оформлением определений разных типов: **У нас была очень хорошая зубной врач.**

Грамматические нормы согласования всегда выдерживаются в тех случаях, когда прилагательные, даже с чисто качественным нетерминологическим значением, вместе с определяемым существительным входят в состав сказуемого. Ср.: **Врач у нас очень хорошая, но: Иванова у нас – самый хороший врач.**

Таким образом, вытеснение грамматических приемов согласования смысловыми неодинаково протекает в разных условиях. Закреплению смыслового согласования препятствует, по-видимому, сила лексического сцепления компонентов (**главный врач**) или их тесная синтаксическая спаянность (**Иванова – самый хороший врач**)¹.

¹ Неудивительно, что, когда определение стоит при сочетании нарицательного и собственного имени, имеет значение и степень семантической самостоятельности и весомости нарицательного имени, и то, к нарицательному или собственному имени относится определение по смыслу. Например, совершенно естественны различные возможности согласования в сочетаниях **уважаемая (реже уважаемый) товарищ Иванова и верный то-**

Играет роль, очевидно, и степень необходимости той информации, которую несет смысловое согласование. В предложениях типа **Она – хороший инженер; Иванова – зубной врач**, когда пол передан родом подлежащего, необходимость его повторного выражения отсутствует. Иное положение в случаях типа **Врач у нас внимательная**, где форма женского рода является по меньшей мере желательной, так как только она может выразить реальный пол характеризуемого лица.

Условно-грамматическое согласование при обозначениях лиц наблюдается в сочетаниях с местоимением **кто** и его производными (**кто-то, кто-нибудь, никто** и др.). Использование этих местоимений всегда связано с известной неопределенностью представления о лице (животном), с обобщенным, а не конкретным его обозначением. Очевидно, поэтому согласуемое слово и приобретает при них условно-грамматическую форму мужского рода (ср. смысловое согласование с местоимениями **я, ты**, тоже не имеющими грамматического рода, но обозначающими конкретных лиц). Например: **Кто был на московском фестивале, никогда не забудет радушия, с каким москвичи встречали посланцев мира** (Песков, Шаги по росе); **Никто не слышал, как трое кричали...** (там же) и т. д. Смысловое согласование в роде наблюдается только в вопросительных разговорных сочетаниях **кто такой – кто такая**.

Выбор при местоимении **кто** и производных согласуемой формы мужского рода объясняется, очевидно, тем, что именно мужской род устойчиво связан в русском языке с обобщенным обозначением лица, устанавливаемым независимо от реального пола. Ср. такие общие наименования лиц, как **студент, ученик, преподаватель, инженер**; местоименные обобщающие обозначения лица типа **всякий, каждый, любой, тот, кто...**; употребление субстантивированных прилагательных типа «Сытый голодного не разумеет» и т. д. В отличие от этого неодушевленные предметы и явления обобщенно обозначаются формами среднего рода единственного числа: **это, всё, «то, что...», всякое (бывает)**; ср.: **Но он был слишком джентльменом,**

вариш Иванова, по поводу которых А. К. Панфилов несколько неоправданно, как нам кажется, полемизирует с Д. Э. Розенталем и Н. Г. Листвиновым, очевидно, просто не предусмотревшими в кратких рекомендациях случаев типа **верный товариш Иванова**. См.: А. К. Панфилов. **Уважаемый товариш или уважаемая товариш?** «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., «Наука», 1965.

чтобы вносить личное в принципиальное (К. Зелинский, Легенды о Маяковском)¹.

Характерно, что, если местоимение **ты** употребляется не для обозначения конкретного собеседника, а в обобщенно-личном значении, в сочетании с ним употребляется та же условно-грамматическая форма мужского рода, которая используется при местоимении **кто**; например: **В десятый, в двадцатый раз читаешь... «Войну и мир» или «Анну Каренину» и всякий раз тебе открывается в них какое-нибудь новое качество, которого ты не видел в них прежде...** (К. Чуковский, Толстой).

Условно-грамматическая форма мужского рода используется также при несклоняемых названиях животных, птиц: **серый кенгуру, ловкий шимпанзе, забавный пони, пестрый какаду**². Ср.: **Группа психологов... в США... пытается научить говорить шимпанзе Маэ, которому 14 дней от роду («Неделя», 1966. № 4).**

За пределами сочетаний с обозначениями лица или животного смысловое согласование (в роде), которое связано только с выражением пола, естественно, не употребляется. При словах, обозначающих неодушевленные предметы, кроме собственно грамматических, могут использоваться лишь приемы условно-грамматического согласования и согласования, которое мы называем ассоциативно-грамматическим (см. ниже).

Условно-грамматическое согласование имеет место, когда господствующим компонентом являются: а) местоимение **что** и его производные (**ничто, что-то, что-нибудь** и под.); б) количественные числительные; в) количественно-именные сочетания с числительными, в том числе и с неопределенно-количественными (**пять человек, много людей**); г) окказионально субстантивировавшиеся или употребляемые в качестве собственных наиме-

¹ Непосредственно о противопоставлении местоимений **кто – что** В. В. Виноградов пишет: «Здесь значения родов мужского и среднего сливаются с различиями категорий лица или живого существа и предмета-вещи, которые как бы противопоставляются одна другой», – В. В. Виноградов. Русский язык. С. 328. Специально ставя вопрос о словах «общего пола», О. Есперсен замечает: «Особенно нужна, очевидно, форма общего пола вопросительных местоимений, потому что, когда задается вопрос «Кто это сделал?», говорящий не знает наперед, к какому полу принадлежит это лицо... Поэтому большинство языков имеет в данном случае лишь одну форму (нередко с окончанием мужского рода)...» – О. Есперсен. Философия грамматики. М.: УРСС, 2002. С. 271–272.

² См.: Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М.: «Высшая школа», 1965. С. 74.

нований части речи, не обладающие категорией рода, целые предложения и словосочетания (если последние не включают в качестве главного слова именительный падеж существительного); д) несклоняемые неодушевленные нарицательные существительные. При этом если при обозначениях лица в порядке условно-грамматического выражения связи употребляется форма мужского рода, то в прочих случаях – форма среднего рода, форма «обезличенной предметности», по выражению В. В. Виноградова. Например: а) **Ничто не останавливало взбесившуюся воду.** (Песков, Шаги по росе); ср.: **что-то останавливало, что останавливало и т. п.**; б) **Отнял пять – получилось двадцать;** в) **В Милан будет отправлено 15 вагонов с декорациями...** («Известия», 12/4 1964 г.); г) **Он [Степан Писахов] верил в это Завтра...** (Лидин, Люди и встречи); **Но осталось кое у кого это вот «так надо»...** («Комс. правда», 23/2 1967 г.); **«На дне» же, повторяю, имело большой успех...** (Шебуев, Актерское счастье); д) **Ушли в облака истребители. Выпущено шасси** (Песков, Шаги по росе).

При ассоциативно-грамматическом согласовании согласуемая форма повторяет грамматический род того слова, с которым, как с более общим, родовым наименованием, ассоциируется данное слово (обычно не имеющее грамматических показателей рода). Наиболее последовательно этот прием согласования проводится при неличных собственных несклоняемых существительных, ассоциирующихся с соответствующими родовыми нарицательными наименованиями. Например, [река]: ... **Я наблюдал за вздувшейся от дождя Мбиа.** («Комс. правда», 23/9 1967 г.); [остров]: **12 лет Тобаго был латвийским владением...** («Неделя», 1965, № 12); [газета]: **По мнению американской «Нью-Йорк геральд трибюн», надежды на успех работы комитета 18-ти невелики** («Известия», /1 1966 г); [партия]: **В 1951 году, когда Джан Сангх появилась на политической арене, мало кто принимал ее всерьез** («Неделя», 1966, №51); [город]: **Тарту возник в утреннем тумане, зимний, жемчужно-серый, красивый строгой северной красой** («Известия», 27/2 1968 г.).

Две разновидности ассоциативно-грамматического согласования встречаются при сочетании с буквенными и звуковыми аббревиатурами, когда воспроизводится: а) род главного слова в полном наименовании; б) род ассоциирующегося с данным названием нарицательного имени:

а) [станция]: **Походная ГЭС** («Известия», 30/6 1964 г.); [комиссия]: **...Милу Юрьевну арестовала ЧК в 1918 году** (Никулин, Мертвая зыбь);

[институт]: ...**Подад заявление директору нашего НИИ** («Неделя», 1965, № 50);

б) [самолет]: **Наш «ЛИ-2», стартовавший в Печоре, долго кружил в полярной вьюге...** («Лит. газ.», 1/2 1969 г.)¹.

Изредка ассоциативно-грамматическое согласование встречается и в сочетании с несклоняемыми существительными других лексических групп. Так, в единичных случаях по роду соответствующего русского существительного проводится согласование с нарицательными неодушевленными существительными: **Главная авеню [улица] города также украшена советскими и французскими флагами** («Известия», 12/12 1966 г.); ...**Знакомый американский журналист «по секрету» шепнул пикантную «нюс» [новость]** («Известия», 14/9 1967 г.) – в последнем случае имеет место окказиональное употребление иноязычного слова, не вошедшего в русский язык. При названиях птиц встречаются согласуемые формы женского рода, по родовому наименованию **птица: В лесной чаще буянят до неприличия ярко оперенные и крикливые птицы: золотисто-зеленая «мот-мот», или «королева лесов», красная «гогриго», избранная в качестве символа нации, ярко-голубая «тэнэджер» и еще десятки других невиданных красавиц** («Неделя», 1965, № 52).

Ассоциативно-грамматический принцип согласования конкурирует с условно-грамматическим при названиях произведений, не имеющих в своей основе именительного падежа:

Одним словом, если поставить здесь горьковскую «На дне», то декораций не понадобится [пьесу] (С. Вишневецкий, Разноликий Чикаго, «Правда», 11/6 1964 г.); ср. выше: **«На дне» же, повторяю, имело большой успех...**, где проведено условно-грамматическое согласование.

Колебания в согласовании наблюдаются и в рамках действия одного ассоциативно-грамматического принципа, поскольку одно и то же собственное имя иногда может ассоциироваться с разными нарицательными. Например, **Мали — «страна», «республика», «государство»**. Ср. пример Д. Э. Розенталя: **«Мали должна рассчитывать преимущественно на две основ-**

¹ См. у Д. И. Алексеева о роде аббревиатур типа САМ – [завод] **счетно-аналитических машин, ДИП** – марка станка «Догнать и перегнать» и под.: Д. И. Алексеев. Склонение буквенных аббревиатур. В сб.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка», «Труды 2-й научной конференции кафедр русского языка пединститутов Поволжья». Куйбышев, 1961. С. 74.

ные отрасли экономики...» и заголовок очерка – «Мали, древнее и молодое» («Известия», 22/9 1966 г.).

Как и в случаях чисто грамматического согласования, при условно-грамматическом и ассоциативно-грамматическом согласовании роль подчиненной формы ограничивается самой общей семантической функцией согласования: эта форма указывает только на принадлежность данного признака или действия определенному предмету. При использовании смыслового согласования ее роль осложняется дополнительной смысловой функцией — указанием на реальный пол носителя признака или производителя действия¹.

Связь разных типов согласования в роде с особенностями господствующих слов можно показать (с известными упрощениями) в следующей схеме

Типы господствующих компонентов	Разновидности согласования, используемые при разных типах господствующих компонентов			
	Грамматическое согласование	Ассоциативно-грамматическое согласование	Условно-грамматическое согласование	Смысловое согласование
1. Слова с морфологическими показателями, соответствующими грамматическому роду	<i>наш стол, наша усадьба, наше окно, наш ученик, наша ученица, каждый знал, все было</i>	—	—	<i>врач пришла</i>
2. Слова с морфологическими показателями, не соответствующими роду:				

¹ Ср. замечание М. В. Панова о функциях согласуемых форм в одном из случаев смыслового согласования (а сочетаниях типа *врач пришла*): «Флексия перестала быть только средством связи подлежащего и сказуемого; эта связь достаточно обеспечена и тогда, когда при существительном в именительном падеже стоит глагольная форма со свободно избранными глагольными аффиксами или -л-а, -л. В сочетаниях типа *врач пришла* флексия дополнительно (разрядка наша. — Е. С.) обозначает ситуативный род существительного» — проспект «Русский язык и советское общество». Алма-Ата. 1962. С. 61.

Типы господствующих компонентов	Разновидности согласования, используемые при разных типах господствующих компонентов			
	Грамматическое согласование	Ассоциативно-грамматическое согласование	Условно-грамматическое согласование	Смысловое согласование
а) <i>дядя, Коля</i>	—	—	—	<i>наш дядя приехал</i>
б) <i>домишко, домище</i>	—	<i>наш домишко [дом]</i>		
3. Слова без морфологических показателей рода:				
а) несклоняемые неодушевленные нарицательные существительные	—	<i>главная авеню [улица]</i>	<i>грузовое такси</i>	—
б) несклоняемые наименования лиц	—	—	<i>каждый конференсье</i>	<i>вышел конференсье, вышла конференсье, наш Захаренко,</i>
в) несклоняемые собственные (неличные) наименования	—	<i>скалистый Капри [остров]; лондонская "Таймс" [газета]</i>	—	—
г) несклоняемые названия	—	<i>вспорхнула колибри [птица]</i>	<i>серый пони</i>	<i>Шимпанзе кормила детеныша</i>
4. Неоднословные господствующие компоненты				
а) <i>пять столов</i>	—	—	<i>стояло пять столов</i>	—
б) <i>часть столов</i>	<i>часть столов стояла</i>	—	—	—
в) однородные существительные	<i>стоял стол и кровать</i>	—	—	—

Выбор формы числа при согласовании

Как и форма определенного рода, форма числа у согласуемого слова зависит от грамматических и семантических особенностей господствующего компонента.

Когда однословный господствующий компонент имеет морфологические показатели числа, то форма подчиненного слова избирается в порядке грамматического согласования: она воспроизводит то число, которое получает выражение в форме господствующего слова.

Если форма господствующего слова не связана с отражением реальной единичности или множественности предметов, основания для выбора согласуемой формы оказываются чисто грамматическими; ср.: **сумерки сгушались – темнота сгушалась, свежая сметана – свежие сливки, грустные провода – грустное расставание, стояла телега – стояли сани, крестьянство радовалось.**

В тех случаях, когда сама форма господствующего слова избирается в зависимости от реальной единичности или множественности, грамматические основания выбора согласуемой формы не противоречат и смысловым: согласуемая форма оказывается дополнительным показателем единичности или множественности предметов, обозначаемых господствующим компонентом; ср.: **способный ученик – способные ученики, растет дерево – растут деревья; он придет – они придут – все придет** и т. д.

Способность согласуемой формы служить показателем реальной единичности или множественности предметов проявляется при несклоняемом конкретном существительном, когда морфологически категория числа господствующим словом не передается и форма согласуемого слова становится единственным грамматическим выразителем числового значения господствующего существительного. Ср.: **Они [жандармы] подскочили к нашему купе, размахивая оружием. Тут начали открываться двери всех купе...** (К. Зелинский, *Легенды о Маяковском*); **Французским летчикам предложили... советские «ЯК-1».** («Известия», 30/4 1965 г.); **Мой «ИЖ» бежит по красивым приморским зарослям.** (Песков, *Шаги по росе*) и т. д.

Согласование имеет в таких случаях чисто смысловой характер.

В то же время способность к грамматическому выражению реальной единичности или множественности оказывается у согласуемых форм ограниченной. Так, если единичный конкретный предмет обозначается существи-

тельным *pluralia tantum*, то согласуемая форма, следуя морфологическим приметам числа у господствующего слова, ставится во множественном числе: **щипцы упали, широкие сани, острые ножницы** и т. д. В результате значения единичности и множественности оказываются грамматически не дифференцированными; ср.: омонимичность высказываний типа **Гости приехали на беговых дрожках** (одних или нескольких?)¹.

Аналогичны случаи, когда согласуемая форма воспроизводит единственное число существительного, хотя последнее употребляется в собирательном значении и потому выражает реальную множественность предметов типа **С берез, не слышен, не весом, слетает желтый лист** (Исаковский. В прифронтовом лесу).

Таким образом, согласуемая форма может самостоятельно передавать реальную единичность или множественность только при существительных, лишенных морфологических показателей грамматического числа.

Смысловое согласование, вопреки морфологическим приметам числа у господствующего слова, возможно в одном случае – при вежливом **вы**², но и то не всегда. Формы личных глаголов, кратких прилагательных и кратких причастий употребляются при этом местоимении во множественном числе – в порядке собственно грамматического согласования: **вы повзростели, вы должны поехать, вы исключены** и т. д. Такие сочетания омонимичны сочетаниям, в которых **вы** обозначает нескольких лиц. Согласуемые формы полных прилагательных, порядковых числительных и местоимений-прилагательных избираются на смысловой основе – в зависимости от единичности или множественности лиц, а в единственном числе и в зависимости от пола лица; ср. при вежливом употреблении **вы: вы смелый – вы смелая, вы десятый – вы десятая, вы не такой – вы не такая**; при значении 2-го лица множественного числа: **вы смелые, вы не такие**.

Если у господствующего слова отсутствуют не только морфологические показатели числа (как, например, в случаях **это кафе – эти кафе**), но и сама грамматическая категория числа, то подчиненное слово обычно упот-

¹ Слова *pluralia tantum* А. А. Зализняк трактует как «существительные, у которых в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны». — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967. С. 59 и др.

² В просторечии и диалектах сохраняется древняя тенденция к смысловому согласованию в числе глагольного сказуемого при собирательных существительных: **Наша бригада хорошо работают; Молодежь-то допоздна гуляют** и т. д.

ребляется в единственном числе, в порядке условно-грамматического согласования.

Как и при согласовании в роде, только условно-грамматическое согласование в числе используется: а) при местоимении **что** и его производных (**что-нибудь случилось, что-то незаурядное** и т. д.); б) при количественных числительных (**осталось три**); в) при субстантивации «бесформенных» частей речи, целых предложений и словосочетаний (**громовое ура, наше завтра, твое «не хочу»** и т. д.).

При местоимении **кто** и его производных обычной согласуемой формой является форма единственного числа (**Кто придет? Кое-кто приехал**) – форма условно-грамматического согласования. Но изредка используется и смысловое согласование в числе, когда согласуемая форма множественного числа отражает реальную множественность лиц. Такое согласование в литературном языке допускается обыкновенно только в особых синтаксических условиях.

Оно встречается в сложноподчиненных предложениях при наличии коррелятов **Те – кто, все – кто**, т. е. при несомненном влиянии множественного числа соотносительных местоимений главного предложения; например: **Трудно читать без волнения его [Крымова] настойчивые просьбы... прислать письма тем из его товарищей, кто растеряли семьи и завидуют получающим вести из тыла (Павленко, Писатель и жизнь); Те, кто живут плохо, более жадны на новое и более отзывчивы к новому, чем те, кто живут хорошо (там же).**

Реже форма множественного числа встречается, когда господствующим словом является выделительный оборот с предлогом **из**: «**кто-то из...**», «**кое-кто из...**»: **А кое-кто из молоденьких работниц, возвращаясь со смены, не прочь были даже пококетничать с чужеземными парнями... (Б. Полевой, Глубокий тыл); Кое-кто из публики встали со стульев и ушли, другие только пересели с одних мест на другие... (Достоевский, Идиот).**

Однако в этих двух случаях решительно преобладает употребление обычных форм единственного числа – форм условно-грамматического согласования.

Более или менее последовательно во множественном числе употребляется только существительное в именном сказуемом. Ср.: **...Казалось, что здесь, на очередной «Среде», присутствуют те, кто были спутниками жизни Телешова (Лидин, Люди и встречи); В этот момент все те,**

кто считают себя защитниками мира и содружества между народами, не могут молчать... (Павленко, Писатель и жизнь).

Обычные приемы грамматического согласования невозможны в случаях, когда господствующий компонент включает в себя два или больше слов: количественно-именное сочетание (**два стола; 50 учащихся; много людей; большинство депутатов** и под.) или однородные члены (**брат и сестра; стол, тумбочка и кровать; стук и грохот**).

Возможности тех или иных приемов согласования и здесь определяются грамматической природой тех слов, которые составляют господствующий компонент. При количественно-именном сочетании эти возможности зависят от того, каким словом выражается количество. Если оно обозначено количественным числительным, не имеющим категорий рода и числа, то согласуемая форма может употребляться или в единственном числе (при родоизменяемости – среднего рода) – в порядке условно-грамматического согласования с числительным; или во множественном числе – в порядке смыслового согласования со всем сочетанием, выражающим реальную множественность предметов: **Построено пять новых зданий** или **Построены пять новых зданий**. При этом определение может употребляться только во множественном числе, грамматически согласуясь лишь с существительным (**пять новых зданий**) или семантически – со всем количественно-именным сочетанием (**эти пять зданий**).

Если в количественно-именное сочетание входит существительное (**большинство, часть, ряд, множество** и под.), то в сказуемом используется или собственно грамматическое согласование – только с ведущим существительным количественно-именного сочетания (**За проект проголосовало большинство депутатов; проголосовала только часть депутатов; проголосовал ряд депутатов** и т. д.), или смысловое согласование со всем количественно-именным сочетанием (**Большинство депутатов проголосовали за проект**). Определения относятся всегда лишь к одному из компонентов такого количественно-именного сочетания, а не ко всему сочетанию, и форма их устанавливается в порядке обычного грамматического согласования с одним из слов; ср.: **подавляющее большинство избранных депутатов; большая часть избранных депутатов** и т. д.

Аналогичны приемы согласования, которые используются при господствующих компонентах, представляющих собой ряд однородных членов – сочинительное словосочетание. Возможность собственно грамматического

согласования со всеми однородными членами, естественно, исключается: согласуемая форма способна воспроизводить грамматические категории только одного слова, а не ряда слов. Поэтому согласуемое слово или дублирует грамматические категории ближайшего слова, и тогда наблюдается собственно грамматическое согласование с одним из однородных членов, или употребляется во множественном числе – в порядке смыслового согласования со всеми однородными членами. Ср., например: **На свободном месте стола... стоял медный чайник и два стакана на блюдечках...** (Гиляровский, Москва и москвичи); **Вот лежанка, на которой стоят утюг, картонная кукла с разбитым носом, лоханка, ручной насос; вот окно, на котором в беспорядке валяются кусочек черного воска, моток шелку, откушенный зеленый огурец и конфетная коробочка...** (Л. Толстой, Отрочество).

Связь между грамматическими особенностями господствующих компонентов и возможными при них разновидностями согласования в числе обобщенно показывается нами в приводимой далее таблице.

Согласование в роде и числе особенно отчетливо выявляет специфические особенности согласования вообще, поскольку среди всех грамматических категорий, участвующих в согласовании, именно категории рода и числа могут быть связаны с особенностями конкретно-предметной семантики. Поэтому некоторые выводы об общих особенностях согласования уместно сделать после рассмотрения согласования именно в этих грамматических категориях.

Как установлено, возможность тех или иных приемов согласования в роде и числе всецело определяется грамматическими и семантическими свойствами господствующего компонента.

Объем работы не позволяет развернуто рассмотреть, чем обуславливается согласуемая форма рода и числа в тех случаях, когда особенности господствующего компонента позволяют использовать разные приемы согласования (чаще всего это наблюдается при согласовании с неоднословными господствующими компонентами). Совершенно ясно, однако, что выбор одного из грамматически возможных приемов чаще всего связан в таких случаях с условиями, выходящими за рамки особенностей сочетающихся слов. Как правило, этот выбор зависит от коммуникативной направленности и структуры всего предложения, в частности от порядка слов в предложении, от то-

го, насколько необходимы для целей сообщения различные элементы смысловой конкретизации, и т. д.¹

При всем видимом разнообразии тех факторов, которые могут влиять на согласуемые

Грамматические типы господствующих компонентов	Разновидности согласования, используемые при разных типах господствующих компонентов		
	Грамматическое согласование	Условно-грамматическое согласование	Смысловое согласование
<p>I. Слова с морфологическими показателями числа:</p> <p>1) склоняемые существительные и имеющие категорию числа местоимения: <i>я, ты, он, она, мы, вы, они, те, все, всякий, каждый, любой, тот, другой</i></p>	<p><i>деревянный стол, одни ножницы, советское студенчество, каждый знает, я знаю, мы знаем и т. д.</i></p>	—	—
<p>2) вежливое <i>вы</i></p>	<p><i>вы читали, вы больны</i></p>	—	<p><i>вы крепкий, вы наш</i></p>

¹ В этих выводах мы опираемся на материалы своих наблюдений, которые частично изложены в ранее опубликованных нами статьях: «Форма сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием». В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959; «Употребление сказуемого при разделительных отношениях между однородными подлежащими». «Филологические науки», 1959. № 2; «Согласование определений с однородными существительными». Сб. «Вопросы русского языкознания. К 80-летию проф. А. М. Лукьяненко». Саратов, 1961; «Оформление сказуемого при соединительных отношениях между однородными подлежащими». Сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». «Труды 2-й научной конференции кафедр русского языка педвузов Поволжья». Куйбышев, 1961.

Грамматические типы господствующих компонентов	Разновидности согласования, используемые при разных типах господствующих компонентов		
	Грамматическое согласование	Условно- грамматическое согласование	Смысловое согласование
<p>II. Слова без морфологических показателей числа:</p> <p>1) имеющие грамматическую категорию числа несклоняемые существительные</p> <p>2) слова, не имеющие грамматической категории числа:</p> <p>а) <i>что, что-то, десять</i> и т. д.</p> <p>б) <i>кто</i></p>	<p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p><i>что случилось, осталось десять, круглое десять</i></p> <p><i>кто стучит</i></p>	<p><i>широкое пальто – широкие пальто: советский «ЯК-1» – советские «ЯК-1»,</i></p> <p><i>... те, кто оставались...</i></p>
<p>III. Неоднословные господствующие компоненты:</p> <p>1) <i>пять столов</i></p> <p>2) <i>часть столов</i></p> <p>3) <i>стол и кровать</i></p>	<p>—</p> <p><i>часть столов была вынесена</i></p> <p><i>стоял стол и кровать</i></p>	<p><i>стояло пять столов</i></p> <p>—</p> <p>—</p>	<p><i>стояли пять столов</i></p> <p><i>часть столов были вынесены</i></p> <p><i>стояли стол и кровать</i></p>

формы числа и рода, все эти факторы имеют единую основу – приспособление к господствующему слову, отражение его грамматических свойств или предметной семантики¹. По этой линии управление резко отличается от согласования. Факторы, влияющие на выбор управляемой формы, гораздо более «разноплановы».

Флексии подчиненного слова постоянно являются дополнительным или единственным средством грамматической и семантической характеристики господствующего компонента с предметным значением. «В большинстве случаев, – пишет А. Н. Гвоздев, – согласование создает характерную для русского языка повторность и многократность в выражении одних и тех же категорий (Ценная книга была утеряна), что свойственно далеко не всем языкам»².

То, что обычно флексия согласуемого слова лишь повторяет ту грамматическую характеристику, которую дает господствующему слову его собственная флексия, получает специальное терминологическое выражение у ряда представителей структурной лингвистики. У А. Мартине флексии господствующего и согласуемого с ним слова оцениваются как единый грамматический показатель – «прерывное означающее»³; у З. С. Хэрриса – как «разрывные формы морфем»⁴.

Эта сторона интересна в том отношении, что она выявляет двоякую роль согласования – его значение и для синтаксиса, и для морфологии одно-

¹ С согласуемыми формами В. Г. Адмони связывает специфическое понятие «отраженных» грамматических значений, «являющихся реальным признаком только самого существительного». См.: В. Г. Адмони. Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. «НДВШ. Филологические науки», 1961. № 3. С. 12. Вообще же отнесенность грамматических значений согласуемых форм только к определяемому существительному констатируется многими лингвистами. См., например: А. W. Г г о т. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. В кн.: «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939. С. 123; Н. С. Поспелов. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи. В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955. С. 74; О. Есперсен. Философия грамматики. М.: УРСС, 2002, 1958. С. 241 и др. (Выше уже говорилось, что эту особенность главным признаком согласования считает М. А. Шапиро.)

² А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис, изд. 2. М., 1961. С. 30.

³ А. Мартине. Основы общей лингвистики. В кн.: «Новое в лингвистике», вып. 3. М., Изд-во иностр. лит., 1963. С. 455–456. Изд. 2. М.: УРСС, 2004.

⁴ З. С. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. В кн.: «Новое в лингвистике», вып. 2. М., Изд-во иностр. лит., 1962. С. 550.

временно. Согласование оказывается не только способом синтаксической организации, но и дополнительным средством морфологической характеристики господствующего слова.

В большинстве случаев согласования наблюдается формальное воспроизведение категорий господствующего слова – собственно грамматическое согласование. Условно-грамматические, ассоциативно-грамматические и смысловые приемы согласования выступают как приемы неосновные. При этом даже использование этих неосновных приемов почти всегда вызывается какими-либо формальными особенностями господствующего компонента и потому в конечном счете имеет тоже грамматическую обусловленность и достаточно регулярный характер.

В отличие от управления в конструкциях, организуемых с помощью согласования, обычно не наблюдается лексической связанности.

Согласование в лице

Далеко не все современные лингвисты считают, что выбор формы лица у глагола-сказуемого осуществляется на основе его согласования с подлежащим. Начиная с Д. Н. Овсяннико-Куликовского отношения между сказуемым и подлежащим вообще нередко оцениваются как отношения соответствия, координации¹, параллелизма², а не обычного согласования. Чаще всего эту оценку распространяют на случаи употребления глаголов в 1-м и во 2-м лице. Дело в том, что формы 1-го и 2-го лица могут использоваться без подлежащего, при этом ничего не теряя в обозначении субъекта действия, поскольку значения «я», «ты», «мы», «вы» выражены их собственными личными окончаниями. Ср.: **Я выезжаю завтра – Выезжаю завтра; Ты выезжаешь завтра? – Выезжаешь завтра? Выезжаем мы завтра – Выезжаем завтра; Вы**

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2. СПб., 1912. С. 31. Как явление «координации» соотношение в лице между подлежащим и сказуемым оценивается также в таких работах, как: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1945. С. 167, сноски 2; Е. В. Кротевич. О связях слов. Изд-во Львовск. ун-та. 1959. С. 29; «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954. С. 23; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., «Наука», 1966. С. 135.

² Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка, изд. 3. М., 1912. С. 28. Ср.: «Современный русский язык», ч. II. Изд-во МГУ. 1964. С. 269.

выезжаете завтра? – Выезжаете завтра? и т. д. Формы повелительного наклонения постоянно используются без подлежащего – личного местоимения: **Вставай! А теперь идите, пойдете**¹ и под.

Поэтому, действительно, есть основания подвергать сомнению то, что лицо глагола находится в грамматической зависимости от местоимения-подлежащего, тем более использование глагольных форм 1-го и 2-го лица без подлежащего – в односоставных, а не двусоставных предложениях – исторически представляет собой очень древнее явление. Многие исследователи отмечают, что при глаголах местоимения часто превращаются лишь в дополнительный формальный показатель лица глагола².

В то же время употребление местоимения в определенном лице нельзя рассматривать как следствие подчинения лицу глагола: местоимение постоянно употребляется как единственный показатель лица (**я пришел, мы учителя** и т. д.). Все это и позволяет утверждать, что соответствие в лице между сказуемым и подлежащим – результат того, что каждое из них самостоятельно выражает отношение субъекта действия к говорящему.

Однако даже среди тех исследователей, которые подробно рассматривают соотношение в лице подлежащего и сказуемого, не все приходят к категорическому отрицанию согласования. «...Характеристика отношений между личными окончаниями глагола и личными местоимениями-префиксами как «синтаксического параллелизма» была бы неверна. Внешние признаки согласования с местоимениями при изменяемости глагольной формы всегда присутствуют»³, – пишет В. В. Виноградов. Констатируя большое своеобразие рассматриваемых отношений, в рамках согласования оставляют их А. М. Пешковский и А. А. Шахматов⁴.

¹ См. об употреблении местоимений при личных формах глагола: **А. М. Пешковский**. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., Учпедгиз, 1956. С. 184–187. Изд. 8. М.: УРСС, 2001.

² См., например: **А. А. Потебня**. Из записок по русской грамматике, т. I-II., Учпедгиз, 1958. С. 100; **А. А. Шахматов**. Синтаксис русского языка. М.–Л., Учпедгиз, 1941. С. 163; **В. В. Виноградов**. Русский язык. М.–Л., Учпедгиз, 1947. С. 472 и др.

³ **В. В. Виноградов**. Русский язык. С. 473. Впрочем, во «Введении к академической «Грамматике русского языка» (т. II, ч. I. М., 1954. С. 23–24). В. В. Виноградов говорит об отличиях рассматриваемых явлений от согласования гораздо более категорично.

⁴ **А. М. Пешковский**. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., Учпедгиз, 1956. С. 187; **А. А. Шахматов**. Синтаксис русского языка. М.–Л., Учпедгиз, 1941. С. 177, 163–164. Изд. 2. М.: УРСС, 2001.

В пользу согласования (несомненно своеобразного!) свидетельствуют здесь не только «внешние признаки».

Прежде всего, формам лица, как и другим согласуемым формам, свойственна та «отраженная» семантика, которая является одной из самых ярких примет согласования. Лицо глагола характеризует не столько само действие, сколько производителя действия – деятеля, правда, – не собственно предметные его свойства, а его место в диалоге — отношение к говорящему¹.

В сущности, выражение категории лица не отличается от выражения других категорий. Например, подобно тому как флексия глагола в **перечитаю – перечитаешь – перечитаем** способна без подлежащего выражать участие субъекта действия в диалоге плюс единичность или множественность субъектов, так глагольные формы типа **перечитала – перечитал** и в неполных предложениях, без подлежащего, указывают на пол действующего лица и его единичность.

Поэтому своеобразие здесь не в том, что глагольная флексия оказывается способной передавать нечто относящееся к характеристике действующего лица, а в том, что личное местоимение-подлежащее 1-го и 2-го лица обозначает лицо, тоже не выражая никаких его признаков, кроме отношения к участию в диалоге, поэтому «основное значение этих слов (**я, ты, мы, вы**) совпадает с формальным значением глаголов в формах лица»².

Отрицая «согласуемость» личных форм глагола, указывают обычно, что употребление того или иного лица непосредственно определяется ситуацией речи, а не особенностями подлежащего: если действие совершается говорящим (пишущим), употребляется 1-е лицо; если его собеседником – 2-е лицо; 3-е лицо является выражением того, что субъектом действия не является ни говорящий, ни слушающий³.

Обращение к фактам опровергает этот взгляд.

«Даже в односоставных предложениях... – пишет Б. А. Лapidус, – между сказуемым и субъектом... как бы стоит словесный образ последнего»⁴ (разрядка наша. – Е. С). Свою мысль Б. А. Лapidус подтверждает примером **Прощайте, прекрасные Афины!** Сказуемое в этом односоставном

¹ См. об этом также: М. А. Шапиро. О типах подчинительной связи внутри словосочетания // РЯШ. 1950. № 2. С. 26–27.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. С. 186.

³ См., например: «Современный русский язык», ч. II. Изд-во МГУ, 1964. С. 269.

⁴ Б. А. Лapidус. Проблема согласования сказуемого с подлежащим в современном английском языке. АКД. М., 1959. С. 84.

предложении оформлено не просто исходя из реальной ситуации, а с учетом «словесного образа» «вы» (Афины); ср.: **Прощай, Милан** – «ты».

Это не единственный факт, свидетельствующий о том, что в выборе глагола играет роль не ситуации как таковая, а словесное обозначение субъекта, пусть иногда только его «словесный образ».

Особенно показательны в этом отношении случаи, когда говорящий и его собеседник, являющиеся субъектами действия, обозначаются не обычными **я** и **ты**, а какими-либо другими словами.

Ср., например, высказывания, в которых говорящий обозначает себя не местоимением **я**, а существительным: **Пишет вам ваш бывший ученик Николай Логинов. В этом году я кончаю педагогический институт...**; [по телефону]: **Здравствуйте! Это Алексей Иванович говорит; А твой покорный слуга по-прежнему пока сидит без дела.**

Если бы лицо глагола непосредственно отражало ситуацию речи и никак не было бы связано со способом выражения субъекта, во всех этих случаях следовало бы ожидать глагольной формы 1-го лица единственного числа: **пишу, говорю, сижу без дела** и т. д.

Безотносительно к вопросу о признании-непризнании согласования в лице ту же закономерность отмечает Н. Н. Дурново: «Форма 3-го лица глагола в сочетании с именительным падежом неличного существительного ставится даже в том случае, если речь идет о 1-м или 2-м лице речи. Таковы, например, выражения о себе автора: **автор полагает..., пишущий эти строки думает...,** или о 2-м лице: **слушатели, вероятно, воображают..., читатель знает...** (но: **вы, читатель, знаете**)»¹.

Приспособление лица глагола к словесному обозначению субъекта действия, а не непосредственно к ситуации речи наглядно обнаруживается и при других необычных способах обозначения говорящего и собеседника. Например: **Мы хотим сообщить о результатах наших личных наблюдений** (авторское **мы**; ср.: **Я хочу...**); **В голосе Розалии Борисовны никакого недовольства. «Так-так! Значит, Валя Ракитина... Как же мы чувствуем себя?»** (Поступальская, За окнами свет); ср.: **Как ты себя чувствуешь? Если Ваше благородие позволит..., но Если вы позволите; Ну хоть подними же, что уронил, а он еще стоит да любитесь! да любитесь!** (Гончаров, Обло-

¹ Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. II. Синтаксис, ч. I. М.–Л., ГИЗ, 1929. С. 29.

мов)¹ вместо ...**А ты еще стоишь да любишься!**; Наш брат бьется как рыба об лед² вместо **Мы бьемся** и т. д.

Зависимость от «словесного образа» субъекта обнаруживается даже в таких обычных односоставных конструкциях, как, например, **Петя, приходи завтра** и **Петя, приходите завтра**. Отношение субъекта действия к участию в диалоге здесь одно и то же, одна и та же реальная ситуация. Выбор той или другой формы глагола диктуется тем, какое слово используем мы при обращении к данному лицу – **ты** или **вы**. Ср. также: **Как чувствуешь себя, Валя?** **Как чувствуем себя, Валя?** (мы), **Как чувствуете себя, Валя?**

Следовательно, в пользу согласования личных глагольных форм свидетельствует и «отраженное» значение этих форм – характеристика с их помощью действующего лица или предмета, а не самого действия, и зависимость личной формы глагола от определенного словесного выражения субъекта.

Категория лица, т. е. обозначение лица или предмета по его отношению к говорящему, у слов с предметным значением имеет своеобразное выражение – не во флексиях, а в основе слов. Это иногда дает повод говорить об отсутствии категории лица не только у существительных, но даже у личных местоимений³, несмотря на то что в языкознании давно признана грамматичность самого «лексического» значения личных местоимений.

В действительности очень определенное место занимают в системе обозначения лица и существительные: в обычном употреблении существительные не обозначают участников диалога. Все существительные допускают регулярную трансформацию только в местоимения 3-го лица и (обычно!) не трансформируются в местоимения 1-го и 2-го лица⁴. Это, несомненно, является грамматическим подтверждением определенности их лич-

¹ Пример из статьи Д. Н. Шмелева: **Д. Н. Шмелев**. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1961. С. 47.

² Пример из статьи: **А. В. Бондарко**. К проблематике функционально-семантических категорий // ВЯ. 1967. № 2. С. 20.

³ Именно на этом основании отрицает согласование в лице А. Б. Шапиро: **А. Б. Шапиро**. Слово сочетание в русском языке. В сб. статей: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1959. С. 199.

⁴ Ср. у В. Г. Адмони: «...У существительного потенциально будет значение лица (точнее, третьего лица), которое обнаруживается лишь при соотнесении существительного (в качестве подлежащего) с предикативным глаголом, выступающим в форме 3-го лица, и при местоименных «ссылках» на него». – **В. Г. Адмони**. Партитурное строение речевой цепи... С. 12.

ного значения. В целом обычная система обозначения лиц по их отношению к говорящему имеет такой вид:

Значения	Способы выражения
1. Говорящий – 1-е л. ед. ч.	я
2. Говорящий + тот (те), кого он с собою объединяет, – 1-е л. мн. ч.	мы
3. Собеседник – 2-е л. ед. ч.	ты, вы
4. Собеседник или собеседники + тот (те), кого говорящий с ним объединяет, – 2-е л. мн. ч.	вы
5. Лицо, не участвующее в диалоге, и любой предмет – 3-е л. ед. ч.	он, она, оно; любое существительное в ед. ч.
6. Лица, не участвующие в диалоге, и любые предметы – 3-е л. мн. ч.	они; любое существительное во мн. ч.

В согласуемых глагольных формах получает выражение именно это основное грамматическое распределение. В тех случаях, когда в принятом обозначении лиц происходят какие-либо сдвиги, эти сдвиги не отражаются на форме сказуемого.

Поэтому есть основания утверждать, что при согласовании в лице получает преобладание собственно грамматический, формальный, принцип согласования¹.

Смысловое согласование в лице наблюдается лишь при однородных подлежащих, среди которых одним является **ты** или **я**. Сказуемое оформляется в таких случаях в соответствии с тем значением, которое в совокупности выражает группа однородных подлежащих. Например: **...Я и вы жить под одной крышей не можем** (Чехов, От нечего делать) – **я + вы = мы; Я и Надя ждем тебя в Петербурге...** (А. Н. Толстой, Мечтатель) – **я + она = мы; Ты и твоя бабка мучаете меня!** (А. П. Чехов, Невеста) – **ты + она = вы**. И т. д.

¹ Любопытны в этом отношении ошибки нерусских типа «Вы приедешь» – образец попытки смыслового согласования с вежливым **Вы**. Ш. Мусин. О некоторых причинах ошибок в согласовании сказуемого с подлежащим в русской речи студентов-киргизов, в сб.: «Материалы XII науч. конференции проф.-препод. состава Киргизск. ун-та». Фрунзе, 1964. С. 79.

Параллелизм форм рода, числа и падежа двух существительных в сочетаниях с приложениями и в предикативных сочетаниях

Если у существительного в сказуемом или приложении форма рода, числа, падежа совпадает с соответствующими категориями определяемого слова, традиционная грамматика рассматривает их связь как согласование. Ср., например: **Мой отец учитель; Моя мать учительница; Своего отца, сельского учителя, он не помнит.**

Между тем такое совпадение явно отличается от параллелизма грамматических форм существительного и прилагательного (последнее, по выражению А. А. Потебни, «есть часть речи наиболее согласуемая»).

Эти отличия давно привлекают внимание исследователей.

Прежде всего отмечают отличия внешние, главным образом – то, что совпадение в роде и числе у «согласуемых» существительных необязательно¹. Указывается и на случаи несовпадения в падеже у приложения с определяемым словом².

Постепенно раскрывается и внутренняя сущность несовпадений в роде и числе, их причина – самостоятельность грамматических категорий рода и числа существительного. Эта мысль сквозит уже у Н. И. Греча, который сравнивает свободу выбора числа и рода у приложений со свободой их выбора в группе однородных членов³. Совершенно определенно говорит о самостоятельности рода и числа у существительных И. И. Давыдов: «Сказуемое-существительное не согласуется с подлежащим в роде и числе, потому что оно имеет свой род и число, независимо от другого существительного»⁴. Несколько менее решительно (поскольку в принципе он допускает согласование существительного в роде⁵) проводит ту же мысль А. А. Потебня⁶.

¹ М. В. Ломоносов. Российская грамматика, § 472. Полное собрание сочинений, т. 7. М., Изд-во АН СССР, М.–Л., 1952; А. Х. Востоков. Русская грамматика, изд. 7. СПб., 1848. С. 185; Н. И. Греч. Практическая русская грамматика, изд. 2. СПб., 1834. С. 235–236 и др.

² См., например: Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. С. 235–236.

³ См., например: Н. И. Греч. Практическая русская грамматика, изд. 2. СПб., 1834. С. 235–236.

⁴ И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изд. 2-м отделением Академии наук. СПб., 1852. С. 293.

⁵ См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899. С. 86–87.

⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I–II. М., Учпедгиз, 1958. С. 105; то же о существительном в сказуемом – стр. 112.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский отмечает у приложения «неполное подчинение, переходящее в отношении параллелизма», у сказуемого – «согласование без оттенка подчинения», «зависимость чисто формальную»¹. В «Руководстве к изучению синтаксиса русского языка» он определяет приложение как «особый вид определения, отличающийся тем, что оно не столько подчиняется своему определяемому, сколько стоит параллельно ему...»². Следует отметить, что у самого Д. Н. Овсяннико-Куликовского в слова о параллелизме, по-видимому, не вкладывалось еще собственно терминологического значения, в каком это наименование используется вслед за ним позднейшими исследователями.

В дальнейшем ряд исследователей приходит к полному отрицанию способности существительного согласоваться с другим существительным, в том числе и в падеже.

Этот вывод делает А. М. Пешковский³. Рассматривая соотношение в роде в случаях типа он – учитель, А. М. Пешковский указывает; «Сходство рода для нас в этом случае будет не согласованием, а совпадением, диктуемым вещественными условиями фразы»⁴. Анализируя отношения между существительными при их падежном параллелизме⁵, он устанавливает обратимость этих отношений, которая основывается и на отнесенности таких существительных к одному и тому же предмету, и на том, что формы существительных оставляют не выраженным, какое из слов является подчиненным: показатели их взаимной связи присутствуют в обоих существительных, тогда как при обычном согласовании такой показатель содержит только одно (подчиненное) слово. Не совсем последовательным является заключение А. М. Пешковского о сочинительной связи приложения с определяемым словом: начиная свой анализ⁶, он оговаривает возможность их «неравенства», которое выясняется из «логических» и «словарных» отношений

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2. СПб., 1912. С. 9–10.

² Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка, изд. 3. М., 1912. С. 184. Ср. перекликающуюся с этой оценкой Л. Теньера: «Приложение (apposition) представляет connexion horizontale – горизонтальную связь существительного, т. е. не подчинено ему, а как бы его повторяет». – L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959, цитировано по книге: Э. Р. Атаян. Проблемы и методы структурального синтаксиса. Изд-во Ереванского ун-та, 1962. С. 55.

³ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. С. 191.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 54–55.

⁶ Там же. С. 54.

между ними. Такое «неравенство» уже исключает возможность сочинения, а следует учитывать, что в интонации и порядке слов оно может получить и грамматическое выражение.

Категорическое утверждение «сочинительных» отношений заслонило от последующих исследователей объективную ценность очень метких наблюдений А. М. Пешковского над грамматическим своеобразием падежного параллелизма, а в некоторых случаях отодвинуло на задний план и его основной вывод – о неспособности существительных к согласованию.

Исходя из ведущего положения о несамостоятельности значения грамматических категорий, присущих согласуемому слову, отрицает согласование существительного с другим предметным словом М. А. Шапиро: «...Существительное не может согласоваться с другим словом, так как все грамматические значения, данные в ней, относятся к нему самому»¹

У Е. В. Кротевица параллелизм форм приложения и определяемого слова не только противопоставляется согласованию как особый способ выражения синтаксических отношений, но получает и специальное терминологическое обозначение – корреляция².

Существенно уточняют вопрос о природе падежного оформления приложения работа Г. П. Цыганенко³ и небольшая статья М. Ханина⁴. «Приложение является другим, относительно самостоятельным, лексическим выражением определяемого. ...Приложение... может синтаксически легко заменить свое определяемое и функционировать вместо него...», – пишет М. Е. Ханин (стр. 11). Общий его вывод: «Совпадение приложения и определяемого в том или другом косвенном падеже обусловлено их одинаковой зависимостью от управляющего глагола, следовательно, их одинаковая падежная форма – это форма параллельного управления» (стр. 9). Ср. более раннее идентичное высказывание Г. П. Цыганенко: «...Относительная самостоя-

¹ М. А. Шапиро. О типах подчинительной связи... С. 25.

² См.: Б. В. Кротевиц. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. В сб.: «Вопросы русского языкознания», кн. 2. Изд-во Львовск. ун-та, 1955. С. 9; ср. аналогичную характеристику, правда, с несколько неудачным общим определением корреляции, в работе: Б. В. Кротевиц. О связях слов. Изд-во Львовск. ун-та, 1958. С. 15–16.

³ См.: Г. П. Цыганенко. Приложение в современном русском языке. АҚД. Харьков, 1954.

⁴ См.: М. Ханин. К вопросу о категории падежа имен существительных. «Русский язык в школе», 1958. № 6.

тельность приложения сказывается в том, что управление глагола распространяется параллельно на него и на определяемое слово...» (стр. 9).

Несмотря на то что вопрос о способности существительного согласоваться с другим словом имеет достаточно продолжительную историю плодотворного обсуждения, результаты, достигнутые в этой области, далеко не стали предметом общего достояния. В большинстве общих курсов, включая и академическую «Граматику русского языка»¹, и даже в ряде специальных исследований сохраняется традиционная интерпретация приложения как согласуемого члена предложения, без попыток какого-либо уточнения особого характера этого «согласования». Даже поэтому дальнейшее исследование явлений параллелизма не стало задачей неактуальной. Кроме того, хотя в теоретической оценке этих явлений в совокупности сделано многое, у большинства авторов наблюдения в рассматриваемой области имеют все-таки попутный характер, не составляя предмета самостоятельного исследования. В этих условиях специальный анализ явлений параллелизма необходим не только потому, что характеристика этих явлений еще не стала исчерпывающей, но и потому, что уже высказанные разными учеными положения нуждаются в «суммировании», систематизации, в более детальном подтверждении фактами.

Ниже явления параллелизма форм двух существительных будут подвергнуты рассмотрению по каждой отдельной грамматической категории – рода, числа и падежа.

Предварительно обратим внимание на то, в какой мере располагают к согласованию особенности словоизменения существительных. Согласуемое слово должно реагировать на изменения рода, числа и падежа господствующего слова. Между тем существительные обычно характеризуются неизменяемостью по родам; многие из них имеют формы только одного числа (*singularia tantum* и *pluralia tantum*), и относительно последовательно слова этой части речи изменяются лишь по падежам. Таким образом, по отношению к существительному нельзя говорить даже о возможности регулярного уподобления в роде и числе, в то время как для прилагательных – типичной «согласуемой» части речи – отражение грамматического рода и числа господствующего слова или непосредственно пола лица, реальной единичности или

¹ См.: т. II, ч. I, § 765.

множественности предметов является необходимым, поскольку самостоятельно рода и числа они не выражают.

Род существительных в именном сказуемом и приложении

Когда в именном сказуемом или приложении употребляются существительные неодушевленные, то их род выступает только как индивидуальный грамматический признак данного слова, никак не связанный с родом господствующего слова. Ср.: **Вода океана – очень сложный раствор, ... содержащий в числе других элементов такой важный металл, как магний** («Неделя», 1985, № 52); **Это и был залив Обезьян, на берегу которого расположился отель – цель нашей поездки** («Неделя», 1966, № 4).

Ставить вопрос о возможности согласования в роде правомерно только тогда, когда есть предпосылки для приспособления рода зависимого слова к роду господствующего. Эти предпосылки имеются, когда есть если не словоизменяемые (а), то хотя бы лексические (б) или словообразовательные (в) параллели слов мужского и женского рода, отражающие различия лиц (реже животных) по полу: а) **слепой – слепая, заведующий – заведующая**; б) **дядя – тетя, брат – сестра, отец – мать, петух – курица**; в) **учитель – учительница, продавец – продавщица, повар – повариха, вдовец – вдова, супруг – супруга** (близко к словоизменению) и т. д.

При употреблении таких существительных в приложении или сказуемом может наблюдаться соответствие между родом господствующего и зависимого слова – соответствие, которое можно принять за уподобление зависимого слова господствующему. Например: **На снимке: ...шлифовщик цеха точных роликов... П. Д. Баранов и сборщица цеха витых цилиндрических подшипников... З. В. Максимова** («Волжск, коммуна», 26/1 1966 г.); **Видавшая виды аистиха мать... шевелит крыльями и трещит клювом** (Песков, Шаги по росе); **Ночью в гнездо садится страус-самец** (Песков, Шаги по росе).

В действительности такое соответствие – результат отнесенности обоих слов к одному и тому же лицу или животному: оба существительных одинаково отражают в своем грамматическом роде естественный пол обозначаемого ими лица или животного. Причем каждое из них указывает на пол лексически самостоятельно, а не в порядке грамматического упо-

добления другому. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что, когда наряду с дифференцирующими наименованиями в языке имеются наименования, общие для обоих полов, очень часто одно из слов передает реальный пол, а другое не отражает его. Ср.: **Заместитель главного редактора М. Боброва сообщила: «Договор... расторгается...»** («Литер. газета», 12/3 1966 г.); **Жена исследователя... была самоотверженным его помощником...** («Неделя», 1965, № 52).

И при соответствии и при несоответствии в роде мы имеем дело не с грамматическим выбором родовой формы, а с выбором определенного слова. Соответственно такой выбор и имеет все особенности выбора лексического, а не грамматического.

Употребление рода у существительного в именном сказуемом или приложении всецело зависит от того, какое слово можно использовать при обозначении лица данного пола. Например, в случаях, когда общее наименование для лиц разного пола отсутствует, а имеются только наименования, дифференцирующие пол, в сказуемом и приложении обязательно употребляется грамматический род, соответствующий поду (**Дядя – вдовец; Тетя – вдова**). Когда, наряду с дифференцирующими наименованиями, используются и общие (обычно мужского рода), то по отношению к лицам женского пола могут употребляться слова обоих родов, а по отношению к лицам мужского пола – только мужского (**Дядя – преподаватель; Тетя – преподаватель; Тетя – преподавательница**). Если для обозначения лица женского пола может быть употреблено слово или женского, или мужского рода, выбор одного из них определяется тоже лексическими свойствами этих слов: их стилистической окраской (ср.: **продавец – продавщица, труженик – труженица, секретарь директора – секретарша..., кондуктор – кондукторша** и т. д.), различиями реального содержания (**Нина – отличница, но: Нина – отличник советской торговли; Тетя – работница, но: Тетя – хороший работник**) и т. д.

Представляют интерес случаи, когда соотносительные по роду личные одушевленные существительные сочетаются с неодушевленными существительными, – при метафорической характеристике – олицетворении. Ср.: **Коммунистическая партия Венесуэлы всегда была сторонницей мира между венесуэльцами...** («За рубежом». 1966, № 12); **Советский Союз – решительный сторонник укрепления единства стран социализма...** («Известия», 30/1 1966 г.); **Магнитогорский металлургиче-**

ский комбинат – один из самых аккуратных поставщиков («Известия», 22/1 1966 г.); **Потом идут нескончаемые рощи кокосовых пальм –...кормилицы здешнего населения** («Неделя», 1965, № 52); **«Год-труженик»** (заголовок передовой статьи, «Известия», 4/2 1966 г.) и т. д.

Наблюдающееся в таких случаях соответствие в роде – явление, на первый взгляд гораздо более близкое к согласованию, чем в случаях прямого употребления слов типа **труженик – труженица, сторонник – сторонница** и под. При связи с неодушевленным существительным их употребление зависит от грамматического рода этого существительного.

Однако по отношению к «метафорическому полу» действуют те же закономерности лексического выбора, которые наблюдаются при характеристике лиц. При господствующих словах мужского рода, олицетворяющих мужской пол, зависимые слова употребляются только в мужском роде. А при неодушевленных существительных женского рода, олицетворяющих женский пол, приложение и сказуемое могут стоять и в женском, и в мужском роде, как и при наименованиях лиц. Ср., например: **Она стала единственным законным представителем всего населения страны...** («Неделя», 1965, № 51); **...Фирма-заготовитель... должна так вести дело... чтобы... получить наибольшую прибыль** («Лит. газета», 1/12 1966г.) и т.д. Таким образом, и здесь нет грамматического уподобления роду господствующего слова.

Число существительных в именном сказуемом и приложении

Закономерное соответствие в числе, так же как и в роде, возможно только в определенном кругу существительных. Однако существительные, допускающие соответствие в числе, гораздо более многочисленны, нежели те, у которых может быть закономерное соответствие в роде. К тому же параллелизм форм числа в целом гораздо последовательнее, чем параллелизм форм рода. Соответствие в числе свойственно конкретным существительным, имеющим обе формы числа. Ср., например: **...Математик хозяин и математики гости музицировали..., играя квартеты Гайдна** («Лит. Россия», 1966, № 4); **...Официанты-итальянцы были одеты в матросскую форму...** («Неделя», 1965, № 52); **Вот он [металлический кот] коснулся усиком-контактом одного предмета, другого, мягко обошел их и, на мгновение остановившись, ...быстро покотился на лапах-роликах прямо к спрятанной в укромном уголке «пище»** («Неделя», 1965, № 51) и т. д.

Является ли такое соответствие в числе результатом формального уподобления господствующему слову? Наблюдения показывают, что формы числа, связанные у конкретных существительных с отражением реальной единичности или множественности предметов, сохраняют свою самостоятельную значимость и тогда, когда существительные выступают в грамматически зависимой роли именного сказуемого или приложения. Параллелизм форм объясняется тем, что и господствующее слово, и существительное в именном сказуемом или приложении обозначают, хотя и в разных аспектах, одни и те же явления реальной действительности, поэтому чаще всего они соотносены с одинаковым количеством предметов (см. все приводимые выше примеры). Очень показательно, что, когда ими обозначается разное количество предметов, в формах числа появляется несоответствие. Это наблюдается, например, в тех случаях, когда несколько предметов предстают в сообщении как составные части какого-либо единого целого: **Эти строящиеся корпус а – наша новая больница** (корпусов несколько, больница – одна); **Палатки на берегу – лагерь геологов**; **Эти низкие деревца, жалкий островок растительности, заботливо оберегаются местными жителями** и т. д.

Тем же закономерностям подчиняется употребление числа у отвлеченного существительного, если оно способно употребляться в обеих формах числа. Форма единственного числа при множественном числе господствующего слова является здесь выражением того, что предметы или явления, обозначаемые господствующим словом, в определенном отношении однородны и составляют одно целое. Напротив, форма множественного числа указывает на расчлененность или неоднородность явлений по отношению к той оценке, которая дается им в сказуемом или приложении. Например: **Его [Сарьяна] картины кажутся мне сновидениями, приснившимся счастливым днем, именно днем, а не ночью** (К. Кулиев, Так растет и дерево, «Лит. Россия», 21/1 1966 г.). **Кажутся сновидениями** – расчлененная оценка, относящаяся к каждой картине в отдельности (сколько картин, столько и соответствующих образов-впечатлений – «сновидений»). Ср, другой образ, даваемый автором в том же тексте: **Его картины кажутся мне... приснившимся счастливым днем...** На этот раз как **приснившийся счастливый день** характеризуются автором картины Сарьяна в целом – все его творчество. Несомненно чисто семантическая, а не грамматическая, основа таких разграничений. Интересен пример одновременного употребления обеих форм числа в сказуемом: **Глаукома — бо-**

лезнь или болезни? (заголовок статьи, «Наука и жизнь», 1965, № 1). Этот пример очень наглядно обнаруживает и грамматическую независимость сказуемого от формы числа в подлежащем, и самостоятельное выражение значений единичности-множественности, однородности-неоднородности именно формами сказуемого.

Естественно, что о согласовании говорить в этих условиях не приходится.

Падежный параллелизм в сочетаниях с приложением и предикативным существительным

В отличие от рода и даже числа по падежам существительные изменяются достаточно последовательно, так что эта внешняя предпосылка для согласования у них имеется.

Практически падежный параллелизм в сочетании приложения с определяемым словом, а без связки – и в сказуемом наблюдается гораздо чаще, чем отсутствие такого параллелизма. Не удивительно, что согласуемость приложения в падеже утверждается в грамматиках особенно последовательно.

В падежном параллелизме действительно есть сходство с согласованием. Во-первых, во внешних проявлениях: в сочетаниях с приложением изменение падежной формы одного слова сопровождается соответствующим изменением другого. Во-вторых, в функциях. Соответствие падежей, как и в типичных случаях согласования, указывает на связь двух слов и на то, что сочетающиеся слова выражают предмет и его признак.

Как и при согласовании, употребление той или другой падежной формы не меняет отношений между сочетающимися субстантивными словами. Ср., примеры, приводимые Ю. В. Солоницыным: **я, студент..., меня, студента..., мне, студенту...,** и т. д.¹

Однако и природа существительного как части речи в целом и, в частности, специфика категории падежа у всякого слова с предметным значением в то же время превращают закономерное соответствие двух падежей существительного в явление, серьезно отличающееся от типичных случаев согласования.

¹ Ю. В. Солоницын. Еще раз к вопросу об определении падежа. «Русский язык в школе». 1955, № 6 («Согласуемость» приложения автор сомнению не подвергает).

Обычное согласование, прежде всего, является ярким выразителем подчинения одного слова другому. Собственно согласуемые формы предельно четко указывают на направление подчинения. Заимствуя грамматические категории, в том числе и падеж, у слов с предметным значением, прилагательные, например, всегда находятся в зависимости от этих слов.

Совершенно иное положение наблюдается в случае закономерного соответствия падежей двух существительных. Такое соответствие указывает на связь этих существительных между собой. Но при однородности морфологической природы обоих слов направление подчинительной зависимости одного слова от другого не выражается. Из форм самих существительных остается совершенно не ясным, какое из них обозначает характеризуемый предмет, а какое — его признак, т. е. какое из них является определяемым словом, какое — приложением или сказуемым. Недаром эти вопросы решаются с учетом смысловых отношений между соответствующими понятиями (понятие частное — общее, предметное — оценочное и т. д.); с учетом порядка слов, фразового ударения, с учетом особенностей контекста, проясняющего коммуникативное задание предложения, но никак не на основе форм сочетающихся слов. Ср., например, разграничение подлежащего и сказуемого на основе порядка слов и места фразового ударения (подчеркнутого при инверсии), а в письменной речи — на основе контекстных условий в случаях типа **Кинемеханик — мой товарищ; Мой товарищ — кинемеханик; Кинемеханик мой товарищ; Мой товарищ кинемеханик**. Ср. также разграничение приложения и определяемого слова в примерах типа **Семь лет назад на месте нынешней столицы якутских алмазодобытчиков — города Мирного был палаточный городок...** («Неделя», 1965, № 52) — **Семь лет назад на месте Мирного — нынешней столицы якутских алмазодобытчиков — был палаточный городок.**

Употребление одного из слов в качестве определяемого, другого — в качестве определяющего зависит здесь от коммуникативного задания предложения и в отличие от сочетаний прилагательных с существительными не предопределяется грамматической природой и формами сочетающихся слов.

Принципиальная возможность «обратимости» отношений объясняется и однородностью форм, и, главное, тем, что оба слова, хотя и с разных

точек зрения, обозначают один и тот же предмет¹. Поэтому любое из них может стать как определяемым словом, так и определяющим – уточнителем по отношению к другому. Заметим, что употребление творительного предикативного (наблюдающееся обычно при «опосредованной» связи с подлежащим), а также использование непараллельной формы именительного падежа в приложении (из села **Марьевка**) формально дифференцируют эти отношения.

Не менее, а пожалуй, даже более существенна другая особенность, отличающая падежный параллелизм двух существительных от обычного согласования.

У собственно согласуемых форм прилагательных падежная форма устанавливается путем «автоматического» уподобления падежу существительного: уподобление определяется самим фактом непосредственной связи с существительным².

Выбор параллельной падежной формы существительного лишен какого бы то ни было «автоматизма». Ни самая связь одного существительного с другим, ни даже определительные отношения между ними отнюдь не обуславливают параллелизма падежных форм. Такой параллелизм возможен только в тех случаях, когда оба существительные являются разными обозначениями одного и того же предмета, т. е. при выражении отношений предметного тождества; ср.: **домработница Маша и домработница Маши, цветок резеда и цветок резеды, сын-математик и сын математика** и т. д.

Как и при управлении, выбор падежа существительного выражает здесь не только грамматическую связь с другим существительным, но и характер отношений между соответствующими предметами. В силу этого формы, параллельные падежу другого существительного, участвуют в системе семантических противопоставлений наравне с «управляемыми» падежами. Ср.:

в аппозитивных сочетаниях:

сестра Вера – сестра Веры – сестра с Верой
сестре Вере – сестре Веры – сестре с Верой
сестру Веру – сестру Веры – сестру с Верой

¹ Ср. аналогичное объяснение: А. С. Попов. Аспекты подлежащего и сказуемого в современном русском литературном языке. В кн.: «Сборник материалов 2-й научной конференции вузов Центрально-Черноземной зоны. Лингв. науки». Воронеж. 1967.

² Непосредственная связь отсутствует при употреблении связки. Ср.: **Ночь теплая и Ночь была тепла; Ночь была теплой.**

в предикативных сочетаниях:

**Эта девочка – учительница?! Эта девочка – учительницы?
Этот подарок – наш завод. Этот подарок – нашему заводу. Этот
подарок – от нашего завода.**

Участие в грамматически дифференцированном выражении отношений между предметами сближает роль падежного параллелизма двух существительных с функциями управляемых форм. Только в отличие от управления, при котором тот или иной тип смысловых отношений передается одной определенной падежной формой, не зависящей от формы господствующего слова, отношения предметного тождества передаются любой формой, параллельной падежной форме другого существительного. Иначе говоря, все «параллельные» падежи играют роль, аналогичную функции одного управляемого падежа, выражающего определенные отношения между предметами. С этой стороны представляется очень метким высказывание Е. Куриловича: «Можно было бы говорить о специальном «приложительном» падеже (*cas spécial de l'apposition*), окончание которого выступает в форме нескольких комбинаторных вариантов, зависящих от падежного окончания существительного»¹.

То, что в составе самого аппозитивного сочетания функции любого «параллельного» падежа аналогичны функциям одного определенного управляемого падежа, подтверждается следующими фактами. В некоторых случаях отношения предметного тождества и передаются, как при обычном управлении, одним определенным падежом, правда, в первую очередь не косвенным, а именительным; ср.: село Колпино, из села Колпино, к селу Колпино; на теплоходе «Александр Невский», за теплоходом «Александр Невский» и т. д. Иногда отношения предметного тождества выражаются и родительным определительным. Например: ...**гунны перешли Дон, разбили племена готов...** (БСЭ); ср. параллелизм при обособлении: **В IV веке в Причерноморье появляются новые племена – гунны или: Всею виной низменное чув-**

¹ Е. Курилович. Проблема классификации падежей. В ст.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 189. Цитированное положение выводится, однако, из традиционного представления о согласуемости приложения. Ср. там же: «Существительное в роли приложения ведет себя, по сути дела, как прилагательное: оно согласуется с определяемым существительным в падеже (однако *не* всегда в роде и числе)».

ство страха перед наказанием и Всему виной низменное чувство – страх перед наказанием.¹

Однако те же факты выявляют и глубокое грамматическое различие между «параллельными» падежами и одним определенным падежом, выражающим предметное тождество.

Эти различия касаются и «внутренних» отношений между компонентами самого аппозитивного сочетания, и «внешних» соотношений частей этого сочетания с другими членами предложения.

Различия «внутренних» отношений состоят в том, что «непараллельный» падеж, в том числе и именительный, ставит второе существительное в положение явно подчиненное². Падеж «параллельный» сохраняет равноправие обоих существительных, и без дополнительных средств, в частности без обособления, подчинение одного слова другому остается невыраженным.

Внешние отношения различаются тем, что «непараллельный» падеж изолирует соответствующее существительное от грамматических связей со всеми словами предложения, кроме непосредственной связи с господствующим существительным (...разбили → племена → готов)³. При ис-

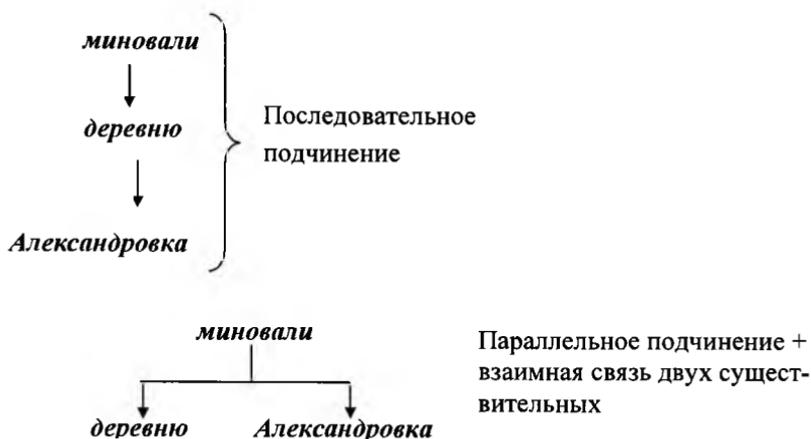
¹ «Родительный идентифицирующий» и его функциональные эквиваленты на материале древнеанглийского языка рассматриваются А. М. Мухиным А. М. Мухин. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.–Л., «Наука», 1964, гл. 1.

² Ср. аналогичное мнение Г. П. Цыганенко, который считает, что при использовании «несогласуемого» именительного падежа в приложении «усиливается начало подчинения» (указ. работа. С. 10).

³ Выражение подчинительных отношений с помощью присубстантивного именительного падежа приобрело в настоящее время продуктивность и захватывает значительный круг определительных сочетаний за пределами сочетаний аппозитивных. Ср.: дом два, на перегоне Кунцево – Одинцово, в партии Симагин – Зайцев, поездом Москва – Симферополь и т. д. См. о них: Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (Наблюдения над языком газеты), «Вопросы языкознания», 1964. № 2; Н. А. Янко-Триницкая. «Проблема номер один» (Числительное в роли несогласованного определения). В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., «Наука», 1964; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., «Просвещение», 1966; Н. А. Янко-Триницкая. Кратный именительный в функции определения. В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., «Наука», 1966; см. также написанные Н. А. Янко-Триницкой § 20–23 в разделе «Синтаксис» коллективной монографии «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис...». Такое употребление именительного падежа Н. Ю. Шведова называет «примыкающим соединением». Представляется, что в принципе этот способ не отличается от

пользовании падежного параллелизма формы существительных не только указывают на взаимную связь этих существительных между собой, но и на их смысловые отношения с другими членами предложения.

Так, например, параллельные падежные формы слова **деревня** и собственного имени **Александровка** выражают и связь этих слов между собой, и связь каждого из них с глаголом **миновали**; ср.:

Если внутри аппозитивных сочетаний любой параллельный падеж играет одну и ту же роль, устанавливая только отношения предметного тождества, то во «внешних» связях членов аппозитивного сочетания параллельные падежи выступают не как единый «аппозитивный», «приложительный» падеж, а каждый с тем или иным присущим ему собственным падежным значением. Даже в тех случаях, когда определяемое слово и приложение дифференцированы совершенно четко (при обособлении), приложение не просто повторяет падеж основного существительного, но сохраняет и его значение. Например, как и именительный падеж определяемого слова, именительный падеж приложения повторно указывает на субъект действия: **Подходит вахтенный, четвертый штурман Смирнов, ...** («Неделя», 1965, № 51); винительный падеж – на объект действия: ... **Наши сверстники**

управления: именительный падеж используется здесь только при выражении определенных смысловых отношений с обычными для управления лексическими ограничениями и семантически противопоставлен другим формам подобно всякому управляемому падежу, ср.: **поезда Москва – Адлер – поезда из Москвы и Адлера – поезда в Москву и Адлер.**

присоединили к Отечеству новую огромную освоенную территорию — целый энергопромышленный район (там же).

Такие отношения вполне естественны: если два существительных, обозначающих один и тот же предмет, стоят в одной и той же падежной форме, то значение, которое призвана передавать эта форма, выражается каждым из существительных. Этим и объясняется та «обратимость» отношений между определяемым словом и приложением, о которой не раз говорилось выше.

Те же свойства аппозитивных сочетаний обуславливают тенденцию к объединению двух или нескольких существительных в составное обозначение предмета — обозначение, в котором вообще нет оснований разграничивать определяемое и определяющее, а соответственно — два члена предложения. На наш взгляд, это относится не только к терминологизированным наименованиям типа **вагон-ресторан**, **плащ-палатка** и под., но и к некоторым «свободным» сочетаниям, обозначающим лиц и предметы. К таким единым составным наименованиям следует, в частности, как нам кажется, относить сочетания фамилий с препозитивными необособленными нарицательными наименованиями, обозначающими лиц по их должности или профессии. В этих сочетаниях дается полное официальное наименование лица. Ср.: **На снимке; ... наладчик станков цеха прутковых шариковых подшипников И. Г. Новосельцев, контролер ОТК шарикового цеха А. Ф. Глухова, секретарь партийной организации экспериментального цеха П. С. Моргунов, шлифовщик цеха точных роликов, секретарь партийной организации цеха П. Д. Баранов и ... партгруппорг З. В. Максимова** («Волжск, коммуна», 16/1 1966 г.) и т. д. Такое же единое обозначение предмета и единый член предложения составляют, очевидно, сочетания собственных и нарицательных географических наименований в тех случаях, когда между ними не устанавливаются обособлением отношения уточнения; например: **На острове, в самом центре села Никольского недавно поставили памятник** («Комс. правда», 30/1 1966 г.); **Валя родился по соседству, на острове Медном...** (там же); **...Идея сооружения на реке Зее регулирующей плотины переросла в проект первой дальневосточной гидроэлектростанции** («Правда», 13/1 1966 г.) и т. д.

В условиях смысловой цельности подобных сочетаний, грамматической однородности их компонентов очень трудно, не допуская натяжек и субъективизма, выделять в них господствующее и подчиненное слово. А без опре-

деленности этих отношений нельзя всерьез ставить вопрос о том, падеж какого из слов можно объяснить уподоблением падежу другого слова (ср. выше сочетания типа **партгруппорг 3. В. Максимова**), вернее предполагать, что падежное оформление каждое из слов, обозначающих один и тот же предмет (лицо), получает в зависимости от внешних связей всего сочетания с другими словами предложения.

Вопрос об уподоблении падежа одного существительного падежу другого можно обсуждать лишь в случаях, когда определяемое и определяющее разграничены вполне отчетливо, когда совершенно ясно, какое из существительных является господствующим, какое – зависимым. Например, при использовании обособленного приложения (**Мы миновали Александровку – первое село на нашем пути**) можно предполагать, что форма винительного падежа господствующего слова **Александровку** устанавливается как форма выражения пространственного объекта, а форма **село** – в результате уподобления господствующему существительному (**Александровку**).

Однако и здесь совершенно не исключено и другое предположение – что форма **село** избирается тоже как выразитель объекта, поскольку оба существительных (**Александровка** и **село**) обозначают один и тот же реальный предмет. При этом, так как в форме **село** значимыми оказываются и параллелизм с формой **Александровку** (он выражает отношения предметного тождества между ними), и употребление именно винительного падежа, сохраняющего значение объекта, отдать предпочтение тому или иному объяснению объективно трудно.

Некоторые факты свидетельствуют, однако, в пользу второго объяснения, т. е. в пользу того, что даже падеж такого приложения, которое в единый член предложения с определяемым словом явно не сливается и отчетливо подчинено этому слову, устанавливается все же не путем простого уподобления определяемому слову. В этом отношении показательными представляются нам отдельные факты обособленных приложений, относящихся к существительным – обстоятельствам места типа, например: **На Мостарском поле – в этой каменной пустыне, где человеку трудно бороться со стихией, в последние годы посажено около 600 гектаров виноградников...** («Известия», 17/2 1966 г.), или: **Побывал на Кавказе – в краю диких ущелий и цветущих долин.** При механическом уподоблении определяемому слову в приложении следовало бы ожидать формы с предлогом **на**, между тем используется форма с предлогом **в**, не соответствующая

определяемому слову, но выражающая то же значение местонахождения. Оказывается, что пространственные отношения «раздельно» передаются предложно-падежными формами в определяемом слове и в приложении – в порядке того «параллельного управления», о котором пишут Г. П. Цыганенко и М. Ханин. Значение места у предмета, обозначаемого обоими существительными, получает в приложении самостоятельное грамматическое выражение. Подобные факты заставляют предполагать, что так же «раздельно» выражаются в определяемом слове и приложении другие реальные функции предмета; его роль субъекта, прямого объекта, адресата действия лица, принимающего совместное участие в действии, и т. д.

При употреблении именительного падежа существительного в именном сказуемом можно говорить о соответствии, параллелизме падежей подлежащего и сказуемого, но, собственно, вообще невозможно ставить вопрос о том, является ли этот параллелизм результатом уподобления: подлежащее может стоять только в именительном падеже, и потому нельзя проследить, могло ли бы сказуемое «откликаться» на изменение падежа подлежащего. При наличии связки выбор именительного или творительного падежа в сказуемом определяется смысловыми и стилистическими условиями, которые явно не имеют никакого отношения к согласованию.

Таким образом, не только формы рода и числа, но и формы падежа у существительного в приложении и сказуемом обнаруживают самостоятельность значений, несовместимую с представлением о согласовании.

О ГРАММАТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО ДВУСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Все усиливающееся внимание к функционально-семантическому подходу при описании синтаксических явлений, несомненно, является очень плодотворным. Но в условиях развития этого направления вместе с тем вновь актуализируется старая проблема «отчленения» грамматических значений синтаксических конструкций и их компонентов от накладывающихся на эти максимально абстрактные языковые значения значений внеязыковых – всегда более конкретных и «многокомпонентных»¹.

В частности, в более точной интерпретации по-прежнему нуждается грамматическое значение подлежащего двусоставного предложения (несмотря на продолжительную историю разработки вопроса).

Не до конца ясно, на основе какого семантического инварианта формируется это значение. С этой стороны важно выяснить, в какой мере на роль такого инварианта могут претендовать: а) значение **темы** высказывания; б) значение **субъекта предизируемого признака**. Так же важно выяснить, существует ли вообще такой инвариант.

Целый комплекс вопросов нужно решить в связи тем, что в работах последнего времени для русского языка выявлена целая серия «косвенных» выразителей субъекта признака². См., например, о формах типа «**У меня с глазами плохо**», «**Мне плохо**», «**В лесу темно**», «**План разработан инженером**», «**План разработан в лаборатории**» и т. д. в работах Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой и других современных исследователей. Главным вопросом здесь представляется вопрос о том, есть ли в грамматическом значении подлежащего какая-либо специфика по сравнению с «косвенными» выразителями субъектного значения³. В последующем изложении и будут кратко затронуты все эти вопросы.

¹ При устранении всех остальных традиционных понятий, связанных с дифференциацией типов второстепенных членов предложения, представляется странным и само сохранение понятия «приложение».

² Ни соответствующие наблюдения, ни интерпретация этих компонентов как подлежащих не являются, впрочем, исключительным достоянием современной лингвистики. См. о разработке этой проблемы языковедами прошлого в указ. исследовании А. С. Попова. С. 10 и след.

³ Н. Ю. Шведова говорит о существовании таких различий, но в очень общей форме: «...значение субъекта, открываемое в подлежащем, отнюдь не совпадает с тем значением субъекта, которое есть в детерминантах: у подлежащего как компонента схемы это значение гораздо менее конкретно, более обобщенно». См.: Шведова Н. Ю. К спорам о детерминантах // Филологические науки. 1973. № 5. С. 69.

Вопрос о том, можно ли признать грамматическим значением подлежащего значение **темы**¹, очевидно, должен быть решен отрицательно. Даже если сознательно отвлечься от явлений, связанных с актуальным членением, то на роль выразителя «темы высказывания», то есть предмета, о котором сообщается в предложении, в той или иной мере может претендовать любое существительное или местоимение-существительное, независимо от его грамматической формы и употребления в качестве того или иного члена предложения². Ср.: **Книгу уже вернули** (сообщается о книге); **Книгу студент уже вернул** (сообщается о книге и студенте); **В комнате холодно** (о комнате); **С Лидой всегда приятно разговаривать** (о Лиде) и т. д. Именно поэтому традиционное определение подлежащего как члена предложения, обозначающего предмет, о котором говорится, на первых этапах овладения грамматическими знаниями (до усвоения – хотя бы стихийного – типичных формальных признаков главных членов) постоянно провоцирует растерянность при поисках в предложении подлежащего.

* * *

Признанию специфическим значением подлежащего субъектного значения препятствуют два момента: во-первых, значение **объекта действия** у подлежащего в страдательных конструкциях; во-вторых, выражение значения субъекта не только грамматическим подлежащим, но и некоторыми второстепенными членами предложения.

И все-таки именно это значение с известными комментариями и уточнениями следует признать инвариантным грамматическим значением подлежащего.

Прежде всего, значение **объекта действия** у подлежащего в страдательном обороте поглощается, как указывают многие исследователи³, более широким, более абстрактным, а главное – более коммуникативно важным для таких оборотов значением **субъекта признака, субъекта состояния**.

¹ Термин С. Д. Кацнельсона. См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 188 и сл.

² В силу специфики выражения актуального членения коммуникативно эту роль чаще всего играет субстантивное слово, стоящее в начале предложения.

³ См. указание на соответствующие работы в нашей книге «Согласование и управление в русском языке». (М., 1971. Сноска на с. 75. 76); см. также: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 194.

Главным из того, что необходимо добавить к наблюдениям исследователей в связи с этим, мы считаем раскрытие принципиальной способности как субъекта, так и прямого объекта принимать на себя в акте коммуникации роль носителя (субъекта) процессуального признака.

Очень наглядно эта способность проявляется в атрибутивных сочетаниях с причастиями. Независимо от того, является ли определяемый предмет субъектом или объектом действия, этот предмет воспринимается в них всегда как субъект (носитель) признака (как известно, действительные причастия обозначают при этом признак по действию, производителем которого является сам определяемый предмет; страдательные – признак по действию над определяемым предметом). Ср.:

Избирающие его лица	Избираемый представитель
Открывающая окно женщина	Открываемое окно
Прочитавший книгу студент	Прочитанная книга

Естественно, что эта способность осмыслять и обозначать в качестве носителя (субъекта) признака не только реальный субъект, но и объект действия, в равной мере распространяется и на предикативные сочетания. Ср.:

Они избирают его своим представителем	Он избирается представителем
Студент прочитал книгу	Книга прочитана студентом

и т. д.

Что является семантической предпосылкой этой способности? На наш взгляд, – то, что «переходное» действие настолько необходимо связано и со своим субъектом, и со своим объектом¹, что как носители соответствующего процессуального признака в акте коммуникации могут осмысляться и обозначаться оба предмета – и субъект, и объект действия.

Грамматическая (собственно языковая) предпосылка такой возможности – наличие у глагола залоговых форм. Благодаря им реальные различия в отношениях предмета к его процессуальному признаку оказываются переданными всегда.

¹ Необходимость этих двух «актантов» действия постоянно подчеркивается современными синтаксистами.

Наблюдения над разными возможностями «конверсного» обозначения одной и той же реальной ситуации¹ позволяют уточнить специфику субъектного значения подлежащего по сравнению с теми второстепенными членами предложения, которые или тоже стабильно выражают субъект признака²), или имеют имплицитный оттенок субъектной семантики³ и потому способны (в силу особенностей описываемой ситуации!) трансформироваться в грамматическое подлежащее.

Такие наблюдения показывают, что в качестве подлежащего всегда используется обозначение того предмета, который в акте коммуникации оценивается как непосредственный носитель (субъект) предиктируемого признака, т. е. признака, констатируемого в модально-временном плане и лежащего в основе «наименования ситуации». Ср., например, следующие разноструктурные обозначения одних и тех же реальных ситуаций, где семантику непосредственного носителя предикативного признака, несомненно, можно приписать только грамматическому подлежащему:

Пекарева хвалили и в обкоме... (Проскурин).

Пекарева хвалил и обком.

Пекарева хвалили и представители (работники) обкома.

В эти серые февральские дни в Москве было оживленно и весело (Проскурин). Москва в эти серые февральские дни была веселой и оживленной. Эти серые февральские дни в Москве были веселыми и оживленными.

...И командующий войсками прислал в редакцию благодарственное письмо (Проскурин).

От командующего прислали в редакцию благодарственное письмо.

От командующего (командующим) было прислано в редакцию благодарственное письмо.

¹ Включая обозначения ее действительными или страдательными конструкциями.

² См. о таких выразителях субъектного значения: Золотова Г. А. О структуре предложения в русском 1967. № 6. С. 100, 101; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 161 и др.; Шведова Н. Ю. Указ. работа. С. 69, 70 и след.

³ Имеем в виду «субъектно-обстоятельственные» («субъектно-локальные» и «субъектно-темпоральные») детерминанты, в терминологии Н. Ю. Шведовой (см. указ. статью, где детерминирующие» члены предложения рассматриваются Н. Ю. Шведовой более подробно и дифференцированно, чем в ее предшествующих статьях на эту тему).

От командующего редакция получила... письмо.

От командующего в редакции получили... письмо. И под.

Как показывают приведенные примеры, только употребление в позиции грамматического подлежащего двусоставного предложения обеспечивает существительному указанное выше значение непосредственного носителя преддицируемого признака.

Для предложений односоставных это грамматическое значение вообще чуждо: «Самое общее грамматическое значение, объединяющее все двусоставные схемы, – сообщение о носителе признака и признаке; общее значение, объединяющее односоставные схемы, сообщение о независимом признаке», – пишет С. И. Кокорина¹.

Разница между «прямым» и «косвенным» выражением субъекта преддицируемого признака отчетливо видна не только при сравнении разных предложений, обозначающих одну ситуацию, но и в семантической иерархии разных компонентов одного и того же (двусоставного) предложения. Ср., например, «субъектный детерминант» и грамматическое подлежащее в предложениях типа «У меня болят глаза». И детерминант у меня, и подлежащее глаза реально оба обозначают здесь носителей преддицируемого признака «болезни», но непосредственный, прямой его носитель – глаза, то есть предмет, названный грамматическим подлежащим (ср.: «Я болен (болею)»).

Для «косвенных» выразителей носителя признака субъектных и субъектно-обстоятельственных детерминантов, в терминологии Н. Ю. Шведовой, чужда «чисто» субъектная семантика. Имея каждый свое специфическое грамматическое значение, они объединяются тем, что все обозначают предмет лишь как «сферу», затрагиваемую преддицируемым признаком, а не как непосредственный носитель этого признака.

В определенных контекстах несомненна реальная близость этих значений. Так, выражение «сферы» того или иного качественного признака – это нередко тем самым и выражение носителя этого признака. Наоборот, грамматическое значение непосредственного носителя данного признака нередко указывает одновременно и на сферу его распространения. Этим объясняется встречающаяся легкость синтаксических трансформаций с использованием то «прямых», то «косвенных» выразителей субъекта. Ср. примеры, а также примеры типа:

¹ Кокорина С. И. Указ. работа. С. 10.

На улице пусто – Улица пуста (ср.: На улице все пусто).

Комнатка уютна и опрятна – В комнатке уютно и опрятно.

Он скучает – Ему скучно (ср.: Это ему скучно).

У нас с мамой плохо – У нас маме плохо – У нас мама плоха.

Несмотря на возможность таких трансформаций, даже **реальное** тождество отношений, выражаемых разными конструкциями, не является обязательным. Ср., например: На улице **шумно** (сейчас, в данный момент) – **Улица шумна** (вообще) или приведенные выше: У нас с мамой **плохо** – У нас маме **плохо** – У нас мама **плоха** (только последний пример однозначен: выражает именно непосредственный признак лица – притом признак физический; два других могут иметь иные значения: «маме беспокожно» и под.). Языковые коммуникативные акценты в подобных конструкциях тем более различны. «Прямое» обозначение субъекта грамматическим подлежащим всегда связано с характеристикой более конкретной, определенной, «замкнутой». Напротив, «косвенное» (часто имплицитное) его выражение означает характеристику более абстрактную, широкую, неопределенную по своей отнесенности¹.

В задачу настоящего раздела не входит уточнение своеобразия грамматического значения каждого из «косвенных» выразителей субъекта. Отметим лишь, что семантика субъектно-обстоятельственных детерминантов вполне укладывается обычно в рамки грамматической семантики соответствующих обстоятельств, в частности, например, обстоятельств места. Вполне соответствуя сформулированному выше широкому значению «сферы» распространения признака, они выражают это значение в обычном для них конкретно-пространственном смысле и сохраняют при этом все признаки обстоятельств места, в том числе – свойственные для этих обстоятельств парадигматические

¹ Помимо уточнения грамматической семантики подлежащего, рассматриваемые факты конверсных характеристик одной и той же ситуации теоретически интересны в том отношении, что они обнаруживают коммуникативную гибкость и на уровне «конструктивного», или «номинативного», состава предложения. То избирается ли определенное субстантивное слово на роль выразителя непосредственного носителя признака и если избирается, то какое именно, несомненно связано с условиями коммуникации.

Рассматриваемые факты интересно обнаруживают также и то, что даже самая «элементарная ситуация» не задает в силу диалектических особенностей связи между явлениями реальной действительности (когда, например, место распространения признака – это одновременно и носитель признака) совершенно жесткого и однозначного грамматического выражения. Кстати, лишь совершенно метафизически можно признать «базисным», скажем, только одно из предложений типа «**На улице пусто**» – «**Улица пуста**».

соотношения типа: **В доме / за домом / перед домом / около дома пусто.** И употребление подобных пространственных определителей в роли «субъектно-локальных детерминантов» следует рассматривать, на наш взгляд, лишь как одну из разновидностей синтаксического использования обстоятельств места. Субъектный оттенок является при этом компонентом реального, а не грамматического значения соответствующего члена предложения.

В плане существенных различий грамматического значения подлежащего в двусоставных предложениях и обстоятельств в безличных показательны значительные ограничения в возможностях замены соответствующих безличных конструкций двусоставными.

Во-первых, ситуативный признак, выражаемый в безличном предложении, далеко не всегда может быть непосредственно приписан тому предмету, в границах которого он проявляется. Ср., например, предложения: **В зале** было шумно (В. Шукшин); **В приемной райкома партии** былолюдно (В. Шукшин); **На полатях** запахло сосняком, холодной таинственной пещерой (В. Астафьев), в которых обстоятельство места не допускает трансформации в подлежащее двусоставной конструкции¹.

Во-вторых, признак, проявляющийся **вне границ** ориентира, названного в обстоятельстве места или времени, заведомо не может быть приписан предмету, выступающему в роли такого ориентира. Ср.: **Под ивами** было темно и сыро (К. Паустовский); **За садами** тихо; **Перед вечером** стало холодно и т. д.

Таким образом, близость денотативного содержания предложений с «прямыми» и «косвенными» выразителями субъекта – факт несомненно интересный и заслуживающий изучения. Но близость эта не должна приниматься за тождество грамматической семантики и назначения таких выразителей.

Тем более отсутствует тождество их собственных структурных особенностей и тождество их роли в структурной организации предложения. При

¹ Интересно наблюдение Я. К. Радевича-Винницкого, раскрывающего условия, которые ограничивают возможность трансформации обстоятельств места в подлежащее: «Нельзя согласиться... с утверждением, согласно которому словоформы со значением локальности способны замещать позицию актанта-подлежащего, о чем якобы свидетельствует трансформация типа: **В школе идет подготовка к празднику. Школа ведет подготовку к празднику.** Так трансформируются только те фразы, в которых модель локальности заполнена существительным (скажем, «школа» – это и заведение (помещение), и люди, находящиеся в нем). Фразы с метонимическими существительными таких преобразований не допускают: **В поле идет подготовка к севу. Поле ведет подготовку к севу.** См в Радевич-Винницкий Я. К. Модели категории локальности: АКД. Черновцы, 1974. С. 11.

наблюдающемся в современной лингвистике внимании к проблеме необходимых компонентов структурной основы предложения часто односторонне подчеркивается лишь сходство косвенных выразителей субъекта с подлежащим (именно по этой линии!). Их различия в структурной организации предложения отодвигаются на задний план. Между тем резкое своеобразие структурной роли грамматического подлежащего общеизвестно и самоочевидно. Функция «центрального» компонента в грамматической организации предложения в отличие от подчеркиваемой Н. Ю. Шведовой и другими исследователями «периферийности» косвенных выразителей субъекта, проявляется в синтаксической **активности** подлежащего, жестко предписывающего законы предикативного развертывания предложения. Несомненно, главная из специфических черт подлежащего в этом отношении – в задаваемой им необходимости согласования сказуемого, которая возникает каждый раз, когда в позиции сказуемого употребляются все типичные формы его морфологического выражения: личные глаголы (в том числе и связочные), прилагательные, причастия. Даже в потенции этой способностью не наделен ни один из косвенных выразителей субъекта. Это формальное своеобразие глубоко симптоматично и в семантическом отношении, так как согласование всегда указывает на отнесенность признака к его **непосредственному носителю**. Обладает подлежащее и другими особенностями задаваемой им синтаксической перспективы. В частности, в отличие от косвенных выразителей субъекта, только оно способно вступать в прямую связь с теми формами предиката, которые семантически предполагают опять-таки непосредственного носителя признака (ср.: Он студент (узбек, умница, атеист); Я прыг (хватать); Он (с юмором, доброго нрава, из крестьян и т. п.).

Таким образом, другим выразителям субъекта подлежащее как компонент предложения противопоставлено и по грамматическому значению, и по роли в структурной организации предложения.

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМНОСТИ В ВЫРАЖЕНИИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выделяемые на функционально-семантической основе разновидности второстепенных членов предложения – дополнения, определения, обстоятельства неизменно и с несомненной пользой изучаются в школьной практике, но уже давно вызывают скептическое отношение, а нередко и просто игнорируются в лингвистической науке. Так, в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) и «Русской грамматике» (М., 1980) под ред. Н. Ю. Шведовой они совсем не рассматриваются, хотя широко используются термины «объектные», «обстоятельственные», «атрибутивные отношения», – термины, явно опирающиеся на традиционную классификацию второстепенных членов.

Отказ от выделения разновидностей второстепенных членов предложения и просто скептическое отношение к их традиционной классификации вызываются целым рядом разнородных причин.

Отчасти скептицизм в этой области обусловлен объективными особенностями самих языковых фактов. Второстепенные члены предложения очень многообразны и в семантическом, и в грамматическом отношении; кроме того, многие из них характеризуются смысловой многомерностью, многоплановостью. Это делает затруднительным до конца четкое разграничение их разновидностей. В еще большей мере скептицизм определяется неполнотой и неточностью лингвистической характеристики второстепенных членов предложения в описательных грамматиках. Помехой для фундаментального описания второстепенных членов предложения является нерешенность вопроса о том, как избежать в структуре описательных грамматик дублирования при двукратном рассмотрении семантических разновидностей второстепенных членов в разделах, посвященных а) характеристике непредикативных словосочетаний и б) характеристике второстепенных членов предложения.

Но главной причиной отказа даже от самого понятия второстепенного члена (понятия, обязательно предполагаемого, кстати, при использовании понятия «главный член»¹) является концепция, намеченная В. В. Виноградовым

¹ О «девальвации» понятия «главные члены» при отказе от понятия второстепенных членов пишут многие исследователи. См., например: Бондарко А. В., Кодухов В. И. О новой модели описания грамматического строя русского языка // ВЯ. 1971. № 6. С. 44; Фуряшов В. И. Проблема второстепенных членов и синтаксическая парадигматика // ВЯ. 1974. № 3. С. 127; Распопов И. П. Словосочетание и предложение (полемические заметки) // Вопросы русского языкознания: Синтаксис и стилистика. Куйбышев, 1976. С. 137 и др.

и закрепленная в грамматиках под редакцией Н. Ю. Шведовой – концепция, согласно которой непредикативное словосочетание трактуется как самостоятельная единица, существующая якобы до предложения.

Объективно скептицизм по отношению к классификации второстепенных членов представляется очень преувеличенным.

Традиционная классификация второстепенных членов предложения часто оценивается как классификация, лишенная достаточно твердых грамматических оснований, – как классификация чисто семантическая («логическая»).

Поводом для утверждения «аграмматизма» этой классификации объективно является универсальное синтаксическое использование косвенных падежей существительных, использование их (как с предлогом, так и без предлога) при выражении любого второстепенного члена, выделяемого по семантическим признакам.

Такая универсальность создает представление о том, что обстоятельство и определение, выраженные существительными, лишены какой-либо грамматической специфики по сравнению с дополнениями.

В действительности такое представление является результатом оценки слишком общей, недифференцированной.

Прежде всего в роли каждого члена предложения выступают не косвенные падежи «вообще», а определенные падежные и предложно-падежные средства. Их общий набор у разных членов предложения никогда не оказывается одинаковым.

Наличие грамматической специфики в общей совокупности средств выражения каждого второстепенного члена, включая так называемые «морфологизованные» средства, не раз отмечалось лингвистами¹.

Но дело не только в этом. Формальные средства, используемые для выражения разных членов предложения, частично совпадают. Но в составе всех средств выражения разных членов предложения совпадающие формы занимают далеко не одинаковое место.

Прежде всего, одно и то же средство обычно является употребительным, типичным, продуктивным в рамках выражения одного второстепенного

¹ См., например: Собинникова В. И. Содержание и форма в языке как общественном явлении // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1964. С. 275; Никитин В. М. Грамматические свойства словесных единиц и форм в их отличии от грамматических признаков // Уч. зап. Рязанского пед. ин-та. Т. 56. М., 1967. С. 13.

члена и нехарактерным, непродуктивным, лексически ограниченным в составе средств выражения другого второстепенного члена.

Например, беспредложные формы винительного и дательного падежей, форма **о + предл. пад.** и синонимичные ей формы типичны для дополнений и, напротив, «периферийны» в качестве способа выражения других членов предложения. Наоборот, большая часть предложно-падежных средств типична для выражения обстоятельств и «периферийна», малопродуктивна, «вторична» в сфере грамматического выражения дополнений¹. Родительный беспредложный является характерным средством выражения определений и т. д.

Но едва ли не самое главное заключается в том, что средства выражения каждого второстепенного члена предложения находятся между собою в совершенно специфических системных (парадигматических) связях.

При этом одинаковые у разных второстепенных членов формы выражения обычно резко различаются между собой как раз характером системных связей. Например, совершенно различны такие связи у формы **в + предл. пад.**, когда она употребляется в роли обстоятельства места, времени, образа действия, дополнения (типа **в папке, в полете, в раздражении, сомневался в правоте** и под.).

Так, в составе обстоятельств места форма типа **в папке** (лежит **в папке**) употребляется на основании выбора из числа форм, входящих в две модифицирующие парадигмы².

С одной стороны, она противопоставлена по выражению соотношения с пространственным ориентиром предложно-падежным формам местонахождения, типа **на папке, под папкой, около папки, за папкой** и под.; с другой

¹ С различием «первичных» и «вторичных» синтаксических функций падежей связывает свою известную классификацию падежей Е. Курилович.

² Под синтаксической парадигмой мы понимаем здесь комплекс функционально однородных средств, системно связанных между собой на основе регулярных противопоставлений по определенным дифференциальным семантическим признакам («модифицирующая парадигма») или на основе синонимических отношений («синонимическая парадигма»). Более подробно и конкретно о характере синтаксических парадигм, объединяющих предложно-падежные и падежные средства русского языка см. ниже в разделе «Синтаксическая парадигматика и синонимия предложно-падежных и падежных конструкций».

Отметим, что в указанной выше статье В. И. Фурашова «Второстепенные члены предложения и синтаксическая парадигматика» вопрос о парадигматической системности падежных и предложно-падежных средств в выражении второстепенных членов не затрагивается.

– формам выражения направления, ср.: **в папке – в папку – из папки**. Синонимически она связана с формой **внутри папки**.

В составе обстоятельств времени форма **в + предл. пад.** избирается из средств совершенно другой модифицирующей парадигмы, типа **в полете – до полета (перед полетом) – после полета**¹. Синонимические связи этой формы во временном употреблении тоже совершенно не совпадают с ее связями в системе выражения локальных значений. Ср.: **в полете/во время полета при полете/в процессе полета**.

В составе обстоятельств образа действия форма **в + предл. пад.** синонимически связана с предложно-падежной формой **с + твор. пад.:** **писал в раздражении / с раздражением**. В качестве вариативного противочлена обе эти формы антонимически противопоставлены форме **с предлогом без:** **в раздражении / с раздражением без раздражения**.

При выражении дополнений форма **в + предл. пад.** находится вне каких-либо широких и последовательно проведенных парадигматических отношений. В этой сфере она мало употребительна, непродуктивна, характеризуется лексически связанным нормативно-фразеологическим использованием, и ее семантическая роль становится ясной лишь в синтагматических связях с определенным главным словом словосочетания. Ср. например: **сомневался в успехе, отказал в просьбе** и т. д.

Подобные различия системных связей наблюдаются и у других форм, употребляемых при выражении разных членов предложения. Например, в составе обстоятельств места формы **с предлогами из, с, от, из-за** семантически отчетливо противопоставлены друг другу² и входят в модифицирующую парадигму, компоненты которой выражают разное соотношение с пространственным ориентиром:

из шкафа
со шкафа
от шкафа
из-за шкафа

¹ Подробнее об этой системе трехчленных противопоставлений см. в нашей книге «Согласование и управление в русском языке». (М., 1971. С. 106–116).

² К числу «нейтрализуемых» противопоставлений здесь относится противопоставление форм **с предлогами из и с**.

В составе обстоятельств причины те же формы связаны отношениями синонимическими. Ср.:

из стеснительности
из-за стеснительности
с досады
от досады
из-за досады

В составе обстоятельств причины для указанных форм совершенно не свойственны трехчленные парадигматические противопоставления локального характера, типа:

из шкафа – в шкаф – в шкафу
со шкафа – на шкаф – на шкафу
от шкафа – к шкафу – у, около... шкафа
из-за шкафа – за шкаф – за шкафом

Более того, при выражении причины иногда возможно даже синонимическое употребление некоторых из этих средств. Ср., например: «**Из смущения/в смущении** ничего не сказал»; «**Из-за спора/за спором** не заметили» и т. д.

Употребляясь в роли обстоятельств причины, все формы с предложениями **из, со, от, из-за** синонимически связаны с предложно-падежными формами, содержащими отыменные предлоги **вследствие, по причине** и под., что совершенно не свойственно обстоятельствам места. И т. д.

Даже из приведенных примеров, перечень которых можно было бы продолжить, очевидно, что в позиции каждого второстепенного члена предложения употребляется своя система предложно-падежных и падежных средств и отдельные совпадающие формы обычно резко различаются между собой своими специфическими системными связями.

Употребление для выражения каждого из второстепенных членов специализированного системно упорядоченного набора падежных и предложно-падежных форм с очевидностью свидетельствует о том, что использование существительных в роли обстоятельств и определений не представляет собой случайной аномалии, явления своеобразно «аграмматичного», нарушающего строгость использования «морфологизованных» форм выражения второстепенных членов. Представление о падежных и предложно-падежных средствах как средствах неспецифических, универсальных может опираться только на

изолированное рассмотрение отдельных совпадающих форм, рассмотрение в отрыве от их живых парадигматических связей. И в мнении о том, что (в случаях употребления косвенного падежа существительного) дополнение, обстоятельство и определение разграничиваются на чисто семантической основе, без опоры на различия грамматические, получила отражение упрощенная оценка соответствующих фактов. В настоящее время, когда в ряде работ вскрыто своеобразие тех системных отношений, которые связывают грамматические средства выражения многих отдельных второстепенных членов¹, в такой оценке проявляется отставание теоретических обобщений от достижений современных конкретных исследований. Свообразие системных отношений прослеживается, кроме того, не только в составе самих падежных и предложно-падежных форм, но и в их связях с другими способами выражения. И ранее лингвистами (в том числе и в школьной практике) не раз отмечалось, например, что предложно-падежные формы в роли обстоятельств системно связаны с наречиями, а в определительном употреблении – с прилагательными. Эта связь проявляется многообразно:

1) в синонимических отношениях, типа:

смотрел с сочувствием / сочувственно;

платье из бархата / бархатное;

2) в употреблении падежных и предложных форм в ряду однородных членов вместе с наречиями и прилагательными:

смотрел ласково и с сочувствием;

платья шелковые и из бархата;

3) в употреблении вместе с наречиями и прилагательными в уточняющих конструкциях:

смотрел ласково – с видимым сочувствием;

красивое, из бархата, платье;

¹ См., например: Владимирский Е. Ю. Система предложно-падежных конструкций с пространственным значением в современном русском литературном языке / АКД. М., 1972; Пете Иштван. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Сегед, 1973; Он же. К сопоставительному изучению обстоятельств времени // ФН. 1965. № 4; Скобликова Е. С. Система падежных и предложно-падежных форм, выражающих момент времени/Русская филология. Куйбышев, 1969 (см. также соответствующий раздел в нашей книге «Согласование и управление в русском языке». М., 1971); Засорина Л. Н. Опыт системного анализа предлогов современного русского языка: предлоги со значением причины // Проблемы языкознания. Л., 1961; Бабов К. Руските предлози. София, 1968, и др.

4) наконец, в широкой возможности замещать позицию обстоятельства и наречиями, и предложно-падежными или падежными формами; позицию определения – прилагательными и падежными или предложно-падежными формами. Ср. потенциально возможные при указанных главных словах обстоятельства и определения:

смотрел (без укора, неприветливо, гневно, с тоской и т. д.); ехал (полем, прямо, через лес и под.): платье – (сестры, нарядное, с пуговицами, из бархата, светлое, для театра, без украшений и т. д.)¹.

При употреблении косвенного падежа существительного в позиции дополнения любые связи его с наречием или прилагательным совершенно исключаются.

Таким образом, в средствах выражения каждой функционально-семантической разновидности второстепенных членов факты обнаруживают очевидную грамматическую специализацию. Эта специализация выявляется: 1) в специфической совокупности всех средств, употребляемых для выражения каждого второстепенного члена, в том числе в своеобразном наборе падежных и предложно-падежных форм существительных; 2) в своеобразии системных отношений между этими средствами.

И рассмотренные грамматические различия, и различия, оставшиеся за пределами нашего анализа², заставляют пересмотреть теоретическую оценку основ традиционной классификации второстепенных членов как основ чисто семантических, а не грамматических.

Объективно традиционная классификация отражает не только функциональные, но и грамматические различия второстепенных членов и, следовательно, является классификацией **семантико-грамматической** (или «функционально-грамматической»).

Выявление системных отношений между разными способами выражения каждого из второстепенных членов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Обогащая и уточняя характеристику отдельных второстепенных членов, оно способствует более адекватному рассмотрению синтаксического строя русского языка в описательных грамматиках и пособиях

¹ Почти все эти проявления отмечаются в статье Р. И. Аванесова «Второстепенные члены предложения как грамматические категории» (РЯШ. 1936. № 4).

² Мы не касались здесь различий такого типа, какие наблюдаются, например, между присубстантивными дополнениями и несогласованными определениями в родительном падеже – различий, обнаруживающихся в неодинаковых трансформационных связях. Не касались и специфики синтагматического употребления разных членов предложения.

по стилистике при обучении русскому языку нерусских, в практике синтаксического разбора в русских школах.

Обнаружение этих системных отношений показывает, что функционально-грамматическая характеристика второстепенных членов предложения в описательных грамматиках не только возможна, но и необходима. Проведенные наблюдения свидетельствуют, что функциональная (семантическая) группировка второстепенных членов не противоречит требованию изучать в синтаксисе факты собственно языковые, получающие эксплицитное выражение в грамматических средствах, что семантика выделяемых на этой основе разновидностей второстепенных членов является семантикой грамматической.

Дальнейшее изучение и описание не только парадигматических, но и синтагматических отношений, характеризующих каждый второстепенный член, может стать объективной основой для характеристики явлений «переходности» в сфере второстепенных членов.

Одна из открывающихся здесь возможностей – отграничение случаев действительного совмещения функций разных второстепенных членов от совмещения мнимого.

Например, по отношению к формам типа **в коробке, на диване** (Ср.: «Пуговицы лежат **в коробке**», «Я сидел **на диване**»), наряду с вопросом «где», вполне возможны и «вопросы косвенных падежей» **в чем, на чем**. Но совершенно неправомерно на основании этих вопросов усматривать в формах **в коробке, на диване** и под. признак совмещения обстоятельственного значения с объектным значением – значением дополнения.

Учитывая характерные системные противопоставления этих форм, совершенно чуждые дополнениям, можно с уверенностью сказать, что **в коробке, на диване** – обстоятельства места. Ср.: **на коробке, под коробкой, за коробкой, около коробки; на диване, перед диваном, около дивана** и т. д.

Сами вопросы **в чем – на чем** тоже типично обстоятельственные, только, как это свойственно всем формам с предметным значением¹ – более конкретные по сравнению с вопросом где. Так же, как и соответствующие формы существительных, эти местоименные вопросы составляют обычную парадигму форм выражения пространственных отношений. Ср.: **в чем – во что – из чего; на чем – на что – с чего; в чем – на чем – под чем – около чего** и т. д.

¹ Характеристику функций этих форм см. в нашей книге «Согласование и управление в русском языке» (М., 1971. § 19).

Более ясными на фоне рассмотренных системных особенностей становятся и случаи действительного совмещения функций разных второстепенных членов предложения, например – совмещение обстоятельственных и определительных функций. Так, естественно, что типичные формы выражения пространственных отношений (сохраняющие все свои обычные парадигматические связи!) могут явиться средством характеристики признака предмета (конечно, признака тоже пространственного «опознавательного-выделительного»). Ср.: **домик в лесу / около леса / за лесом; дорога на Брянск / из Брянска** и подобные случаи так называемых «обстоятельственных определений».

Можно было бы принять эти случаи за одну из чисто синтагматических возможностей использования форм обстоятельственной пространственной парадигмы. Эти формы – формы свободного синтаксического употребления – могут быть подчинены и глаголу, и прилагательному, и существительному; могут употребляться и в качестве «детерминантов» – второстепенных членов, характеризующих все предложение в целом. Однако при существительном формы пространственной парадигмы дополнительно характеризуются потенциальной возможностью вступать и в такие парадигматические (синонимические) связи, которые характерны только для определений. Ср. **домик в лесу / лесной; дорога на Брянск / брянская** и т. д. Поэтому в совокупности парадигма форм «обстоятельственного определения» оказывается несколько видоизмененной по сравнению с обычными обстоятельствами места, так как в качестве вариативного компонента одной (или даже не одной) предложно-падежной формы в парадигме «обстоятельственного определения» может выступать прилагательное. Ср.:

домик в лесу / лесной, за лесом, около леса...
и находился в лесу — за лесом, около леса...

Совмещение в «обстоятельственном определении» семантических и грамматических признаков двух различных членов предложения объективно подтверждается, таким образом, особенностями парадигмы форм его выражения.

Таким образом, даже фрагментарное рассмотрение обнаруживает, как нам кажется, большие возможности, которые открываются перед теорией синтаксиса и описательной грамматикой при выявлении системных особенностей в грамматическом выражении разных второстепенных членов.

Раскрытие грамматической системности в выражении второстепенных членов предложения подтверждает плодотворность теории членов предложения, как теории, исходящей из категориально-грамматического характера этих языковых единиц. Представляется отнюдь не случайным, как пишет В. И. Фурашов, что «классическая схема членения предложения не раз ставилась под сомнение в процессе развития синтаксической науки, однако отказ от сложившихся в науке представлений о главных и второстепенных членах обычно не приводил к созданию такой синтаксической концепции, которая возместила бы ущерб, наносимый синтаксису в результате устранения понятий и терминов, традиционно называемых членами предложения»¹.

¹ Фурашов В. И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984. С. 3.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА И СИНОНИМИЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ И ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Одним из существенных и очень распространенных недостатков, наблюдающихся в изучении синонимических средств языка, является изолированное рассмотрение этих средств – в отрыве от их более широких системных семантических связей. Недостаток этот определяется тем, что парадигматические отношения между синтаксическими средствами языка еще не стали предметом развернутого изучения.

Выявлению парадигматических отношений на уровне отдельных компонентов предложения долгое время не способствовала методика конкретных исследований; не способствует их прояснению структура современных описательных грамматик.

Так, несмотря на значительное число специальных работ и фундаментальное описание падежных и предложно-падежных конструкций, в Академической «Грамматике русского языка» (1954–1960), систематизация этих конструкций в большинстве случаев осуществляется лишь в одном аспекте – не на семантической, а на формальной основе, в первую очередь – в соответствии с употреблением определенного падежа. В Академической грамматике в одном разделе рассматриваются, например, все глагольные конструкции с формами **в + вин. пад.** типа: **ездила в Париж, пришла в негодование, план выполнен в 11 месяцев, расхотелся в полночь, поверить в сознательность, превратила в школьника** и т. д. (см. § 89–95). Функционально связанные и грамматически противопоставленные друг другу формы типа, скажем, **в лес – в лесу, в лес – к лесу, в лес – из леса** и под. рассматриваются при такой методике разобщенно: **в лес** – в составе семантически разнородных форм винительного падежа с предлогом **в** (см. выше); **в лесу** – среди столь же разнородных форм предложного падежа; **к лесу** – среди конструкций с дательным; **из леса** – среди конструкций с родительным падежом и т. д.¹

Еще большей разобщенностью в рассмотрении компонентов единичных семантико-грамматических систем характеризуются материалы «Грамматики современного русского литературного языка» (М.: Наука, 1970).

¹ О недостаточности такого одностороннего рассмотрения с точки зрения его бесплодности для выявления системных связей между функционально однородными средствами языка см.: Скобликова Е. С. Система падежных и предложно-падежных форм, выражающих момент времени // Русская филология. Куйбышев, 1969.

В «Русской грамматике» (Том II. М.: Наука, 1980) предпринимается попытка обращаться к парадигматически соотнесенным формам. Но при сохранении в основном того же общего принципа описания, который принят в Грамматике 1970 г. (синтагматического в своей основе), соответствующие характеристики здесь слишком бедны, фрагментарны, неконкретны, неточны, неполны, не сопровождаются выявлением и описанием хотя бы главных грамматических значений этих форм. Достаточно сказать, например, что в составе (лишь упоминаемых!) противопоставлений временных форм типа **до – после, перед – после** отсутствует то звено, без которого **трехчленное по своей природе** противопоставление оказывается представленным неадекватно – отсутствует одно из звеньев противопоставления – указание на формы с общим значением «во время» (значение совпадения с временным ориентиром). Ср.: **пришел во время обеда – перед обедом – после обеда; обсудили на/во время конференции – перед/до конференции – после конференции** и т. д.

Теоретическое обоснование подхода, предусматривающего выявление совокупности средств, характеризующихся не формальной, а функционально-семантической общностью, только сейчас начинает интенсифицироваться в связи с идеей создания функциональной грамматики¹, хотя начало такому обоснованию в отечественной лингвистике было положено академиком Л. В. Щербой еще четыре десятилетия назад и хотя он реализован и пропагандировался в целом ряде конкретных исследований² (именно он оказывается, кстати, наиболее приемлемым при изучении исторического развития синтаксического строя русского языка). Несмотря на относительную немногочисленность таких исследований на фоне работ, идущих от формы к семантике, они не оставляют сомнений в парадигматической системности внутренней организации значительного числа функционально-семантических групп средств (многие из этих групп давно выделены в традиционной классификации второстепенных членов предложения, но без внимания к их системной организации).

¹ См., например: **Бондарко А. В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983; Проблемы функциональной грамматики. М., 1985; Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания Л., 1985.

² Л. В. Щерба, связывая этот аспект с задачами обучения активному пользованию языком, именует его «активной грамматикой», в отличие от грамматики «пассивной», обеспечивающей лишь навыки узнавания многозначной формы при пассивном восприятии (слушании) речи. См.: **Щерба Л. В.** Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л. 1947. С. 84–88. Думается, однако, что и навыки «узнавания» практически опосредованы более многосторонне и, в частности, они неизбежно опираются на знание места данной формы в составе общей парадигмы семантически соотнесенных средств: ср., например, **на Кавказе** в отличие от **на Кавказ**; **к вечеру** в отличие от **вечером** и т. д.

В одних случаях более четкая, в других менее четкая системная организация наиболее убедительно прослеживается в составе средств выражения обстоятельственных отношений¹.

Передача объектных отношений, как уже говорилось в разделе «Роль лексики в словосочетаниях с управляемым компонентом», чаще всего предполагает нормативно-фразеологическую закрепленность определенных падежных и предложно-падежных форм за определенными главными словами, вне которых эти формы редко способны выражать определенное значение. Несмотря на это, общая совокупность функционально однородных объектных определителей тоже составляет парадигму своеобразно синонимизирующихся средств, интерпретация которых представляет несомненный интерес². В некоторых случаях формы выражения объектных отношений обнаруживают и достаточно отчетливую противопоставленность своих грамматических значений, проявляющихся в рамках единой синтагматической цепочки³

¹ См., например: **Владимирский Е. Ю.** Система предложно-падежных конструкций с пространственным значением в современном русском литературном языке: АКД. М., 1972; **Уткин Д. В.** Синонимические словосочетания с пространственными значениями в современном русском языке // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск. 1966; **Бабов К.** Руските предлози. София, 1968; **Пете И.** Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Сегед, 1973; **Радевич-Винницкий Я. К.** Модели категории локальности: АКД. Черновцы. 1974; **Пете И.** К сопоставительному изучению обстоятельств времени // Филологические науки – 1965. № 4; **Скобликова Е. С.** Указ. выше статья; **Она же.** Согласование и управление в русском языке. М., 1971; **Пете И.** Способы выражения временных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Сегед, 1976; **Всеволодова М. В., Потапова Г. Б.** Способы выражения временных отношений. М., 1973; **Засорина Л. Н.** Опыт системного анализа предлогов современного русского языка (предлоги со значением причины) // Проблемы языкознания: Ученые записки ЛГУ, № 301/Серия филолог. наук. Вып. 60 и др. работы.

² Такую совокупность образуют, например, формы, описанные нами в статье «Способы выражения при глаголах речи второго участника речи» (см. сб. «Русская филология». Куйбышев, 1969) и в одноименном разделе книги «Согласование и управление в русском языке». (М., 1971).

Многие общие вопросы функционально-семантической группировки объективных конструкций интересно раскрываются в книге: **Чешко Г. В.** История болгарского склонения. М.: Наука, 1970.

³ См. об одном из таких противопоставлений далее в разделе «Грамматическая противопоставленность и условия синонимического сближения двух управляемых форм при глаголах речи».

Наиболее разветвленной системой четких парадигматических противопоставлений характеризуются средства выражения пространственных отношений.

С одной стороны, многие предложно-падежные формы объединены трехчленным противопоставлением, выражая соотносительные по характеру связи с пространственным ориентиром отношения местонахождения направления (трихотомия эта получает в русском языке обобщенное выражение в вопросах *где – куда – откуда*). Ср. такие регулярные для русского языка трехчленные оппозиции:

в коробке – в коробку – из коробки
за коробкой – за коробку – из-за коробки
под коробкой – под коробку – из-под коробки
на коробке – на коробку – с коробки
у, около, возле... коробки – к коробке – от коробки¹

Достаточно последовательно проведенными признаками характеризуется и формальная структура таких парадигм: а) в большинстве случаев местонахождение и направление в сторону предмета выражаются с помощью одного и того же предлога: **в, на, за, под**;

б) дифференциация форм при указанных предлогах последовательно осуществляется употреблением винительного падежа в конструкциях направления, предложного или творительного в конструкциях местонахождения;

в) во всех «отделительных» конструкциях употребляется родительный падеж.

Только парадигма **у, около... дома – к дому – от дома** не имеет первых двух из перечисленных выше формальных признаков.

С другой стороны, средства выражения пространственных отношений объединяются в составе трех многочленных парадигм, будучи противопоставлены по характеру соотношения с пространственным ориентиром. Наиболее дифференцированно разные соотношения с ориентиром передаются в парадигме форм местонахождения. Ср. (по вертикали):

¹ Некоторые из форм, выражающих местонахождение, не образуют в современном русском языке таких парадигм. Ср.: **над лесом, перед лесом, между домами** и **под**. В древнерусском языке существовали соотносительные с ними формы типа «над лес», «перед дом». Подобные формы сохранились в ряде современных славянских языков и даже в диалектах русского языка.

в доме, внутри дома	в дом	из дома
на доме	на дом	с дома
над домом	—	—
под домом	под дом	из-под дома
у, около, возле дома		
рядом с домом, при доме	к дому	от дома
за домом	за дом	из-за дома
перед домом	—	—
между домами	—	—
вокруг дома	—	—
вдоль дома	—	—
и т. д.		

Ярко выраженная системная организация характеризует темпоральные формы, выражающие соотношение «момента времени»¹ с временным ориентиром. Несмотря на пестроту форм, указывающих на совпадение с таким ориентиром, несомненно объединение всех форм в трехчленные парадигмы.

Формальная структура таких парадигм характеризуется последовательным употреблением предлогов **до**, **перед** для выражения предшествования временному ориентиру, предлога **после** — для выражения следования после него. Ср.:

перед + Т. п. до + Р. п.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{в апреле} \\ \text{в каникулы} \\ \text{на рассвете} \\ \text{с рассветом} \\ \text{22 апреля} \\ \text{за завтраком} \end{array} \right.$	(П. п.)	$\left. \begin{array}{l} \\ \\ \\ \\ \\ \end{array} \right\}$	после + Р. п.
		(В. п.)		
		(П. п.)		
		(Т. п.)		
		(Р. п.)		
		(Т. п.)		

¹ Об условности в терминологической передаче этого категориального грамматического значения см. в нашей книге «Согласование и управление...», § 79–81.

² Даже непродуктивная форма беспредложного творительного падежа времени входит в эту парадигму семантико-грамматических противопоставлений (хотя и неполную). Ср.: **перед вечером, под вечер** (ср. также **к вечеру**) – **вечером**.

³ Временным ориентиром является в таких случаях момент речи или момент описываемых событий. А предшествование ему или следование за ним устанавливается с уточнением временного промежутка, отделяющего от него обозначаемый момент времени.

В той же микросистеме существуют и двучленные парадигмы, выражающие момент времени по предшествованию или следованию после временного ориентира в специфических случаях словесной невыраженности этого ориентира. Ср.:

неделю назад – через неделю, спустя неделю³

Системно противопоставлены друг другу (нередко даже при употреблении в одном синтагматическом ряду!) винительный падеж содержания речи и формы, выражающие тему, при глаголах речи; ср.:

О чем и что именно они говорили, не знал. И т. д.

* * *

Выявление общих парадигматических соотношений между средствами разных функционально-семантических микросистем создает необходимый фон для разностороннего осмысления синонимических связей в сфере предложно-падежных и падежных форм.

1. Обнаруживается, какое место занимают синонимические формы в составе целой функционально-семантической группы; на каких «участках» синтаксических парадигм есть эти средства, где, напротив, их нет.

2. Появляется возможность судить о природе различных типов синонимии и типологии синонимических отношений.

3. Наглядно выявляется связь между процессами развития многозначности предложно-падежных форм и развития синонимических отношений между ними.

Не имея возможности одинаково подробно остановиться на всех указанных линиях рассмотрения, в последующем изложении мы сосредоточим внимание на проблемах типологии и развития синонимических связей. Другие вопросы получают только частичное попутное освещение.

Выяснение тех парадигматических отношений, которые наблюдаются в отдельных функционально-семантических группах, позволяет с большой наглядностью обнаружить гибкость и динамизм в возможностях использования средств языковой системы. Наблюдения показывают, что в синонимические

отношения могут быть втянуты формы, в системном плане очень разнородные, занимающие различное положение в синтаксических парадигмах.

Даже далеко не исчерпывающая систематизация фактов позволяет наметить на этой основе несколько различных типов синонимических объединений. Раскрывающаяся типология дает возможность судить о причинах синонимического сближения различных средств языковой системы.

Основанием намечаемого ниже деления служат различия синонимизирующихся средств по их месту в общей системе парадигматических противопоставлений, которые наблюдаются в рамках данной функционально-семантической микросистемы и других микросистем, куда входят те же формальные средства.

Первый (простейший) тип связан с таким синонимическим объединением, которое базируется на однородности исходных грамматических значений синонимизирующихся средств.

Предельная близость, а иногда и тождество этих значений проявляется здесь в том, что в состав основной схемы семантико-грамматических оппозиций, наблюдающихся в данной микросистеме, синонимизирующиеся формы входят во всей своей совокупности в качестве одного, только вариативного, компонента бинарной или многочленной оппозиции.

Синонимия этого типа наблюдается, например, в составе предложно-падежных форм, выражающих местонахождение по пространственной близости с локальным ориентиром типа **у, около, возле... стола**. Все они в качестве единого компонента входят в трехчленную парадигму, будучи одинаково противопоставлены направлятельным формам **к + дат. пад.** и **от + род. пад.**
Ср.:

у	стола	} — к столу — от стола
около	стола	
возле	стола	
подле	стола	
рядом со	столом	
близ	стола	
недалеко от	стола	

Подобным же образом целая совокупность предложно-падежных и послеложно-падежных средств вступает в бинарные антонимические противопоставления при выражении отношений временной последовательности, типа:

через неделю	}	неделю назад – неделей раньше за неделю до этого
спустя неделю		
неделю спустя		
неделей позже		

Ср., аналогичное соотношение предложно-падежных форм, образующих при выражении темпоральных отношений трехчленные оппозиции:

{ до урока – перед уроком	{ во время урока на уроке за уроком	}	– после урока

То же касается совокупности синонимических форм выражения темы речи, противостоящих винительному належу, употребляющемуся для указания на содержание речи в целом. Ср.:

о чем	–	говорили	}	– что говорили
про что		»		
насчет чего		»		
относительно чего		»		
по поводу чего		»		

Во всех подобных случаях в качестве противочлена в основном семантико-грамматическом противопоставлении может выступить каждая из синонимических форм. Например:

у стола – к столу – от стола
около стола – к столу – от стола
через неделю – неделю назад
спустя неделю – неделей раньше
до урока – на уроке – после урока
перед уроком – во время урока – после урока
о чем говорили – что говорили
про что говорили – что говорили

Другой – **второй** - тип составляет синонимическое объединение таких форм, которые в рамках данной функционально-семантической микросистемы парадигматически **противопоставлены** друг другу по грамматическому значению.

Таким типом синонимии характеризуется, например, ряд предложно-падежных форм пространственной семантики; например: **в лугах – на лугах; в полях – на полях, во дворе – на дворе; из кухни – с кухни; около окна – под окном** и под.; падежные и предложно-падежные формы в составе некоторых объектных словосочетаний: **рассказал новости – о новостях, упомянул прошлогоднюю историю – о прошлогодней истории** и другие.

Ср. примеры сохранения системной противопоставленности тех же форм, типа: **в ящике – на ящике, в шкафу – на шкафу; из стола – со стола; около шкафа – под шкафом; о чем говорил – что говорил** и т. д.

Третий тип связан с синонимическим объединением таких форм, которые характеризуются отчетливой системной противопоставленностью грамматических значений лишь в рамках другой микросистемы. Такой тип синонимического объединения складывается во многих случаях переносного употребления предложно-падежных форм пространственной семантики, в частности – при использовании родительного падежа с предлогами **из, с, от, из-за** для выражения причинных отношений. Ср. употребление этих предлогов при обозначении разных отношений, типа:

от шкафа	и	от страха
со шкафа		со страху
из шкафа		из страха
из-за шкафа		из-за страха

Четвертый тип базируется на синонимическом сближении форм с совершенно разнородными, системно не связанными друг с другом грамматическими значениями. Этот тип синонимии возникает обычно на основе синтагматических связей словоформ в составе словосочетания. Такова, например, синонимия форм, обозначающих предмет как средство передвижения, типа: **приехал поездом** (исходное грамматическое значение – общее значение способа, «образа» действия), **на поезде** (исходное значение пространственное), **с первым поездом** (исходное значение – значение совместимости). Аналогична синонимия форм в сочетаниях типа **перейти через речку – перейти речку; обойти вокруг дома – обойти дом; бороться с захватчиками – бороться против захватчиков** и т. д.

Выявление различных типов синонимии открывает перед исследователем возможности для раскрытия разных путей развития синонимии и для осмысления синонимии как определенного звена в реализации более широких системных отношений.

С точки зрения вопроса о путях развития синонимических связей особенно интересны выделенные выше второй, третий и четвертый типы синонимических объединений.

Все они базируются на синонимическом схождении форм с **различными исходными грамматическими значениями.**

Конкретные причины синонимического сближения в каждом отдельном случае индивидуальны и требуют своего объяснения. Но в них много и общего.

Обобщение наблюдений над отдельными фактами дает возможность сделать вывод о том, что первым звеном в цепи условий, определяющих синонимическое схождение форм с разными грамматическими значениями, постоянно оказываются **особенности денотата.**

Дело в том, что именно объективные свойства обозначаемых отношений предопределяют принципиальную возможность использовать для их выражения разные формы.

Парадигматическое противопоставление системно связанных форм нередко оказывается актуальным при одних свойствах денотата и неактуальным – при других.

Например, как это неоднократно констатировалось, системные различия локальных форм с предлогами **в** и **на**, **из** и **с** сохраняют свою актуальность только до тех пор, пока пространственный ориентир, соотношение с которым они устанавливаются, имеет объемный характер (ср.: **в стакане – на стакане, в папке – на папке; из шкафа – со шкафа** и т. д.). Если он относится к типу «плоскостных», различия между соответствующими формами нейтрализуются. По отношению к плоскостному ориентиру расположение на его поверхности (сфера употребления предлогов **на** и **с**) предполагает тем самым и расположение в его внутренних границах (сфера употребления предлогов **в** и **из**) и, наоборот, расположение во внутренних границах предполагает вместе с тем и расположение на поверхности. Поэтому информация, передаваемая формами типа **в полях** и **на полях; с полей** и **из полей**, практически оказывается одинаковой.

Аналогичны условия синонимического схождения формы **под + твор. пад.** с формами, выражающими пространственную близость (предлоги **у,**

около, возле; подле, близ, рядом с). Отчетливую семантическую противопоставленность формам с предлогами типа **у, около, возле** формы с предлогом **под** сохраняют только тогда, когда обозначаемое место находится по отношению к пространственному ориентиру не просто «внизу», а и в границах проекции ориентира; ср.: **под чайником – около чайника, под домом – около дома**. Если положение «внизу» объективно является положением вне границ его непосредственной вертикальной проекции, формы эти синонимически сближаются; ср.: «**Под окном – около окна** стояла скамейка»; «**Под горой – близ, возле горы** тек ручей». Свойства денотата здесь таковы, что особенности пространственного положения, получающие обобщенное грамматическое выражение в формах с предлогом **под**, с одной стороны, с предлогами типа **около, возле, близ**, с другой, объективно совмещаются в обозначаемых реальных отношениях и, более того, обязательно предполагают друг друга.

Такое же совмещение, обусловленное объективной многогранностью реальных отношений, является причиной синонимического схождения в четвертом из выделенных выше типов. Именно на основе этого «совмещения» сближаются формы, исходные грамматические значения которых совершенно разнородны, не имеют семантического инварианта, системно не связаны друг с другом.

Например, синонимическое схождение форм **с + твор. пад.** и **против + род. пад.** при глаголах типа **бороться, сражаться** предопределено реальными свойствами тех отношений, которые обозначаются этими глаголами. **Бороться** – взаимонаправленное враждебное действие. Поэтому второй субъект этого действия, выражаемый формой совместности (**с кем**), обычно является одновременно и объектом враждебного действия (**против кого**); наоборот, враждебный объект этого действия является одновременно его вторым субъектом¹

Возможность двух разных форм в сочетаниях типа обошли вокруг леса/лес; переехали через реку/реку и под. объясняется тем, что «лес», «река» объективно являются и трассой движения, и — одновременно — непосредственно «преодолеваемым» пространственным объектом.

При употреблении словосочетаний типа **закутаться одеялом/в одеяло; обернуть книгу газетой/в газету** сам характер обозначаемого действия таков, что предмет, являющийся его орудием, в результате действия оказывает

¹ Такое совмещение значений, естественно, не свойственно денотатам, выражаемым, с одной стороны, глаголами типа **увидеться, встретиться**, обозначающими взаимонаправленное, но не враждебное действие; с другой стороны, глаголами типа **протестовать, ополчаться**, обозначающими враждебное, но однонаправленное действие. При денотатах этого типа значения, выражаемые формами **с кем** и **против кого**, конечно, не совмещаются и не «перекрещиваются».

ся неким вместилищем, во внутренние границы которого заключается непосредственный объект «укрывания».

Отражение в грамматических формах зависимого слова разных, но предполагающих друг друга сторон одной и той же реальной связи, не изменяет во всех подобных словосочетаниях фактический объем информации, передаваемой совокупностью лексических и грамматических средств. Самое большее – если в зависимости от выбора грамматической формы меняется в некоторых случаях оттенок смысловой акцентировки.

Закономерности несколько иные, но тоже связанные с характером денотата, обнаруживаются в синонимическом сближении парадигматически противопоставленных предложно-падежных форм при переносе их из одной функционально-семантической системы в другую (см. выше о синонимических объединениях третьего типа).

Причина такого сближения кроется в том, что актуальные в сфере выражения конкретных отношений многие семантико-грамматические оппозиции оказываются неактуальными при выражении отношений более отвлеченных. Это приводит к синонимическому сближению целого ряда предложно-падежных форм, когда из сферы выражения пространственных отношений они переносятся в сферу выражения отношений причинных, временных, отношений предназначения и т. д.

Сам факт генетической связи между средствами разных функционально-семантических микросистем отчетливо обнаруживается при сопоставлении наборов этих средств.

Очень показательны, что частичное совпадение таких наборов нередко затрагивает не отдельные формы, а целые парадигмы форм, характеризующихся тем или иным инвариантным значением.

Так, не может быть случайностью, что при выражении причинных отношений используются средства, совпадающие со средствами совершенно определенной подсистемы выражения пространственных отношений со средствами выражения исходного пункта движения; ср.: с **досады** – от **досады**, от **стеснительности** – из **стеснительности** – **из-за стеснительности** и со **шкафа** – от **шкафа** – из **шкафа** – **из-за шкафа**. Несомненно, что в генезисе такое совпадение следствие метафорического обозначения причины как исходного пункта в развитии явлений и событий.

Не менее симптоматично, что при выражении предназначения предмета используются формы с предлогами **на**, **к**, **в**, **под**, совпадающие со средствами противоположной подсистемы выражения пространственных отношений, – со

средствами, обозначающими пункт, в сторону которого направлено движение: **пирог к завтраку – на завтрак, продукты в дорогу – на дорогу, мешок под картошку – на картошку** и под.¹

О «производном», «вторичном» употреблении рассматриваемых форм для выражения причины и предназначения свидетельствует отсутствие четкой семантической противопоставленности форм с предлогами **с, от, из, из-за; на, к, в, под** в этих функционально-семантических микросистемах².

Не менее показательны с точки зрения признаков производности синонимическое сближение предложно-падежных форм при передаче временных отношений. Здесь, например, постоянно оказываются семантически незначимыми различие предлогов **в** и **на**; различие винительного и предложного падежей при каждом из этих предлогов. Ср. например:

в сумерки/в сумерках (**вин./предл. пад.**) – на заре (**предл. пад.**);
в следующем году (**предл. пад.**) – на следующий год (**вин. пад.**);
в молодости (**предл. пад.**) – в молодые годы (**вин. пад.**) и т. д.

Объяснить это можно только заимствованием из состава локальных предложно-падежных средств всех форм, способных указывать на **связь с внутренними границами** какого-либо **ориентира**, заимствованием, сопровождавшимся утратой тех парадигматических противопоставлений, которые неактуальны для выражения темпоральных отношений. Попав в состав другой микросистемы, все эти средства заняли место в парадигматических отношениях иного типа. Ср.: **на заре – перед зарей, до зари; в сумерки – перед сумерками** и под.

* * *

Таким образом, многие синонимические объединения падежных и предложно-падежных конструкций сложились на основе семантического схождения средств с **различными** исходными грамматическими значениями.

¹ Ср. аналогичную совокупность форм, выражающих назначение предмета в украинском языке: **мука на заміс, бидони на молоко, місце під садибу, вода до пінтя**. См.: Вихованец И. Р. Синтаксис знахідного відмінка в українській мові. Київ, 1971. С. 68.

² Констатируя противопоставленность предложно-падежных форм с причинным и целевым значением З. Д. Попова характеризует их как формы с «абстрактным мотивированным значением». См.: Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVIII века. Воронеж, 1969. С. 13.

Более того, как это было показано, каждое из таких средств может сохранять в синонимических конструкциях специфику своего исходного грамматического значения: его употребление является мотивированным с точки зрения свойств денотата; грамматическое значение каждой формы по-своему объективно и адекватно отражает одну определенную сторону всегда многогранных реальных отношений (см. выше о конструкциях типа **стоял под горой – возле горы; переехал мост – через мост; закутали одеялом – в одеяло; ехал автобусом – на автобусе** и другие).

На чем же основывается несомненная для говорящих по-русски синонимия подобных конструкций? На том, что, несмотря на **односторонность грамматического отражения**, совокупность лексических и грамматических средств словосочетания обычно оказывается достаточной, чтобы информация о соответствующих явлениях была воспринята слушающим **во всей ее полноте**, – по крайней мере в такой полноте, которая обеспечивается обычным **опытом познания** действительности. Именно этот опыт позволяет нам даже интуитивно осознавать то (часто обязательное) **совмещение** объективных признаков реальных отношений, о котором говорилось выше. Например, независимо от того, как сказано: «**Под окном** стояла скамейка» или «**У окна** стояла скамейка» – слушающий – в соответствии с наиболее обычными реальными соотношениями! – воспринимает **оба** пространственных признака: «ниже» и «рядом». Независимо от того, как сказано: «**ехал автобусом**» или «**ехал на автобусе**» – «автобус» в сочетании с глаголом **ехал** неизбежно воспринимается одновременно и как «орудие, средство» передвижения, и как то «место», в границах которого находится при движении перемещающийся субъект.

Именно **в силу совпадения общего объема** передаваемой информации, в принципе и могут быть синонимичными синтаксические конструкции, в которых используются структурные средства с **разными грамматическими значениями**.

Предпосылкой и для синонимического схождения, и для адекватного восприятия содержания таких конструкций является, как это было выяснено, определенный характер денотата. В силу устойчивого совмещения в денотате двух признаков – разных, но предполагающих друг друга – средствами языка (с присущим для них свойством широкого обобщения) может грамматически фиксироваться лишь один из признаков, и этого достаточно, чтобы слушающим воспринимался и второй.

Означает ли такая зависимость от свойств денотата совершенно **непосредственную** обусловленность этими свойствами, своеобразно «ситуатив-

ный», «внеязыковой» характер соответствующих синонимических отношений? С полной уверенностью на этот вопрос следует ответить отрицательно.

Все явления, связанные с синонимией, постоянно обнаруживают действие собственно языковых **ограничений**.

Необходимость известной устойчивости, стабильности языкового выражения¹ имеет следствием то, что нормы любого языка никогда не позволяют реализовать полностью те совершенно неисчерпаемые возможности различных аспектов осмысления, возможности разных уровней обобщения, абстракции, которые имеют источником многогранность реальных отношений. Потенциальные динамические возможности языковой системы каждого языка по той же причине реализуются также далеко не полностью. И – более того даже те возможности, которые освящены нормами языка, реализуются неодинаково – по отношению далеко не ко всем однородным по своему характеру денотатам. Последнее проявляется в постоянных нормативно-фразеологических ограничениях, в том числе и при использовании рассмотренных выше синонимических средств. Например, при совершенно одинаковых общих свойствах денотата возможность использовать формы творительного падежа в некоторых моделях оказывается ограниченной. Ср., например:

закутать в одеяло — одеялом, обернуть в бумагу — бумагой;

но только: завернуть в бумагу;

ехать на поезде – поездом; лететь на самолете – самолетом

но только: ехать на мотоцикле, плыть на лодке, ехать на лошади и т. д.

Разумеется, все эти ограничения являются ограничениями собственно языковыми, не вытекающими из реальных особенностей обозначаемых отношений.

При сравнении языков обнаруживаются национальные различия нормативных ограничений даже при совершенно тождественных системных возможностях.

В частности, во многих славянских языках творительный падеж средств передвижения может употребляться по сравнению с русским в более широ-

¹ См. у Б. А. Серебrenникова о тенденции «к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности»: **Серебrenников Б. А.** Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968. С. 8.

ком кругу лексики; ср., например, укр. **евакуювали човнами** (рус. **на лодках**), **приїде машиною**, або **моторкою** (рус. **на моторке**) и под.¹

Аналогичный характер нормативных различий при одних и тех же системных возможностях наблюдается в разные периоды развития одного и того же языка. Ср., например, в древнерусском: «Куряне... **придоша коньми...**» Ип. п.; «А пречистая... **ходила съ апостоломъ Иоанномъ во святую гору кораблемъ**». М. Грек².

То, что синонимическое сближение конструкций с разными грамматическими значениями, основываясь на внеязыковых предпосылках, имеет в то же время характер явления собственно языкового, подтверждается и другим принципиально важным фактом.

Такое сближение способно вызвать **изменение** или, по крайней мере, **обогащение** грамматических, т. е. собственно языковых значений.

Перенимая семантические свойства грамматических форм, употребляемых в параллельных синонимических конструкциях, предложно-падежная или падежная форма может приобретать новое грамматическое значение.

Например, под влиянием синонимического сближения конструкций с предлогами **под** и **около** в случаях типа «**Под окном** стояла скамейка» появляется употребление типа: «**У меня под окном** на высоком дереве целое утро щебечут птички» (=около окна, за окном). Это использование формы **под окном** безразлично к элементам пространственной характеристики по вертикали и не обязательно связано с семантическим компонентом «внизу». Такое употребление означает частичное смещение данной формы с ее обычного места в основной парадигме форм, выражающих соотношение с пространственным ориентиром, включение ее в синонимический ряд конструкций с предлогами **у**, **около**, **возле** и **под**.³ Ср. использование в той же форме названий городов, типа: **под Ленинградом**, **под Севастополем**.

Несомненно, что, синонимизируясь с творительным падежом способа, средства действия (**ехать поездом** – **на поезде**), форма **на** + **предл. пад.** сама приобрела грамматическое значение способа, средства передвижения.

Об этом свидетельствуют многие языковые факты: а) свободное употребление в ряду однородных членов вместе с формой творительного падежа

¹ См.: Мразек Р. Синтаксис русского творительного. Прага, 1964. С. 38–39.

² Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису. М., 1956. С. 285

³ Однако следует оговорить, что новое место в пространственной парадигме форма **под** + **твор. пад.** способна занимать при узко ограниченном лексическом наполнении и потому занимает его очень неустойчиво и «неполноценно».

(типа: Ехали мы **и поездом, и на автобусе, и на пароходе**); б) вытеснение этой формой «специализированной» формы творительного падежа, употребляющейся в настоящее время только в лексически ограниченных условиях (ср. невозможность творительного падежа в случаях типа **на лошадях, на дрожках, на велосипеде, на лодках** и т. д.¹); в) утрата в некоторых случаях буквально пространственного значения (например, **ехали на лошадях, на собаках** – не обязательно обозначает положение верхом на лошади и, тем более, – на собаке) и т. д.

Показательно, однако, что, обнаруживая признаки перемещения в синонимическую парадигму форм, выражающих способ, средство передвижения, форма **на + предл. пад.** не порвала и парадигматических отношений с конструкциями пространственными. Например, для говорящих по-русски эта форма сохраняет живую связь с обычной трехчленной пространственной парадигмой **на + предл. пад. – на + вин. пад. – с + род. пад.**; ср.: **ехал на поезде – сел на поезд – сошел с поезда**. Сохранение связи с другой парадигмой пространственных форм обнаруживается в возможности свободного употребления рассматриваемых форм и в собственно локальном значении. Ср.: **Я ехал не на автобусе, а за автобусом**. И т. д.

Естественно, что синонимическое схождение форм при переносе парадигматически противопоставленных средств в другую микросистему обязательно сопровождается приобретением новых грамматических значений, новых парадигматических соотношений, связанных с развитием омонимии предложно-падежных и падежных средств (об этом с очевидностью свидетельствуют рассмотренные выше факты).

Таким образом, синонимическое сближение падежных и предложно-падежных форм с разными грамматическими значениями оказывается сложным, диалектическим процессом, в результате которого происходит полное или частичное изменение грамматических значений синонимизирующихся форм; многие из таких форм приобретают черты системной функциональной двуплановости; происходит перегруппировка парадигматических связей, «перекрещивание» компонентов разных парадигм.

Следовательно, связанные с динамическими свойствами языковой системы, способной к многообразному отражению объективных особенностей обозначаемых реальных отношений, процессы синонимического сближения разных форм оказывают на системные отношения в языке и обратное влияние.

¹ См.: Ломтев Т. П. Указ. работа. С. 285; Мразек Р. Указ. работа. С. 38—39.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ И УСЛОВИЯ СИНОНИМИЧЕСКОГО СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ УПРАВЛЯЕМЫХ ФОРМ ПРИ ГЛАГОЛАХ РЕЧИ

В предшествующем разделе был рассмотрен ряд общих условий, которые определяют синонимическое сближение противопоставленных друг другу падежных и предложно-падежных форм. В данном разделе мы имеем в виду более детально раскрыть механизм влияния некоторых из этих условий, анализируя семантику словосочетаний с глаголами речи, способными сочетаться с формой «о + предложный падеж» и винительным беспредложным для передачи содержания речи: **сказал, говорил, сообщил, рассказал что и о чем¹** и под.

Рассматриваемые формы достаточно своеобразны. Парадигматическая противопоставленность их способна проявляться в рамках одного синтагматического ряда, где они выступают как формы, параллельно подчиненные глаголу речи. К тому же они представляют интерес как относительно редкий пример противопоставленности семантически соотносительных форм в сфере выражения объектных отношений: в гораздо большей степени такая противопоставленность свойственна выражению обстоятельственных и некоторых разновидностей определительных отношений.

Соотношения словосочетаний с анализируемыми формами достаточно разнообразны. В одних случаях они семантически резко противопоставлены друг другу, в других могут сближаться до выражения совершенно идентичных реальных отношений, становясь словосочетаниями синонимичными. Смысловой анализ рассматриваемых словосочетаний привлекает нас потому, что позволяет, как нам кажется, раскрыть некоторые общие закономерности в характере взаимодействия между значением, грамматически передаваемым в словосочетании падежной или предложно-падежной формой, и лексическим содержанием обоих компонентов словосочетания.

¹ Именно форму «о + предл. падеж», а не синонимичные с нею формы с предлогами **про, насчет, относительно, в отношении, по поводу, на тему** о мы берем в этом противопоставлении как доминантную в ряду синонимичных форм. Не останавливаясь специально на особенностях употребления этих других предложно-падежных форм, мы иногда будем привлекать примеры и с ними, так как они семантически противопоставлены форме винительного без предлога в той же мере, в какой противопоставлена ей форма «о + предл. падеж».

Наблюдения показывают, что грамматически форма «о + предл. пад.» и винительный беспредложный призваны передавать разные смысловые отношения. То или иное лексическое наполнение компонентов словосочетания может подчеркивать эти различия или, наоборот, нейтрализовать их, приводя к синонимическому сближению словосочетаний с рассматриваемыми подчиненными формами.

Функциональная неравнозначность винительного беспредложного и формы «о + предл. пад.» предельно отчетливо выявляется в тех случаях, когда при одном и том же глаголе используются обе формы: **Что** он говорил тебе **об инспекторе?** Помнится, он **что-то** рассказывал о своей поездке. **То же** я могу сказать тебе о сегодняшнем **выступлении**. Не было во всей округе человека, который мог **что-нибудь** сказать плохое **об отце Иване**. (Есенина. В Константинове) и под.

Формы винительного падежа указывают здесь на непосредственное содержание речи (они соотносительны по функции с конструкциями прямой или косвенной речи). Форма «о + пред. пад.» обозначает лишь предмет, которому посвящена речь, выражает тему речи¹.

Также отчетливо противопоставление темы речи и ее конкретного содержания при параллельном использовании формы «о + предл. пад.» (или «про + вин. пад.» и под.), с одной стороны, и прямой или косвенной речи, с другой: «**Это старый кадровик**», – обычно говорили **про него...** (Симонов. Восьмое ранение).

Очевидная противопоставленность значений, выражаемых разными формами, наблюдается не всегда. Встречаются случаи, когда рассматриваемые формы допускают взаимозамену и соответствующие словосочетания могут передавать одинаковое реальное содержание сообщал **новости** – **сообщал о новостях** или (в заголовках газетных обзоров): «**Что рассказывают наши корреспонденты** – «**О чем рассказывают наши корреспонденты**».

При каких же условиях происходит функциональное сближение словосочетаний с разными формами, при каких (кроме рассмотренных выше) сохраняются четкие их различия?

Если при одном и том же глаголе не употребляются сразу обе формы, а употребляется только одна из них, то значение, передаваемое ею грамматиче-

¹ Значение темы речи у формы «о + предл. падеж» подтверждается такими «непреднамеренными» характеристиками соотношения между речью и ее предметом, как, например, в следующем контексте: Чтобы **изменить тему** разговора, он (Бирк) заговорил о **бале**те (Никулин. – Выделено нами. – Е. С.).

ски, проявляется более или менее отчетливо в зависимости от лексического наполнения словосочетания, в зависимости от соотношения между темой речи и конкретным ее содержанием в реальной действительности.

Исследователи единодушно констатируют, что круг слов, которые употребляются в винительном падеже содержания речи, очень ограничен, в то время как в форме «о + предл. пад.» может выступать любое слово с субстантивным значением. С чем связано такое различие, обычно не выясняется. По нашему мнению, сущность вопроса заключается здесь в том, все ли слова по своим лексическим свойствам «подходят» для выражения смысловых отношений, которые грамматически передаются той или иной формой зависимого члена словосочетания.

Тему, предмет речи способны выражать любые слова с субстантивным значением. Именно с этим связано отсутствие ограничений в лексическом наполнении формы «о + предл. пад.»).

Напротив, функция винительного падежа – отсылать к содержанию непосредственного текста речи – совместима с лексическим значением очень немногих слов, таких, которые могут обобщенно обозначить содержание речи или указать на готовую информацию. Это существительные типа **новость, история, эпизод, случай (сообщил новость, рассказал смешную историю); сведения, сообщение, приказ (сообщил сведения);** существительные или субстантивированные прилагательные оценочного характера: **глупость, чепуха, плохое, приятное, полезное** и под. (**говорил чепуху, сказал приятное**) и – в первую очередь! – местоимения, непосредственно соотнесенные с текстом речи: **что говорил, сказал что-то, рассказал это, сообщил то же** и под.

Наименования предметов в большинстве случаев могут указывать лишь на тему речи, а не на ее непосредственный текст. Соответственно большая часть субстантивных слов употребляется при глаголах речи только в форме «о + предл. пад.» или в синонимичных с ней формах (с предлогами **про, насчет** и под.). Это касается всех слов с конкретно-предметным значением (в том числе местоимения **кто**, в отличие от **что**) и даже многих отвлеченных существительных:

Она [Аннуш] весело и подробно рассказывала ему **про улицы**, по которым они шли, **про дома, магазины и вывески** (Симонов. Восьмое ранение): Он много говорил **о труде** на шахтах и т. д.

Пока в зависимом компоненте употребляются подобные слова, значение темы речи, выражаемое формами с предлогами **о, про** и под., остается четко отграниченным от значения непосредственного содержания речи.

Иное положение наблюдается тогда, когда слово, употребленное в форме «о + предл. пад.», лексически соотнесено с непосредственным содержанием определенного текста. В этом случае семантические границы между словосочетаниями с формой «о + предл. пад.» и с винительным беспредложным могут становиться менее четкими.

Семантическое сближение и связанная с ним возможность взаимозамены форм, прежде всего, часто наблюдаются в тех случаях, когда зависимый член словосочетания выражен местоимениями **это** или **что**. Эти местоимения как раз соотнесены обычно не с какими-либо определенными словами, а с содержанием целых предложений или даже цепи предложений в предшествующем (иногда – в последующем) контексте.

Рейли ожидался в Хельсинки в конце сентября. **Об этом** Мария Захарченко **сообщила** Якушеву в Москву (Никулин. Мертвая зыбь); ср.: «...**это** Мария Захарченко **сообщила** Якушеву». Мы не забываем о том, **о чем** всегда **говорит** Дзержинский: надо понимать, что лишенный свободы ограничен в защите, лишение свободы есть зло, но к нему еще надо прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда... (там же); ср.: «**что** всегда **говорит** Дзержинский...» и т. д.

Значение темы речи, грамматически передаваемое формой зависимого слова, совмещается здесь с указанием и на конкретное содержание речи, которое передается тем же словом лексически. Это способствует синонимическому сближению словосочетаний с разными формами. Следует отметить, однако, что и в подобных случаях нет ни полного стирания их смысловой дифференциации, ни соответственно полного безразличия в их употреблении. Как и любая форма, обозначающая тему речи, формы **об этом**, **о чем** позволяют предполагать, что содержание речи шире содержания, обозначаемого местоимением, что последнее составляет только «костяк», «вокруг» которого разворачивается содержание всего высказывания. Форма винительного падежа **это** указывает, что содержание речи не выходит за рамки содержания предшествующего контекста, к которому лексически отсылает местоимение, что оно точно соответствует этому содержанию. Характерно в этом отношении использование разных форм в следующем примере:

Артузов: «А вы убеждены, что Захарченко изменила к вам отношение?» — Якушев: «Мне не раз **говорил об этом** Стауниц. Сказал, что она злится на меня и Потапова, мы, мол, затираем Стауница, не даем ему ходу в «Тресте». Я думаю, он **это** **сказал** отчасти, чтобы укорить нас, то есть руководителей «Треста» (Никулин. Мертвая зыбь).

Показательно, что возможность взаимозамены рассматриваемых местоименных форм наблюдается далеко не всегда. Например, только форма винительного падежа может употребляться тогда, когда под местоимением это подразумевается точный текст какого-либо высказывания: «Я в вас не сомневаюсь, Яков Ефимович!» Павел Григорьевич **говорит** это улыбаясь, но он смотрит на папу серьезным взглядом (Бруштейн. Дорога уходит в даль...).

Несколько иной является лексическая основа синонимического сближения словосочетаний с глаголами **рассказать, сообщить, поведать** и под. и зависимыми существительными типа **новость, случай, история, эпизод, происшествие** или с местоимениями **все, многое**. Ср.: **рассказал, сообщил новости – рассказал, сообщил о новостях, всё – обо всем** и т. д.

Соответственно общим различиям, связанным с употреблением рассматриваемых форм, в параллельные словосочетания может вкладываться не совсем одинаковый смысл. При употреблении форм винительного падежа, выражающих в сочетании с данными глаголами прямой объект речевой передачи, предполагается полное изложение сведений о соответствующих фактах, при этом – без уклонения в рассуждения «вокруг» этих фактов. Форма «о + предл. пад.», в соответствии со своим значением темы речи, может, наоборот, указывать на частичное сообщение этих сведений и на наличие в тексте речи не только сведений о самом явлении, но и дополнительных данных, касающихся его оценки, отношения к нему, его последствий и т. д. Но практически нет никакого «мерила» того, какой объем сведений о «новостях», «историях», «случаях», «эпизодах» и т. д. можно считать полным или неполным, и словосочетания рассматриваемого лексического наполнения часто используются для выражения одинаковых реальных отношений. Ср., например: К этому человеку пришел Забелин и **рассказал** откровенно **все**, что с ним произошло (Никулин. Мертвая зыбь) – Он [Забелин] не нашел в себе силы, чтобы **рассказать обо всем**, что с ним произошло, своему начальнику и комиссару штаба (там же).

Братья Лев и Евдоким **сообщали** о столичных новостях. Бегичевы и Вяземский – о московских (Задонский. Денис Давыдов) – Борис Четвертинский и брат Евдоким... всячески утешали, обещав... **сообщать** все столичные **новости** (там же).

Причина нейтрализации смысловых различий заключается здесь, видимо, в следующем. Рассматриваемые субстантивные слова по своим лексическим свойствам способны выражать, собственно, только тему речи, а не непосредственный объект речевой передачи и не конкретное содержание речи.

Даже употребление такого зависимого слова в винительном падеже не может преодолеть значения темы речи, которое подсказывается реальной природой обозначаемого этим словом явления. Вероятно, именно поэтому словосочетания с винительным падежом идут на убыль. Так, отмечается, что на протяжении последнего столетия заметно сузился круг существительных, которые могут использоваться в винительном падеже при глаголе **рассказать – рассказывать**. Например, перестали употребляться при нем в этой форме слова: **болезнь, впечатление, время, дело, заседание, неудача, подвиги, поездка, поединок, приезд, прием, прошедшее, роман, смерть, событие**, хотя еще во второй половине XIX века, по свидетельству В. П. Бахтиной¹, они могли использоваться в словосочетаниях с винительным падежом.

Гораздо более отчетливой является смысловая противопоставленность параллельных словосочетаний при употреблении в них существительных, обозначающих совокупность какой-либо готовой информации – **сведения, данные, план, проект** и под.: **сообщил (полученные) данные – о (полученных) данных; доложил – (свой) план – о (своем) плане** и т. д. Эти существительные одинаково «пригодны» и для выражения прямого объекта речевой передачи, составляющего в то же время содержание речи, и для выражения темы речи. При этом, поскольку такие существительные лексически указывают на ограниченный и определенный объем информации, достаточно актуально, является ли эта информация непосредственным объектом и единственным содержанием высказывания или его темой. В первом случае она сообщается исчерпывающе и без дополнений; во втором случае возможно высказывание только «по поводу» обозначенной информации, иногда почти не затрагивающее ее содержание; ср.: **сообщил (перехваченные) данные немецкой разведки – сообщил о (перехваченных) данных немецкой разведки**.

В сущности, совокупность определенной информации о явлениях действительности, а не сами эти явления метонимически обозначают формы вин. падежа в словосочетаниях типа **рассказал историю, сообщил новости** и под. Однако, в отличие от существительных **данные, сведения**, слова **новость, история** и под. не обозначают готовой информации определенного объема. Неопределенность объема информации из-за лексических свойств существительных типа **история, новость** выражается не только формой «о + предл. пад.», но и винительным беспредложным.

¹ Бахтина В. П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском литературном языке второй половины XIX века: Дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 1963.

Промежуточное положение между словосочетаниями с зависимыми словами типа **сведения, данные**, с одной стороны, и типа **новость, история**, с другой, занимают словосочетания с существительными **слухи, сплетни**: **сообщал (все) слухи, сплетни – о (всех) слухах, сплетнях**. Зависимые существительные тоже обозначают здесь «готовую» информацию; но при меньшей определенности ее содержания и объема смысловая противопоставленность словосочетаний типа **сообщал (все) слухи – о (всех) слухах** меньшая, чем в словосочетаниях типа **сообщал (все) сведения – о (всех) сведениях**.

Очевидным является смысловое различие параллельных словосочетаний при использовании управляемого существительного, обозначающего определенный текст: **рассказал сказку – о сказке; сказал (произнес) речь – сказал о (чьей-либо) речи** и под.¹ Употребление вин. падежа выражает, что текст является непосредственным объектом речевого воспроизведения, а следовательно, именно он составляет конкретное содержание речи. При употреблении форм «о + предл. пад.» этот текст выступает как тема высказывания.

Достаточно четким является противопоставление словосочетаний в тех случаях, когда в зависимом составе употребляются разного рода «оценочные» слова: **правда, неправда, глупость, «умные вещи», пустяки, гадости, чепуха, чушь, ерунда; хорошее, плохое, полезное, нужное, приятное; много хорошего, мало полезного, что-нибудь хорошее** и т. д. При употреблении винительного падежа такое оценочное слово обобщает содержание высказывания: **болтал чепуху, сказала правду, сообщил много полезного** и под. При использовании форм «о + предл. пад.» оно характеризует тему речи: **болтала о пустяках, сообщит о чем-нибудь полезном** и под.

В большинстве случаев подобные слова используются для оценки содержания речи. Иногда реальное значение параллельных словосочетаний типа **болтать чепуху – о чепухе** может почти совпадать. Такое совпадение основывается на том, что оценка темы речи объективно часто выражает и оценку ее содержания. Например, если предмет речи определяется как «чепуха» (**говорили о (всякой) чепухе**), то эта оценка может распространяться и на конкретное содержание речи (**говорили чепуху**). Обратная связь реальных отношений наблюдается реже. «Мелкому» содержанию речи далеко не всегда

¹ Отметим, что господствующие глаголы в подобных (лексически не свободных!) словосочетаниях имеют значение, отличное от значения тех же глаголов в сочетании с формой «о + предл. пад.», но употребление различных подчиненных форм зависит и здесь от характера отношений между речью и ее объектом, а не непосредственно от лексического значения глагола.

соответствует несерьезная тематика; ср.: **О проекте он говорил чепуху**. Поэтому утверждать синонимичность словосочетаний в случаях типа **говорить чепуху – говорить о чепухе** нельзя: их общее содержание может сближаться только в определенных условиях реальной ситуации.

Нейтрализация смысловых различий в параллельных словосочетаниях может зависеть от лексического значения не только зависимых слов, но и самих глаголов речи. Так, например, глагол **упомянуть** лексически указывает, что говорящий лишь вскользь касается предмета, обозначаемого зависимым словом. Значение попутной, побочной темы высказывания не преодолевается при нем даже употреблением винительного беспредложного. В результате словосочетания с разными формами выражают, в сущности, одинаковое реальное содержание. Ср.: **Заветные тетради, о которых упомянул Ермолов**, существовали на самом деле. (Задонский. Денис Давыдов) и «...которые упомянул Ермолов...».

Таким образом, форма «о + предл. пад.» и винительный беспредложный имеют в сочетании с глаголами речи разные семантико-грамматические функции. Первая форма призвана выражать тему речи, вторая – содержание речи (**говорил это, болтал глупости**) или непосредственный объект речевой передачи, составляющий в то же время и содержание высказывания (**сообщил сведения, рассказал новость, рассказал сказку** и т. д.).

Причина синонимического сближения словосочетаний с рассматриваемыми формами нейтрализация этих смысловых различий под влиянием лексических свойств одного из членов словосочетания (чаще всего – зависимого члена). Само это влияние основывается на том, что при определенном лексическом составе словосочетания последнее выражает такие реальные отношения, при которых почему-либо стирается отчетливое противопоставление значений темы речи и ее конкретного содержания или темы речи и непосредственного, прямого объекта речевой передачи.

Важно подчеркнуть, что возникающая на этой основе синонимия – совершенно иного порядка, чем, например, синонимия словосочетаний с формами типа **о чем, про что, насчет чего, относительно чего** и под. В последних она определяется однородностью семантико-грамматических функций самих предложно-падежных форм, одинаково призванных выражать тему речи и различающихся лишь частными смысловыми или стилистическими оттенками.

ОБ АНТОНИМИИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА

Понятие антонимии основывается на констатации противоположности тех характеристик, которые выражаются с помощью определенных языковых средств в рамках одного и того же семантического параметра – одного и того же направления оценки.

Несмотря на кажущуюся простоту и интуитивную ясность, в применении к интерпретации отдельных фактов это понятие нуждается в дальнейшем уточнении с точки зрения выявления места антонимических противопоставлений в более широкой системе парадигматических соотношений.

Из исследований последнего времени становится очевидным, что во многих функционально-семантических группах предложно-падежных и падежных форм существительных наблюдается высокий уровень парадигматической системности. Это в особенности относится к средствам выражения пространственных, временных, многих разновидностей определительных отношений. Самая разветвленная система форм с четкими семантико-грамматическими противопоставлениями наблюдается в сфере выражения пространственных отношений (подробнее рассмотрение ее см. в работах Е. Ю. Владимирского, И. Пете, З. Д. Поповой, Я. К. Радевича-Винницкого и других лингвистов). Системной соотнесенностью характеризуются здесь, с одной стороны, формы, соответствующие общим значениям «где», «куда» и «откуда». Ср., например:

в сосуде – в сосуд – из сосуда,
на сосуде – на сосуд – с сосуда,
около сосуда – к сосуду – из сосуда,
за сосудом – за сосуд – из-за сосуда и т. д.

С другой стороны формы каждого отдельного из этих общих подразрядов; ср., например: **в сосуде, на сосуде, вне сосуда, около сосуда, за сосудом, перед сосудом, под сосудом, над сосудом.**

Парадигматическая соотнесенность разных форм в составе общей системы делает возможным выявление их грамматической семантики с помощью методики компонентного анализа. Например, грамматическая семантика форм типа **за сосудом, около сосуда, над сосудом** имплицитно предполагает один общий семантический компонент «за пределами пространственного

ориентира» (в общей системе выражения локальных отношений для его передачи специализировалась форма **вне** + **род. пад.**, типа **вне сосуда**). Эксплицитно же каждая из них включает один семантический компонент, уточняющий общее значение «вне пространственного ориентира»: «с тыльной стороны», «вблизи», «выше» ориентира. Именно выявление компонентов грамматической семантики способствует, на наш взгляд, установлению того, каков характер семантического противопоставления друг другу отдельных форм в составе всей системы.

Несомненно, что не все противопоставления здесь можно признать антонимическими, при этом – главное! – даже в тех случаях, когда выражаемые отношения своеобразно противоположны.

Например, специфической противоположностью характеризуется семантика, с одной стороны, форм с предлогами **в** и **на**, с другой со всеми остальными предлогами, употребляемыми при выражении местонахождения. Предлоги **в**, **на** указывают на расположение в границах пространственного ориентира – внутри него или на его поверхности; остальные – на расположение вне этих границ. Ср.:

в сосуде – вне сосуда
на сосуде около сосуда
под сосудом
над сосудом
перед сосудом и т. д.

в городе – вне города
около города
за городом
перед городом
вдоль города и т. д.

на площадке – вне площадки
около площадки
за площадкой
перед площадкой
над площадкой
под площадкой и т. д.

Однако нельзя сказать, чтобы каждая из форм, выражающих расположение вне границ ориентира, находилась в антонимических отношениях с каждой из форм, выражающих расположение в границах ориентира. Так, в силу семантической «асимметрии» совершенно не антонимичны формы в **сосуде** – **над сосудом**, **на сосуде** – **за сосудом** и **под**.

Отношения необходимой для антонимии семантической симметрии предполагают, на наш взгляд, одинаковый по количеству и линиям оценки набор семантических компонентов и противоположность конкретной характеристики по одной из линий оценки.

Именно такой набор компонентов выявляется при сопоставлении с другими формами пространственной синтаксической парадигмы, например, у форм типа **за домом** – **перед домом**. Их локальная семантика включает два одинаковых семантических компонента: 1) имплицитно предполагаемое обеими формами значение «вне дома»; 2) факультативное для этих предложно-падежных форм значение «вблизи», связанное с характером обозначаемого пространственного ориентира (ср. возможность совсем иных значений в соотношении **за Уралом** – **перед Уралом**). Антонимия создается за счет третьего, эксплицитно выраженного значения: она определяется противоположностью оценки по одному семантическому параметру – с точки зрения лицевой или тыльной стороны по отношению к ориентру.

Что касается соотношений типа **в сосуде** – **за сосудом**, то симметрия компонентов грамматической семантики в них явно отсутствует. Семантика предложно-падежной формы **в сосуде** включает два компонента: 1) «в границах» ориентира (значение, выявляемое из парадигматического соотношения **в сосуде** – **вне сосуда**); 2) «во внутреннем пространстве объемного ориентира» (ср.: **в сосуде** и **на сосуде**). Грамматическая семантика предложно-падежной формы **за сосудом** включает два компонента: 1) «вне границ» ориентира, что явствует из соотношений **в сосуде/на сосуде** – **за сосудом**; 2) «с тыльной стороны». Параметры локальной характеристики совпадают в соотношении **в сосуде** – **за сосудом** только частично, что и создает их очевидную семантическую асимметрию.

Предлагаемая методика компонентного анализа, опирающаяся на анализ парадигматических отношений в рамках всей функционально-семантической системы форм, позволяет, как нам кажется, различать антонимические и неантонимические противопоставления и в случаях более сложных, когда по формальным соотношениям компоненты противопоставления одинаковы, а по семантическим не вполне равнозначны.

Например, оппозиция предложно-падежных форм типа **в городе – вне города, на площадке – вне площадки** - это оппозиция безусловно антонимическая. Она связана с противопоставлением по одному параметру – основному и единственному в грамматической семантике этих форм: в парадигме всех средств выражения локальности данные формы призваны выражать в самом общем виде только расположение «в границах» и «за пределами границ» пространственного ориентира. В отличие от этого, формально аналогичные соотношения типа **в сосуде – вне сосуда, на сосуде – вне сосуда** антонимическими, на наш взгляд, уже не являются. Дело в том, что при обозначении строго замкнутого объемного ориентира формы с предлогами **в** и **на**, с одной стороны, и **вне**, с другой, семантически несимметричны. По сравнению с единицами типа **вне сосуда** формы типа **в сосуде, на сосуде** связаны с оценкой места не по одному, а по двум параметрам. Обе они указывают на расположение «в границах» ориентира, но, кроме того, уточняют еще и местонахождение либо «внутри», либо «на поверхности» его.

Неодинаковые семантические соотношения форм в случаях типа **на площадке – вне площадки** (антонимия) и **на сосуде – вне сосуда** («асимметричное») по набору семантических компонентов смысловое противопоставление) показывают, что в ряде случаев антонимический или неантонимический характер противопоставления невозможно установить без учета лексического наполнения предложно-падежной формы, так как с разным лексическим наполнением могут быть связаны неодинаковые парадигматические отношения. От различий в характере пространственного ориентира, отражающихся в лексическом составе рассматриваемых конструкций, зависит, в частности, сохранение или нейтрализация семантической противопоставленности форм с предлогами **в** и **на**.

В целом констатация антонимии требует, таким образом, компонентного семантического анализа, когда на фоне общей системы парадигматических соотношений, наблюдающихся в определенной функционально-семантической группе форм, выявляется набор тех семантических признаков, которые определяют место в этой системе каждой предложно-падежной формы.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

Одну из неоспоримых заслуг И. П. Распопова, интенсивно разрабатывавшего фундаментальные проблемы теории синтаксиса, составляет то, что в совокупности его трудов оказались раскрытыми или существенно уточненными различные стороны грамматической семантики простого предложения.

В решении проблемы грамматической семантики в равной степени значимыми оказались, с одной стороны, база собственных конкретных исследований Игоря Павловича, с другой - остро полемический анализ достаточно разноречивых синтаксических концепций, появление которых связано с последними десятилетиями.

Исследовательскую основу для создания объективной «многослойности» грамматической семантики предложения составило для него изучение актуального членения предложения в русском языке (в отечественной русистике он серьезно начал его, по существу, первым!).

Исследования данного цикла, в свою очередь, выросли из кандидатской диссертации И. П. Распопова, посвященной изучению вопросительных предложений, для которых различия в актуальном членении имеют особенно существенную коммуникативную значимость.

Именно исследование актуального членения привело И. П. Распопова к идее достаточно резкой разграниченности двух наиболее крупных аспектов в структуре (а соответственно, и в семантике) предложения – конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического. Закономерно, что именно с коммуникативным аспектом И. П. Распопов связывает собственно предложенческие грамматические категории, рассматривая в качестве таковой категорию целевого назначения, категорию модальности и категорию коммуникативной перспективы (последняя получает отражение в актуальном членении предложения). «Раздельность» в оформлении этих грамматических категорий объективно проявляется в том, что каждая из них выражается с помощью своих, более или менее узко специализированных грамматических средств.

Нельзя сказать, чтобы эти и другие «слагаемые» семантики предложения совсем не осознавались и не признавались другими лингвистами. Однако

¹ Впервые как отдельная статья данный очерк был опубликован в межвузовском сборнике «Синтаксис русского предложения» (Воронеж, 1985), посвященном памяти И. П. Распопова.

точность интерпретации соответствующих явлений, полнота их выделения, характеристика средств выражения определенных синтаксических значений и многие другие вопросы, связанные с этой сферой, продолжают оставаться более чем актуальными. В их решении наблюдаются и очевидные фактические неточности, и спорные теоретические трактовки, на часть из которых нам хотелось бы остановиться в настоящем очерке.

В теоретическом плане представляется очень значимыми несколько вопросов: во-первых, какова общая совокупность основных «слагаемых» семантики предложения; во-вторых – а как интерпретировать и – соответственно обозначать эти слагаемые; в-третьих – в каком соотношении с понятием «семантическая структура предложения» они находятся. Краткому рассмотрению каждого из этих вопросов будут посвящены в дальнейшем три небольшие параграфа данного раздела.

1. Решение **первого** из указанных вопросов (представляется принципиально близкое к пониманию И. П. Распопова) по отношению к **грамматической семантике предложения** было достаточно развернуто изложено нами в книге «Современный русский язык. Синтаксис простого предложения». Напомним, что основу грамматической семантики конкретного предложения составляет:

1) передача общей схемы соотношений между компонентами выражаемой ситуации (ср.: **Мать послала сестру – Сестру послали к матери – Сестру послали за матерью** и под.);

2) выражение модально-временной оценки ситуации – с позиции говорящего в момент речи (ср.: **Сестру пошлют к матери – Сестру послали бы за матерью – ...пусть пошлют...** и т. д.);

3) выражение целевого назначения предложения (ср.: **Сестру послали к матери – Сестру послали к матери?**);

4) выражение актуального членения предложения (ср.: **Сестру послали за матерью – За матерью послали сестру** и т. д.)¹.

Хотя общая совокупность слагаемых грамматической семантики предложения на современном уровне развития синтаксиса как будто достаточно ясна, характеристика этих слагаемых часто отличается большой неточностью.

Показательны в этом отношении, например, материалы школьного учебника. В одной из редакций учебника по русскому языку для 7– 8 класса

¹ Подробнее см.: Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 19–36.

(в издании 1980 года) весь набор перечисляемых грамматических значений¹ отдельных предложений характеризуется как одно, единое «грамматическое значение». Здесь говорится: «Предложения **Молодежь танцует. Спортсмен тренируется** имеют грамматическое значение: сообщение о том, что лицо совершает действие на самом деле в настоящее время»². Фактически в этой формулировке фиксируются, конечно, по меньшей мере три грамматических значения: 1) значение «сообщения» (в противоположность «вопросу»), то есть грамматическое значение целевого назначения; 2) слитые в совокупности двух морфологических категорий модальное и временное значения: «на самом деле в настоящее время»; 3) соотношение между компонентами ситуации – действием и его субъектом.

С издания 1982 года речь идет уже о грамматических значениях предложения, а не об одном, едином значении. Однако утверждается, что выразителем всех их (в том числе, судя по формулировке, и выразителем целевого назначения) является якобы предикативная основа предложения: «...предложение имеет грамматическую основу, состоящую из главных членов или одного из них. В грамматической основе выражаются грамматические значения предложения. Эти значения связаны со значением наклонений глагола-сказуемого. Например, предложения **Молодежь танцует. Спортсмен тренируется** содержат сообщение о том, что действие на самом деле имеет место в настоящем времени. ...Предложения **Вы проверили сочинения? Вы прочли статью?** содержат вопрос о действии в прошедшем времени»³. В то же время несколько ниже утверждается, что целевое назначение предложения – его повествовательный, вопросительный или побудительный характер – выражается с помощью интонации (а не в грамматической основе «с помощью наклонений глагола – сказуемого»).

Укажем также, что набор тех значений, которые связаны с составом членов предложения, в издании 1980 года в какой-то мере затрагивался – хотя бы по отношению к нераспространенным предложениям. Так, на соотноше-

¹ Среди них – что естественно для школьного учебника – не формулируются значения, связанные с различиями актуального членения. Практическое знакомство с этими различиями осуществляется в связи с изложением вопроса о порядке слов и логическом ударении.

² Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Чешко Л. А. Русский язык: учебник для 7–8 классов. М., 1980. С. 21.

³ Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Чешко Л. А. Русский язык: учебник для 7–8 классов. М., 1982. С. 27.

ние действия и производителя действия указывала формулировка: «Лицо совершает действие...» В издании 1982 года указание на это соотношение изымается, о действии говорится уже вне его отнесенности к лицу: «...действие совершается на самом деле...», и, таким образом, подлежащее как один из компонентов грамматической основы, которая расценивается как выразитель всех (!) грамматических значений предложения, вообще не учитывается¹.

Неточность теоретических оценок, относящихся к рассматриваемой сфере, проиллюстрированная нами на материале школьного учебника, наблюдается и в ряде вузовских курсов современного русского языка.

Таким образом, несмотря на раздельность в грамматическом оформлении разных сторон в семантике предложения, раздельность, которая облегчает выделение его наиболее важных грамматических значений, вопрос об этих значениях и способах их выражения продолжает нередко освещаться не только неполно, но и с очевидными просчетами в чисто фактической оценке синтаксических явлений.

2. Второй вопрос, который мы поставили выше, – это вопрос об интерпретации рассматриваемых значений. Представляется, что распределять их между двумя аспектами предложения – номинативным и коммуникативным, в терминологии Н. Д. Арутюновой, конструктивно-синтаксическим и коммуникативно-синтаксическим, в терминологии И. П. Распопова, – можно лишь условно. Постоянно акцентируемая И. П. Распоповым мысль о том, что к предложению вообще можно подходить только как к единице коммуникативной, всецело распространяется, на наш взгляд, и на совокупность тех грамматических значений, которые выражаются его конструктивным составом – соотношением членов предложения. Состав этот во всем, начиная с выбора типа предикативной конструкции, с иерархии лиц, устанавливаемой с позиции говорящего (первое лицо, второе, третье) и кончая степенью распространенности предложения, а следовательно, и объемом заключенной в нем информации,

¹ Ср. ироническое замечание И. П. Распопова по поводу трактовки структурной схемы предложения в Грамматике-70: «...если структурная схема... устанавливается по «принадлежащей ей системе собственно грамматических средств для выражения синтаксических времен и наклонений», то, очевидно, она должна быть представлена только одним компонентом состава предложения, а именно: финитным глаголом, глагольной связкой или их «заместителями». Во всяком случае, по логике вещей, из этой схемы следовало бы исключить не только второстепенные члены, но и подлежащее, поскольку последнее не имеет никакого отношения к выражению времен и наклонений». – См.: Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов, 1981. С. 11.

определяется всецело условиями коммуникации. Общие законы сочетаемости слов, в соответствии с которыми формируется конструктивный состав предложения, направлены на обслуживание коммуникативных потребностей в выражении многообразных типов соотношения между компонентами ситуаций, являющихся объектами конкретных высказываний. Поэтому практическое удобство краткого обозначения содержательной стороны конструктивного состава предложения как «номинативного» аспекта не должно затемнять коммуникативной сущности и этой стороны в содержании предложения.

Представляется, что вместо двух «укрупненных» аспектов в содержательной структуре предложения должны рассматриваться как самостоятельные все те четыре аспекта, с которыми связаны основные грамматические категории предложения:

- 1) «номинативный» аспект, отражающий совокупность грамматических категорий внутреннего членения предложения¹;
- 2) модально-временной;
- 3) аспект целевого назначения;
- 4) аспект коммуникативной перспективы (в терминологии И. П. Распопова).

3. Третий из поставленных вопросов касается того, в каком соотношении с понятием семантическая структура предложения должны находиться грамматические значения предложения.

Различные трактовки понятия семантическая структура предложения рассматриваются И. П. Распоповым в специальной статье². Но важные положения, открывающие возможности для реалистического решения данной проблемы, содержатся, в сущности, и во всех его работах, посвященных теоретическим вопросам синтаксиса.

Все эти положения объединяет центральная идея неразрывной спаянности семантической и грамматической организации предложения, мысль о том,

¹ Мы не раз обосновывали положение о «грамматичности» основных разновидностей членов предложения, традиционно выделяемых на семантической основе, а соответственно – их статус выразителей грамматических категорий, связанных с внутренним членением предложения. См. выше разделы: О парадигматической системности в выражении второстепенных членов предложения; О грамматическом значении подлежащего двусоставного предложения. См. также нашу книгу «Современный русский язык. Синтаксис простого предложения» (М., 1979).

² См.: Распопов И. П. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // ВЯ. 1981. № 4; То же в указ. выше кн.: Распопов И. П. Указ. соч.

что в костяке семантической структуры предложения прежде всего лежит совокупность выражаемых им **грамматических** значений.

И. П. Распопов отвергает любой из вариантов такой характеристики семантической структуры, где учитывались бы только значения, относящиеся к «номинативному» аспекту предложения: смысл предложения, пишет он, «организуется не только в номинативном, но и в коммуникативном аспектах»¹.

При этом им неизменно подчеркивается «грамматичность» коммуникативных признаков целевого назначения и актуального членения предложения – наличие в языке специализированных средств их грамматического оформления, из чего вытекает их статус грамматических категорий, притом таких, которые характеризуют предложение в целом². Сторонники той модели семантической структуры предложения, «которую можно было бы назвать номинативно-пропозиционной, – пишет И. П. Распопов, – обычно утверждают, что свои коммуникативные свойства предложение приобретает благодаря особому грамматическому оформлению. И это, в общем, верно. Но неверно или, по меньшей мере, сомнительно, что соответствующее грамматическое оформление ограничивается определенной грамматической квалификацией предиката и аргументов... ...необходимо, кроме того, чтобы компоненты номинативного состава предложения (слова в их грамматически оформленном виде) были расположены в определенном линейном порядке и чтобы все предложение в целом получило определенную интонационную характеристику...»³.

Методологически важным представляется протест И. П. Распопова против достаточно многочисленных попыток разобщенного рассмотрения семантической и грамматической структуры предложения: «Такой подход ее категорий, каждая из которых обладает, как известно, своей собственной семантикой. Если же придерживаться указанного понимания (несомненно адекватного, о чем свидетельствует весь предшествующий опыт научного языкознания), то нужно признать, что сама постановка вопроса о соотношении семантической и грамматической структур предложения является абсурдной»⁴. Полностью солидаризуясь с этой оценкой, мы бы характеризовали как неправомерный не столько вопрос о «соотношении», сколько вопрос о самой воз-

¹ Там же. С. 95.

² Там же. С. 14, 15, 17; С. 24–39 и др.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 95.

возможности раздельного, самостоятельного существования «грамматической» и «семантической» структур, если речь идет о грамматических единицах.

В наименьшей степени работы И. П. Распопова затрагивают конкретное содержание тех грамматических значений, которые связаны с конструктивным составом предложения. Однако принципиальные основы для решения соответствующих вопросов определены им и здесь.

В частности, несомненно, во-первых, что он относится к ним как к значениям именно грамматическим: «Означаемую сторону (план содержания) структуры предложения, характеризуемого в конструктивно-синтаксическом аспекте... составляют детерминированные языковым сознанием отношения между реалиями (точнее, классами реалий), а означающую сторону (план выражения) фиксирующие эти отношения связи словесных форм и сами эти формы (точнее, их определенные грамматические классы»¹). Во-вторых, отнюдь не исключает описания соответствующих категорий соотношения между «классами реалий» в традиционных терминах членов предложения².

В целом не вызывает сомнения, таким образом, что семантическую структуру предложения И. П. Распопов понимает как такую структуру, которая организуется в первую очередь грамматическими средствами. И потому в языковом плане она включает в себя прежде всего совокупность выражаемых предложением общих грамматических значений.

Определяющий характер очень широких и абстрактных грамматических значений в организации семантической структуры предложения подтверждается общеизвестным фактом возможности формировать в речи предложения неограниченно многообразной реальной семантики даже в рамках совершенно идентичных грамматических структур, характеризующихся одинаковым набором грамматических значений.

Естественно в то же время, что семантическая структура конкретного предложения как отдельного речевого произведения не исчерпывается совокупностью передаваемых им грамматических значений. Но разумеется, что это и не «сумма» лексических и грамматических значений, а своеобразный их «сплав». Показательны в этом отношении предложения, одинаковые с точки зрения общего набора грамматических значений и даже одинаковые по лексическому составу, но отнюдь не одинаковые с точки зрения передаваемого ими реального или чисто коммуникативного содержания. Ср. например:

¹ Распопов И. П. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 59.

Брат сегодня встречается мать – **Мать сегодня встречается брата:**
Брат сегодня встречается мать – **Брат сегодня встречается мать**

Из примеров подобного рода явствует, что семантическая организация предложения предполагает лексическое наименование компонентов передаваемой ситуации и плюс к тому – обязательно! – грамматическое обозначение того «места», которое занимает каждый компонент в выражаемой схеме реальных и чисто коммуникативных связей.

Специального внимания с точки зрения определяющей роли грамматической семантики заслуживает смысловая организация разнооформленных предложений, общее содержание которых обращено к обозначению одной и той же реальной ситуации, типа:

В саду пусто – Сад пуст; Я радуюсь его успехам – Меня радуют его успехи
– Он радуется моими успехами.

Представляется несомненным, что семантическая структура таких предложений неодинакова, как неодинаково их грамматическое оформление, синтаксические позиции, в которых употребляются отдельные слова.

Принципиально важно подчеркнуть при этом, что причина возможности семантико-грамматических различий при реальном тождестве обозначаемых ситуаций кроется не только и не столько в каких-либо свойствах языка сколько в специфике обозначаемых ситуаций в диалектике отношений между предметами и явлениями объективного мира. Именно реальная диалектичность этих отношений позволяет передавать их с помощью семантически и формально различных структур.

Так, в первой паре приводимых выше примеров предмет, с которым связан ситуативный признак, – сад – обозначается то как место, где проявляется признак, то как непосредственный носитель этого признака. И для того и для другого осмысления связи между предметом и признаком, несомненно, есть реальные основания.

Аналогично во второй группе примеров объект, на который направлена эмоциональная реакция лица (Я радуюсь его успехам), обнаруживает способность осмысляться и как субъект, воздействующий на лицо (радуют успехи), и как «орудие» воздействия со стороны другого лица (он радуется успехами).

Важно подчеркнуть, при этом, что грамматическая семантика каждого из приведенных предложений вполне соответствует характеру ситуации, мо-

тивированно и адекватно передает ее в каком-либо из вариантов возможного осмысления. Естественно в то же время, что предпосылкой возможности грамматического обозначения таких вариантов служит достаточно высокий уровень развития самой языковой системы, и в частности – существование в ней различных моделей для выражения значений в большей или меньшей степени отвлеченных.

В целом определяющую роль в семантической структуре предложения безусловно играют выражаемые им грамматические значения.

Отметим в заключение, что между совокупностью грамматических значений предложения и его конкретным содержанием (которое зависит а) от употребления определенных знаменательных слов, б) от их «размещения» по определенным синтаксическим позициям и в) от определенного интонирования), наблюдаются, на наш взгляд, отношения, аналогичные отношениям между сигнификативным и денотативным значением лексических единиц. Подобно тому, как денотативное значение слова реализуется в речи на базе сигнификативного, понятийного содержания его в языке, так конкретное содержание предложения выражается на базе (и при сохранении!) совокупности широких языковых грамматических значений.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Достоинства той или иной системы описания языковых явлений определяются тем, в какой степени адекватно соответствующая система отражает объективные свойства этих явлений. Поэтому далеко не безразлично, на каких теоретических основаниях строится система описания. Существенны в этом плане используемые при описании классификационные категории.

В настоящем очерке мы рассмотрим вопрос о трактовке типов предложений по цели высказывания и влиянии разных трактовок на характер системы синтаксического описания, ограничиваясь при этом обращением только к **основным** из традиционно выделяемых разрядов этих предложений повествовательным, вопросительным и побудительным.

В выделении типов предложений по цели высказывания в истории русской лингвистики наблюдались известные расхождения: а) включение в их состав восклицательных предложений; б) «укрупнение» классификации за счет объединения повествовательных и побудительных предложений или побудительных и вопросительных и т. д.; в) исключение из рассматриваемого классификационного ряда повествовательных предложений – как предложений, не обладающих специфическими формальными показателями (у авторов, не признающих таким показателем интонацию) и некоторые другие. Расхождения эти (начиная с грамматик А. Х. Востокова и Н. И. Греча) рассматриваются в монографии Г. В. Валимовой «Функциональные типы предложений» (Ростов-на-Дону, 1967. С. 44–54).

В настоящее время в отечественной лингвистике в ряде работ получает продолжение вторая из указанных выше тенденций – тенденция к «укрупнению» классификации, к выделению не трех, а двух основных противопоставлений. При этом у одних авторов объединяются повествовательные и побудительные предложения, у других – побудительные и вопросительные. Например, в последних работах И. П. Распопова противопоставляются только повествовательные и вопросительные предложения (побудительные включаются в состав повествовательных)¹, в то время как в книге «Строение простого предложения в русском языке» (М., 1970) И. П. Распопов выделял в качестве самостоятельных типов повествовательные, вопросительные и побудительные

¹ См.: Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. С. 32; Его же. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов-на-Дону, 1981. С. 24–25.

предложения. Во втором томе «Русской грамматики» под ред. Н. Ю. Шведовой (М.: Наука, 1980) противопоставляются друг другу **невопросительные и вопросительные** предложения. В книге Л. С. Бархударова «Структура простого предложения современного английского языка» (М.: Высшая школа, 1966) – **непобудительные и побудительные** предложения.

Соотношения соответствующих классификационных рубрик показаны в следующей схеме 1:

Схема 1

Распопов И. П. 1970	повествоват. побудит.	вопросительные
Распопов И. П. 1971, 1981	повествовательные	вопросительные
Русская грамматика, 1980	невопросительные	вопросительные
Бархударов Л. С.	непобудит. побудит.	непобудительные

Общие и частные классификационные расхождения связаны, на наш взгляд, с относительно немногими основными причинами.

Объективная возможность «укрупненных» классификационных группировок обусловлена тем, что различные функциональные типы имеют в то же время ряд общих смысловых и грамматических признаков.

Например, и повествовательные, и побудительные предложения рассчитаны на **передачу информации собеседнику** и в этом отношении одинаково противопоставлены вопросительным предложениям, предполагающим получение информации от собеседника¹. В этом и состоит сходство их коммуникативной роли.

В то же время по другой линии коммуникативное сходство наблюдается у побудительных и вопросительных предложений: «Момент адресованного собеседнику побуждения к какому-то действию (с включением сюда и речевого действия) в явно выраженном или скрытом, имплицитном виде всегда присутствует в семантике как вопросительных, так и побудительных предложений, и это их объединяет в противопоставлении повествовательным предложениям», – пишет И. П. Распопов, добавляя, что «Ф. Ф. Фортунатов не без оснований рассматривал вопросительные предложения как одну из разновид-

¹ См. об этом: Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. С. 24–25.

ностей побудительной речи»¹. Сходством коммуникативной роли объясняется и близость условий употребления: в своих прямых функциях и вопросительные, и побудительные предложения, в отличие от повествовательных, используются почти исключительно в диалогической речи.

Немаловажно, что общие особенности есть также у повествовательных и вопросительных предложений. Эти предложения предполагают разные ролевые отношения между говорящим и собеседником: в первом случае собеседник – информируемый, во втором – информирующий участник речевого общения. Однако и повествовательные, и вопросительные предложения рассчитаны на выявление связей между предметами и явлениями. Из этого вытекают общие закономерности в формировании их конструктивного состава – состава членов предложения. Главное же – оба типа допускают формирование предложения в любом модальном плане и могут в принципе характеризоваться как реальной, так и потенциальной модальностью. В этом отношении им резко противостоят побудительные предложения, употребление которых всегда связано только с потенциальной модальностью. Эта особенность (с акцентировкой формально-грамматического аспекта) и формальная бессубъектность большинства побудительных конструкций подчеркиваются Л. С. Бархударовым, противопоставляющим «непобудительные» и «побудительные» предложения как различные (структурные!) типы предложений.

Одну из объективных причин неоднозначности в современной трактовке побудительных предложений составляет, по определению Г. В. Валимовой, их **модально-функциональный характер**²). Дело в том, что повелительное наклонение глагольного сказуемого или просто интонационное оформление побудительного предложения (**Молчите! Молчать! Вперед!** и под.) грамматически выражают одновременно и побудительную целевую установку предложения, и его потенциальную (а не реальную!) модальность. Именно это совмещение двух аспектов грамматического значения предопределяет колебания, которые наблюдаются в оценке побудительных предложений у И. П. Распопова (как было показано выше, он сначала рассматривал их как самостоятельный функциональный тип предложений, а потом – как лишь одну из модальных разновидностей повествовательных предложений).

Представляется, однако, что, несмотря на естественное совмещение указанных грамматических значений, правомерно поставить вопрос о том,

¹ Распопов И. П. Структура простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 86.

² Валимова Г. В. Функциональные типы предложений. Изд-во РГУ, 1967. С. 55.

какое из них является у побудительных предложений первичным. На наш взгляд, это, несомненно, побудительная целевая установка предложения. Выражение потенциальной модальности является лишь неизбежным следствием побудительной семантики; реализация действия при побуждении, естественно, мыслится только в перспективе более или менее отдаленной или ближайшей. В различных условиях употребления широкое значение потенциальной модальности может реализоваться, по мысли Н. А. Илюхиной, выраженной в одном из докладов, в различных вариантах: желательности, возможности, необходимости и т. д. Эти варианты имеют, на наш взгляд, не узко речевую ситуативную обусловленность: они закономерно предопределяются характером семантико-грамматических подразрядов побудительных предложений. Так, в предложениях, выражающих приказ, команду, распоряжение, официальное требование, т. е. побуждение к обязательному выполнению действия, предполагается необходимость осуществления действия. В предложениях, выражающих просьбу, на первый план выдвигается значение желательности его осуществления; при выражении совета, рекомендации – значение целесообразности с точки зрения говорящего. И т. д. Указанные отношения предопределяются социальным характером соответствующих разновидностей побуждения: отношения социальной субординации предполагают необходимость исполнения приказов, команд и подобных видов побуждения; просьба используется в ситуациях зависимости от воли собеседника и потому выражает лишь желательность действия с точки зрения говорящего (чаще всего – это действие в интересах говорящего, реже – в интересах лиц, о которых ходатайствует говорящий); совет предполагает, что в осуществлении действия (с точки зрения говорящего) заинтересован собеседник, а говорящий, побуждая к действию, оценивает его как целесообразное и возможное¹

¹ Н. И. Поройкова не без основания считает «необходимым (постоянным) признаком побудительной модальности» желаемость действия (оптативность). (См.: Поройкова Н. И. К характеристике семантической структуры ситуации побуждения // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985. С. 31). Но это не исключает, на наш взгляд, выдвигения на первый план разных аспектов потенциальной модальности при употреблении различных подразрядов побудительных предложений. Что касается понятия «побудительной модальности», то, несмотря на обращенность в первую очередь к функциональной характеристике предложения, оно представляется достаточно точным, а может быть, и единственно возможным: минуя побудительное назначение, невозможно выразить специфику потенциальной модальности, которая выражается любой разновидностью побудительных предложений.

Принципиально важным при этом представляется тот факт, что как общее значение потенциальной модальности, так и частные модальные значения отдельных подразрядов имеют у побудительных предложений **«производный»** характер, постоянно обнаруживая непосредственную зависимость от целевого назначения предложения.

Поэтому, несмотря на то, что между выражением категории целевого назначения и категории модальности в побудительных предложениях наблюдается неразрывная, жесткая и обязательная связь, эти предложения следует признать, на наш взгляд, особым функциональным, а не модально-функциональным типом предложений.

Несмотря на наличие «точек пересечения» как с повествовательными, так и с вопросительными предложениями, побудительные предложения характеризуются специфическими признаками, несомненно значимыми с точки зрения категории целевого назначения.

В коммуникативно-семантическом плане своеобразие каждого из трех основных функциональных типов предопределяется **характером тех контактов с собеседником**, которые задаются грамматическим значением предложения, связанным с его целевой установкой.

С помощью **повествовательных** предложений говорящий сообщает об определенных (преломленных в его сознании) явлениях и связях между ними, **констатирует** их. Соответственно целевое назначение этих предложений (грамматически!) ориентировано только на **восприятие** соответствующей информации собеседником; все другие практически возможные реакции собеседника зависят от конкретного содержания повествовательного предложения и речевой ситуации, а не от его грамматического значения.

Побудительная семантика, связанная с выражением адресованного волеизъявления к осуществлению действий, принципиально **исключает возможность констатации** фактов: показательно, что в собственно повествовательных текстах употребление побудительных предложений невозможно. Что касается реакции собеседника, то побудительные предложения грамматически предопределяют **активный характер** этой **реакции**. При этом ее конкретные проявления задаются актом побуждения достаточно жестко: программируется либо исполнение действия, либо выражение согласия – несогласия на его исполнение. Даже характер «факультативных» реакций собеседника (например – вопрос по поводу условий реализации побуждения) задается побудительным предложением несравненно более определенно, чем при употреблении повествовательных предложений.

Грамматическая семантика **вопросительных** предложений предполагает ответную речевую реакцию собеседника в форме повествовательного предложения и нечленимых предложений (практически ответ может быть выражен также и паралингвистическими средствами).

Таким образом, особенности целевого назначения и соответствующие им «правила» коммуникативного использования у повествовательных, вопросительных и побудительных предложений явно различны.

Возвращаясь к вопросу о причинах выделения укрупненных группировок (невопросительные – вопросительные, непобудительные – побудительные предложения и под.), следует заметить, что, кроме черт объективного сходства в коммуникативном назначении разных типов предложений, в настоящее время несомненную роль здесь играет влияние определенных научных направлений и школ.

В основном это прямое или косвенное влияние структуралистских идей, с свойственной для структурализма переоценкой или излишне прямолинейной оценкой формально-грамматической специфики предложений и, наоборот, недооценкой их семантического своеобразия, с искусственной схематизацией в интерпретации языковых фактов.

Особенно показательны в этом плане:

1) трактовка «невопросительных – вопросительных» и «непобудительных – побудительных» предложений не как функциональных, а как собственно «структурных» типов предложений в «Русской грамматике» и у Л. С. Бархударова¹;

2) использование семантически бессодержательных понятий «невопросительные», «непобудительные» предложения;

3) тенденция сводить наблюдающиеся в языке сложные отношения между семантически противопоставленными средствами языка непременно к бинарным – «симметричным» противопоставлениям, а не к трехчленным или многочленным, какими они реально являются в языковой системе.

¹ Знаменательно, что Л. С. Бархударов (см. указ. работу, с. 175–176) отказывает вопросительным предложениям в статусе самостоятельного (структурного!) типа на том основании, что вопросительный характер предложения передается не каким-либо одним определенным грамматическим средством, а разными средствами. Естественно, что если бы соответствующая дифференциация предложений рассматривалась с точки зрения грамматической семантики, а не в плане выявления чисто «структурных» типов, то использование разных средств смущать бы не могло: выражение одного грамматического значения разными средствами – факт обычный.

Несомненно, что трактовка типов предложений по цели высказывания представляет интерес не только в чисто теоретическом отношении, но и в плане выбора определенной системы грамматического описания.

Рассмотренные выше «укрупненные» классификации представляются в разных отношениях не соответствующими задачам эффективного описания языковой системы.

Включение побудительных предложений в разряд повествовательных является неудобным и нецелесообразным: коммуникативная, а вместе с тем и грамматическая специфика побудительных предложений оказывается при таком объединении затушеванной, сведенной к своеобразию чисто модальному. Невыделенность побудительных предложений в классификационном ряду основных коммуникативных типов предложений ограничивает возможности дальнейшей детализации их описания в плане актуальных задач функциональной грамматики (имеем в виду дифференцированное описание предложений, выражающих просьбы, советы, приказы, команды и т. д.).

Рассмотрение вопросительных и «невопросительных», побудительных и «непобудительных» предложений в качестве чисто структурных разрядов связано с недостатками гораздо более глубокими. Такое рассмотрение по существу означает отказ от одного из главных достижений современной синтаксической науки – от признания значительной самостоятельности разных аспектов в грамматической семантике и, соответственно, в грамматическом оформлении предложения.

Достаточно очевидно, что с выражением цели высказывания связана **особая грамматическая категория** – категория целевого назначения в терминологии И. П. Распопова. Средства выражения этой категории имеют специфический характер, чаще всего они лишь «накладываются» на конструктивный состав членов предложения, важнейшие закономерности которого являются общими для любого коммуникативного типа предложений. Соответственно рассмотрение коммуникативных типов предложений и средств их грамматического оформления должно составлять **отдельный аспект грамматического описания**.

Между тем в «Русской грамматике» наблюдается неправомерное смешение разных аспектов.

Прежде всего это относится к описанию конструктивных типов предложений. Рассмотрение их структурных схем искусственно увязывается здесь с противопоставлением «невопросительных» и вопросительных предложений; основные структурные схемы конструктивного состава предложений

описываются в разделе «Невопросительные предложения». Создается иллюзия, будто структурные схемы вопросительных предложений принципиально отличны от «невопросительных». Между тем в действительности основная масса этих схем универсальна для предложений разных коммуникативных типов (закономерности формирования конструктивного состава членов предложения зависят от различия предложений по цели высказывания в относительно небольшой мере).

Рассмотрение побудительных предложений в «Русской грамматике» растворено в описании структурных схем конструктивных типов «невопросительных» предложений. Их коммуникативное своеобразие оказывается неакцентированным, так как характеристика их осуществляется лишь в терминах «синтаксических наклонений» – в одной плоскости с синтаксическим индикативом, охватывающим и вопросительные предложения (!), и с «долженствительным наклонением», тоже не закрепленным за каким-либо отдельным коммуникативным типом предложений.

В перспективе создания новых описательных грамматик только раздельное описание разных аспектов даст возможность высветить и своеобразие каждого из них, и проявления их взаимодействия.

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В современной теории сложноподчиненного предложения накопилось, на наш взгляд, достаточно много таких трактовок, которые превратились в своего рода теоретические предрассудки.

Во-первых, устойчиво держатся не вполне адекватные оценки принципов существующих классификаций сложноподчиненных предложений. Во-вторых, наблюдается тенденция канонизировать некоторые из современных подходов к классификации этих предложений.

Между тем и выбор классификации, и адекватность осмысления принципов различных классификаций – это проблемы не только собственно теоретической, но и практической значимости. Тип принятой классификации предопределяет основные направления характеристики синтаксических конструкций, систему их описания, методику изучения в школе и вузе.

Обращает на себя внимание значительный разрыв между классификацией, принятой в современном школьном учебнике по русскому языку, и тем направлением классификации сложноподчиненных предложений, которое (в несколько различающихся вариантах) возобладало в настоящее время в академических описательных грамматиках (1970, 1980), а также в вузовских учебниках и учебных программах.

Можно думать, что несовпадение это имплицитно как бы предполагает оценку школьной классификации как известным образом упрощенной, рассчитанной на решение чисто практических задач. Между тем, как мы постараемся показать это далее, по последовательности принципа и по плодотворности соответствующего направления в характеристике сложноподчиненных предложений данная классификация является едва ли не одной из самых целесообразных. Поэтому иная система описания в вузовских учебных курсах, призванных готовить студентов к работе в школе¹, не только неудобна практически, но вряд ли может быть оправдана и соображениями теоретического порядка.

В последующем изложении мы рассмотрим наиболее важные направления в классификации сложноподчиненных предложений. Итогом этого рас-

¹ См., в частности, вузовский курс для студентов педагогических институтов «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» (М., 1969, 1977), написанный авторами современного школьного учебника С. Е. Крючковым и Л. Ю. Максимовым.

смотрения должно стать решение вопроса о том, в какой мере разные классификации способствуют выявлению **грамматических категорий**, выразителями которых служат сложноподчиненные предложения.

К оценке «структурно-семантического» направления

Большое, точнее – господствующее, положение в современных описательных грамматиках, созданных под редакцией Н. Ю. Шведовой в Институте русского языка АН СССР, в современных вузовских учебниках и учебных программах занимают классификации, пропагандировавшиеся в конце 50-х – начале 60-х годов в статьях Н. С. Поспелова, С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова, С. Г. Ильенко, в трудах В. А. Белошапковой и других исследователей.

Сторонники данного направления оценивают принцип своих сходных между собой классификаций как структурно-семантический.

Однако знакомство с разрядами, которые (в разных вариантах) выделяются ими, убеждает, что в основе рассматриваемого направления классификации лежат скорее формально-грамматические признаки и потому интерпретация его как структурно-семантического неадекватно отражает его истинный характер.

На первой ступени соответствующих классификаций учитывается степень спаянности частей, зависящая от того, наблюдается ли у придаточного предложения жесткая связь с каким-либо одним конкретным словом главного предложения, или оно может быть соотнесено с содержанием всего главного предложения в целом. Предложения первой группы именуется у Н. С. Поспелова одночленными, у В. А. Белошапковой – нерасчлененными, в «Русской грамматике» – предложениями нерасчлененной структуры; предложения второй группы у Н. С. Поспелова – двучленными, у В. А. Белошапковой – расчлененными, в «Русской грамматике» – предложениями расчлененной структуры.

На второй ступени классификации «нерасчлененные» («одночленные») предложения дифференцируются у разных авторов несколько различно, но в основном зависимости от характера связи между главной и придаточной частью.

См., например, некоторые разряды, противопоставляемые друг другу в составе этих предложений:

– у В. А. Белошапковой: предложения «с присловной связью» – предложения «с корреляционной» связью (местоименно-соотносительные);

– в «Русской грамматике» – «предложения с союзной связью частей» – «предложения с местоименной связью частей»; ср. у С. Е. Крючкова Л. Ю. Максимова противопоставление «местоименно-соотносительных» и «местоименно-союзных» предложений.

Поэтому понятие структурно-семантического принципа приложимо к соответствующим классификационным вариантам лишь в том смысле, что в них наблюдается смешение разных принципов классификации¹. На первой ступени они имеют, как говорилось выше, формально-грамматический характер. На второй ступени разновидности «нерасчлененных» предложений выделяются в большинстве случаев по формальным признакам, а разновидности «расчлененных» – по семантическим (среди «расчлененных» предложений у всех указанных авторов выделяются временные, условные и т. д.).

В работах С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова отсутствие единства принципа прослеживается и в наименованиях разновидностей «нерасчлененных» предложений: термины «местоименно-соотносительные», «местоименно-союзные» обращены к формальным особенностям соответствующих предложений; «присубстантивно-атрибутивные» – как к формальным, так и к семантическим; «изъяснительные» – к семантическим.

К оценке «традиционной» классификации и классификации, принятой в школьном учебнике С. Г. Бархударова, С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова и Л. А. Чешко

Интерпретация так называемой традиционной классификации нуждается, по крайней мере, в двух уточнениях.

Первое касается выяснения того, является ли она только классификацией придаточных предложений, а не сложноподчиненных предложений в единстве главной и придаточной частей – это вопрос, который И. П. Распо-

¹ Определенным сходством с рассматриваемыми характеризуется классификация предложения И. П. Распоповым, См.: **Распопов И. П.** К дихотомической классификации сложноподчиненных предложений // **Распопов И. П.** Спорные вопросы синтаксиса. Ростов-на-Дону, 1981. С. 99–106. Однако И. П. Распопов последовательно осуществляет свою классификацию по характеру «узлов связи» и отнюдь не причисляет ее к структурно-семантическим.

пов, например, ставит как общий классификационный вопрос: «классифицируемыми объектами оказываются нередко то сложноподчиненные предложения как таковые (когда различают, например, предложения расчлененного и нерасчлененного типов), то лишь отдельные конструктивные части этих предложений (когда выделяются такие их классы, как присловные, детерминантные, условные, временные, причинные и т. п.)» пишет он¹.

Едва ли, однако, это терминологически справедливое замечание затрагивает суть вопроса.

Традиционная классификация основывается на признании того, что функция придаточного предложения аналогична функции определенного члена главного предложения, и соответственно тип придаточного предложения устанавливается здесь **исходя из его роли по отношению к главному**. Следовательно, основное, что учитывается в этой классификации, – это **характер соотношения частей**, а коль скоро это так, речь идет о своеобразии тех отношений, которые наблюдаются в рамках **всего** сложноподчиненного предложения, а не о специфике изолированно взятой придаточной части.

Данное положение оказывается действительным при любом способе выражения этих отношений: основные их маркеры могут иметь либо а) одностороннюю прикрепленность только к придаточной части, либо б) употребляться и в главной, и в придаточной части (нередко при ведущей роли показателей главной части).

Так, при выражении большинства собственно обстоятельственных отношений (в «расчлененных» предложениях) основным маркером категориального значения, во имя которого и формируется сложное предложение, является союз придаточной части. Ср., например:

Когда он придет, займемся отчетом.

Если он придет, займемся отчетом.

Хотя он не пришел, мы занимались отчетом.

Он пришел, чтобы заняться с нами отчетом.

Так как он не пришел, заняться отчетом нам не удалось.

Он не пришел, так что заняться отчетом не удалось.

Другие смысловые отношения в большинстве случаев получают двустороннее выражение.

¹ Распопов И. П. Указ. работа. С. 110.

При этом ориентация традиционной классификации на роль придаточной части по отношению к главной особенно ярко проявляется при оценке предложений, построенных на основе местоименно-союзной связи. Здесь каждый из связующих элементов привносит в общее значение свой семантический компонент. Ср.:

Туман так густ, что палаток почти не различить.

(придаточное степени)

Он бросил такой взгляд, что я невольно пожегился.

(придаточное определительное)

Было такое ощущение, будто я на палубе.

(определяющее)

Чувствую себя так, будто не покидал родных мест.

(образа действия)

Жить надо так, чтобы способности человека не иссякали.

(образа действия)

Тип придаточного предложения и в традиционной, и в преименно связанной с ней классификации, принятой в школьном учебнике С. Г. Бархударова, С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова и Л. А. Чешко, определяется в таких конструкциях в соответствии с тем направлением качественной или количественной характеристики, которое задается связующим местоименным компонентом главного предложения – так, настолько, такой. Во имя этого основного направления смысловой характеристики в обеих классификациях «приносятся в жертву» значения, привносимые каждым отдельным союзом: значения следствия при употреблении союза **что**; сравнения – при употреблении сравнительных союзов; цели – при использовании союза **чтобы**. Дело в том, что выражение этих отношений является в рассматриваемых сложноподчиненных предложениях не самоцелью: **через** следствие, сравнение, цель косвенно выражаются качественные или количественные признаки.

В некоторых трудах тип придаточного предложения определяется в подобных случаях как раз по значению, привносимому союзом. Так, например, в «Грамматике русского языка» (Том II. Часть вторая. М., 1954. § 1523, 1524, 1527) придаточные с союзами **что** и **чтобы** оцениваются как придаточные следствия, с сравнительными союзами – как придаточные сравнительные. Важно заметить при этом, что хотя тип придаточного предложения устанавливается здесь в нарушение общего принципа традиционной классификации, принятой в этой грамматике, значения следствия и сравнения устанавливаются

ся в подобных случаях отнюдь не без учета смысловых соотношений между главной и придаточной частью. Вне этих соотношений синсемантические союзы **что, чтобы, будто** и под. не способны выражать значений следствия, цели, сравнения. Ср., например: **Убеждаюсь, что** палаток не видно – **Туман так густ, что** палаток не видно. Примеры подобного типа особенно наглядно показывают, что изолированно взятые придаточные предложения классифицировать вообще невозможно.

Второй (и главный!) вопрос, нуждающийся в уточнении при характеристике традиционной классификации, – это вопрос о ее принципе.

До сих пор ее обычно характеризуют как классификацию, имеющую **логическую (смысловую) основу**, тем самым как бы молчаливо предполагая, что она лишена грамматических, а может быть, и вообще собственно лингвистических оснований.

На самом деле это глубоко неверно. Не нуждается в доказательствах, во-первых, то, что сложноподчиненные предложения с теми типами придаточных, которые выделяются по этой классификации, характеризуются каждое специфическими грамматическими признаками и, следовательно, имеют отнюдь не только смысловое своеобразие. Во-вторых, разграничение ряда типов придаточных предложений – подлежащих и дополнительных, определенных и сказуемых – базируется в традиционной классификации вообще не на смысловых, а на формально-грамматических основаниях: оно зависит от того, позицию какого члена предложения, отсутствующего в главном или выраженного нуждающимся в раскрытии местоименным словом, замещает придаточное предложение. Смысловые отношения в противопоставляемых предложениях нередко идентичны. Ср., например:

Представил, как идет по знакомой улице.

(придаточное дополнительное)

Представилось, как идет по знакомой улице.

(подлежащее)

Собрали все, что нужно.

(дополнительное)

Собрано все, что нужно.

(подлежащее)

У него было **такое** лицо, **будто** он обо всем догадывается.

(определятельное)

Лицо у него было **такое, будто** он обо всем догадывается.

(сказуемое)

Именно формальный характер данных классификационных противопоставлений, **основывающихся лишь на структурных различиях главной** части служил и служит одним из поводов для критики традиционной классификации и для разработки несколько иной, укрупненной классификации, принятой в школьном учебнике.

В классификации, используемой в школьном учебнике, как и в традиционной, тип придаточного предложения оценивается **по роли для главного**. Но в отличие от традиционной классификации здесь учитывается не замещаемая синтаксическая позиция, а характер собственно смысловых функций придаточной части по отношению к главной: обозначение признака предметного понятия в придаточных определительных (в том числе в местоименно-определятельных типа «**То, что он увидел...**», «**Все, кто пришел...**»); выражение содержания речи, мысли, восприятия или предмета оценки в изъяснительных придаточных предложениях.

Именно в этой классификации последовательно выдержан структурно-семантический, а точнее семантико-грамматический принцип. Достоинства ее определяются тем, что она удовлетворяет требованию необходимого при изучении грамматики **категориального подхода** к характеристике и описанию синтаксических конструкций. Типы сложных предложений, выделяемых на ее основе, являются не чем иным, как выразителями определенных грамматических категорий — с их специфическим значением и формально-грамматическим своеобразием. Естественный путь их рассмотрения — **от категориальных значений к грамматическому механизму реализации этих значений**.

Представляется, что только на этом пути займут должное (подчиненное) место грамматические характеристики, определившиеся в ходе разработки тех новых вариантов формально-грамматических классификаций, речь о которых шла выше (раздел 1). Соответствующие характеристики интересны **не в качестве самостоятельной классификационной основы**, а в плане выявления грамматических особенностей, которые либо прямо вытекают из смысловых отношений, передаваемых в сложном предложении, либо просто реализуют выражение определенного типа этих отношений. Так, «детерминантный» характер придаточных частей в предложениях «расчлененной структуры» вытекает из особенностей, предопределяемых большинством собственно обстоятельственных значений. Присловное употребление придаточной части задается спецификой отношений определятельных (в узком понимании этого термина — при выражении признака предмета), изъяснитель-

ных, а также степенных и образа действия. Местоименно-союзный способ соединения частей сложного предложения интересен как способ выражения качественно-количественных отношений. И т. д.

Выделение «расчлененных» – «нерасчлененных» предложений с дальнейшей детализацией формально-грамматических разновидностей «нерасчлененных» предложений лишено достоинств категориального подхода. Классификации в этом плане могут и должны подвергаться не сложноподчиненные предложения как таковые, а способы связи их частей – при общей характеристике сложноподчиненных предложений до и после рассмотрения их категориальных разновидностей.

Подход к сложноподчиненным предложениям с точки зрения выражаемых ими грамматических категорий, естественно, требует сохранять традиционное именование их не по внешним грамматическим приметам, а в соответствии с характером их грамматических значений. Это обычный способ номинации в морфологии, где грамматические категории и грамматические формы называются по типу грамматического значения, а не по типичным формальным приметам: «категория времени», «формы прошедшего времени», а не «эль-формы»; «формы множественного числа», а не «-и/-ы-формы» и т. д.

Категориальный подход к характеристике сложноподчиненных предложений является единственно плодотворным в учебной практике и, думается, в практике создания любых описательных грамматик. Теоретически это определяется адекватным отражением **содержательной природы** этих предложений при таком подходе: Эффективность в процессе обучения обуславливается тем, что, обеспечивая понимание назначения разных типов сложноподчиненных предложений, путь от грамматической семантики к грамматической форме способствует интересу к явлениям языка, сознательному отношению к практике их речевого использования, а соответственно – культуре речи; способствует развитию аналитического мышления, философскому осознанию связи между языком и реальностью, языком и мышлением.

Научное издание

Скобликова Елена Сергеевна

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО ТЕОРИИ СИНТАКСИСА

Монография

Публикуется в авторской редакции
Титульное редактирование *Т.И. Кузнецовой*
Компьютерная вёрстка, макет *Т.В. Кондратьевой*

Подписано в печать 27.04.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 10,5; уч.-изд. л. 11,25. Тираж 500 экз. Заказ № 2727
Издательство «Самарский университет» 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. 8 (846) 334-54-23.

Отпечатано с готового оригинала-макета на УОП
Самарского университета